

ПОСЛѢ

САНЪ-СТЕФАНО

17222

ЗАПИСКИ

графа Н. П. ИГНАТЬЕВА

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

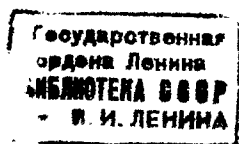
А. А. БАШМАКОВА

ПЕТРОГРАДЪ

1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой. 2 мая 1916 года.

23826-49

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“, Зртелевъ, 13

2007079002

I.

Высочайшее повелѣніе мнѣ отправиться въ Вѣну для выясненія притязаній графа Андраши и отношенія къ намъ австро-венгерскаго правительства вслѣдствіе заключенія Санъ-Стефанскаго договора было дано 11-го марта 1878 года, а 12-го я выѣхалъ изъ Петербурга чрезъ Варшаву въ Вѣну, куда и прибылъ 14-го марта, въ пять часовъ пополудни.

На другой же день посѣтилъ я графа Андраши и былъ тотчасъ затѣмъ принятъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ. На аудіенціи я передалъ ему письмо его величества, которымъ былъ снабженъ при отъѣздѣ, и доложилъ, что императорское правительство было постоянно убѣждено, что дѣйствуетъ въ Турціи въ полномъ согласіи съ Вѣною, и потому крайне поражено проявившимся нынѣ неожиданнымъ недоразумѣніемъ, тѣмъ болѣе, что полагаетъ, что съ своей стороны отнюдь не выходило изъ условленныхъ между нами рамокъ и не подавало ни малѣйшаго повода къ жалобамъ со стороны Австріи. Я доложилъ Францу-Іосифу, что присланъ, чтобы выяснитъ непонятныя для насъ недоразумѣнія, недавно возникшія, и положеніе, принятое австро-венгерскимъ правительствомъ по заключеніи нами мира, и представить всѣ тѣ разъясненія, которыя императоръ и его правительство признаютъ нужными для правильной оцѣнки заключеннаго нами договора съ турками и уразумѣнія нашихъ дальнѣйшихъ видовъ. Принятъ я былъ императоромъ и всѣмъ вѣнскимъ обществомъ очень благосклонно, но у графа Андраши не трудно было подмѣтить смущеніе, зависть, раздраженіе и даже плохо затаенную злобу. Съ первыхъ словъ, слышанныхъ какъ отъ императора, такъ и отъ графа Андраши и другихъ правительственныхъ лицъ, было легко убѣдиться, что въ основаніи отношеній нашихъ съ Австро-Венгеріею лежитъ недоразумѣніе и взаимное непониманіе другъ друга, происходящее отъ усвоенныхъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, антагонизма интересовъ и взаимныхъ недомолвокъ дипломатовъ. Приходилось прийти

къ заключенію, что конвенція наша (3-го января 1877 года) ¹⁾ заключена бесполезно и неосмотрительно, а редакція ея совершенно неудовлетворительна и подастъ поводъ къ самымъ недобросовѣстнымъ толкованіямъ. Графъ Андраши, съ самою большою безцеремонностью и нахальствомъ, пользовался всякимъ неосторожнымъ словомъ нашихъ сообщеній и каждою недомолвкою или неясностью текста конвенціи, постоянно ссылаясь притомъ на письма и сообщенія принца Александра Гессенскаго, бывшаго предо мною въ Вѣнѣ, на обратномъ пути изъ Петербурга. Принцъ Гессенскій ²⁾, по словамъ графа Андраши, не только не признавалъ, что, по смыслу конвенціи, мы не правы въ нашемъ разномысліи съ Вѣною, но и передавалъ, что это будто бы признаютъ въ Петербургѣ. Вообще оказалось, что принцъ Александръ Гессенскій, съ которымъ были, какъ всегда, слишкомъ откровенны и неосторожны въ Петербургѣ, повредилъ намъ вмѣшательствомъ своимъ и сообщеніями австро-венгерскому правительству. Онъ, очевидно, старался объ одномъ: объ обезпеченіи поддержки какъ Россіи, такъ и Австріи кандидатурѣ своего сына на болгарскій престолъ.

Изъ объясненій моихъ какъ съ императоромъ, такъ и съ графомъ Андраши выяснилось, что Францъ-Иосифъ былъ недоволенъ письмомъ государя, привезеннымъ ему Новиковымъ при возвращеніи въ Вѣну въ январѣ, и, считая себя съ тѣхъ поръ нами обиденнымъ, не оказывалъ прежняго противодѣйствія мадьярскимъ увле-

¹⁾ 3-го (15-го) января 1877 г. состоялось подписаніе въ Пенѣ *военной* конвенціи между Австро-Венгеріею и Россіею. Въ силу этой конвенціи мы наложили на себя ограниченіе: ни въ какомъ случаѣ не занимать Сербіи нашими войсками, взамѣнъ чего Австрія дала свое согласіе на «участіе сербскихъ и черногорскихъ войскъ въ совместныхъ дѣйствіяхъ съ русскими войсками *въ* предѣлахъ ихъ княжествъ». (Ср. С. М. Горькина «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 304).

Затѣмъ, тою же датой 3—15-го января 1877 г. (ради объединенія съ *военною* конвенціею) была составлена вторая (*территориальная*) конвенція съ Австріею, хотя она фактически была заключена позже, т. е. 6-го (18-го) марта 1877 г., тоже въ Будапештѣ. Это послѣдняя секретная конвенція опредѣляла, въ развитіе положеній Рейхштадтскаго договора: во-первыхъ, что въ случаѣ передѣла Турціи Австро-Венгерія получала Боснію и Герцеговину, но безъ Новобазарскаго санџака; во-вторыхъ, Россія получала ту часть Бессарабіи, которая была утрачена ею послѣ Крымской кампаніи; затѣмъ обусловлена была взаимная дипломатическая поддержка между Россіею и Австріею; наконецъ, предусматривалась гарантія, уже содержавшаяся въ Рейхштадтскомъ договорѣ: «о устройствѣ самостоятельныхъ государствъ изъ Болгаріи, Албаніи, Румелии и т. д. (См. Горькина, стр. 306 и 308).

²⁾ Принцъ Александръ Гессенскій, братъ російской императрицы Маріи Александровны, родился въ Дармштадтѣ, въ 1823 году. Онъ служилъ въ русскихъ войскахъ съ 1840 до 1851 года на Кавказѣ и имѣлъ чинъ русскаго генералъ-майора. Съ 1852 года служилъ въ австрійской арміи, гдѣ получилъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи, послѣ участія въ неблагополучномъ для Австріи итальянскомъ походѣ 1859 года. Въ 1866 году онъ сражался, на австрійской сторонѣ, противъ Пруссіи. Отъ его морганатическаго брака съ польскою графиней Гауке родился въ 1857 году принцъ Александръ Баттенбергскій, который въ 1879 году былъ избранъ на болгарскій престолъ. А. Б.

ченіямъ графа Андраши. Въ то же время Францъ-Іосифъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ, однакоже, ни разрыва, ни ссоры съ нами и лично былъ душевно расположенъ поддерживать съ государемъ Александромъ Николаевичемъ самыя дружескія отношенія, считая, что ему легко будетъ измѣнить образъ мыслей его величества на восточный вопросъ и принятыя имъ рѣшенія. Графъ Андраши, одинъ изъ всѣхъ лицъ правительственныхъ и высшаго вѣнскаго общества, оказался намъ враждебнымъ ¹⁾. Зная личное расположеніе Франца-Іосифа къ союзу съ Россіею, графъ Андраши лицемѣрилъ и старался лишь мало-по-малу, незамѣтно увлечь императора въ противоположную сторону, приводя постепенно къ соглашенію съ Великобританіей и выставляя на видъ, что онъ вынужденъ поступать такъ противно своему собственному желанію, но неотвратимо. Австро-венгерскій министръ, привыкшій распоряжаться нашею восточной политикою, былъ раздраженъ отклоненіемъ Россіею созыва конгресса въ Вѣнѣ ²⁾, такъ какъ эта неудача компрометировала его лично въ глазахъ императора и венгерцевъ. Видно по всему, что онъ такъ увѣрилъ всѣхъ въ своемъ вліяніи въ Петербургѣ и въ несомнѣнномъ успѣхѣ затѣяннаго имъ дѣла, что даже крайне осторожный и несообщительный Францъ-Іосифъ говорилъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, итальянскому посланнику Робилану о конгрессѣ въ Вѣнѣ, долженствующемъ послѣдовать по окончаніи нашей войны съ Турціею, какъ о вещи несомнѣнной и положительной. Графу Андраши нужно было добиться теперь блестящаго успѣха, чтобы укрѣпить свое личное положеніе. Очевидно, что достигнуть такого результата могъ онъ лишь въ ущербъ нашимъ интересамъ. Онъ меня горько упрекалъ за «основанія мира», предъявленные Намику и Серверу-пашамъ въ Адріанополѣ, утверждая, что требованія наши были до того для него неожиданны и шли до такой степени въ разрѣзъ съ тѣмъ, какъ онъ понималъ и изображалъ предъ своею страной наше соглашеніе съ нимъ, что онъ, по прочтеніи подписанныхъ въ Адріанополѣ условій, плакалъ отъ ярости (такъ выразился графъ Андраши). Я ему отвѣтилъ, что требованіе Австріей конференціи и конгресса, взамѣнъ непосредственнаго соглашенія съ нами и союзнаго дѣйствія, основаннаго на заключенной въ январѣ прошлаго года конвенціи, было для насъ еще болѣе неосжи-

¹⁾ Въ противность неосновательному убѣжденію нашего министра иностранныхъ дѣлъ и личному воззрѣнію князя Горчакова. Авт.

²⁾ Россія, при всей своей говорчивости, не могла допустить, чтобы конгрессъ засѣдалъ подъ предѣлательствомъ графа Андраши и чтобы значеніе Вѣны и Венгріи до такой степени возвысилось въ глазахъ славянъ и Турціи убѣжденіемъ, что судьба ихъ тутъ будетъ рѣшаться окончательно. А этого-то постоянно и добивался графъ Андраши, полагавшій, что учрежденіемъ «Вѣнскаго центра» въ 1875 году онъ приучилъ уже князя Горчакова къ безпрекословному принятію мысли о главенствѣ Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Авт.

данно, хотя мы и не плакали, и что «мирныя основанія» составляли, конечно, минимумъ нашихъ требованій, заключаая лишь тѣ условія, безъ принятія которыхъ турками немислимо было пріостановить, согласно усиленной просьбѣ растерявшихся турокъ, наши военныя дѣйствія.

Въ четвергъ 16-го марта, послѣ трехъ продолжительныхъ разговоровъ съ графомъ Андраши, положеніе для меня уже до того выяснилось, что я могъ телеграфировать канцлеру, что надѣюсь выѣхать обратно въ субботу или воскресенье 19-го марта, что пріемъ былъ благосклонный и что письмо его величества, а равно и словесно мною переданное Францу-Иосифу отъ имени государя произвели, повидимому, благопріятное впечатлѣніе. вмѣстѣ съ тѣмъ я передалъ, въ сжатомъ видѣ, телеграфически, очеркъ общей картины, мнѣ представившейся въ Вѣнѣ.

«Императоръ, желая достигнуть соглашенія съ нами, гораздо болѣе, нежели графъ Андраши, наираетъ, однакоже, на общность своихъ интересовъ на Востокъ съ Англіею. До сихъ поръ соглашенія съ нею касательно такого-либо дѣйствія, какъ кажется, не существуетъ, хотя Эллиотъ надѣется увлечь Австро-Венгрію¹⁾).

«Чтобы укрѣпить свое внутреннее положеніе, графъ Андраши жаждетъ достигнуть дипломатическаго успѣха. Онъ желаетъ конгресса, какъ единственнаго средства пріобрѣсти Боснію и Герцеговину, удовлетворить Грецію и уменьшить Болгарію какъ съ запада, такъ и къ сторонѣ Константинополя. Императоръ заявилъ, что доволенъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ лишь постановленіями касательно Дуная и Сербіи и признаетъ права наши на возвращеніе Бессарабіи, но желалъ бы избѣгнуть непосредственнаго соглашенія²⁾ между нами и Румыніею. Австро-венгерское правительство твердо, повидимому, рѣшило присоединить къ себѣ Боснію и Герцеговину и, придавая особое толкованіе рейхштадтскому³⁾ со-

1) Англійскіе корреспонденты въ Вѣнѣ передавали это мнѣ со словъ англійскаго посла.

Авт.

2) Постоянно желая «въ мутной водѣ рыбу ловить» и эксплуатировать Румынію, равно какъ всѣ балканскія народности, австрійское правительство ищетъ всегда случая вмѣшаться въ наши сношенія и разстроить наши добрыя непосредственныя отношенія.

Авт.

3) Рейхштадтское соглашеніе было заключено между Россіею и Австро-Венгріею 26-го іюня (8-го іюля) 1876 года. По этому договору, предположено было, въ виду возгоравшагося въ то время герцеговинскаго возстанія, что въ случаѣ торжества ислама обѣ державы должны будутъ принять мѣры къ прекращенію неистовствъ мусульманъ противъ христіанскаго населенія и озаботятся введеніемъ преобразованій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ случаѣ же побѣды христіанъ державы согласились не допускать образованія крупнаго славянскаго государства; къ Сербіи и Черногоріи могли быть присоединены: къ первой—нѣкоторые округа у р. Дрины, въ Босніи, а ко второй—Герцеговина. Зато и Австрія должна была получить «Турецкую Хорватію» (т. е. сѣверо-западный уголъ Босніи) и нѣкоторые боснійскіе округа, смежныя съ границей. Россія предназначалось возвращеніе утраченной ею части Бессарабіи и предоставля-

глашенію и конвенціи, желало бы измѣнить (въ неблагопріятномъ для Черногоріи смыслѣ) граничную черту, проведенную между Турціею и Черногоріею по Санъ-Стефанскому договору, образовать албанское княжество, удовлетворить грековъ, уменьшить размѣры Болгаріи и продолжительность военнаго занятія».

Ежедневные продолжительные разговоры мои съ графомъ Андраши убѣдили меня въ его легкомысліи, недобросовѣстности и враждебности относительно насъ.

Однажды (16-го марта) дошло у насъ до весьма крупнаго объясненія, когда онъ сталъ произвольно толковать и измѣнять заключенное съ нами обязательство, отрекаясь совершенно отъ того, что предположенія наши о будущихъ границахъ Болгаріи, Сербіи и Черногоріи были ему извѣстны и что карта, на которой онѣ были графически обозначены и которая до очевидности доказывала нашу правоту и умѣренность (мы собственно имѣли право предъявить въ Санъ-Стефано еще несравненно большія требованія на основаніи условленнаго въ принципѣ съ Вѣною), была ему своевременно сообщена императорскимъ правительствомъ. Я не скрылъ отъ императора Франца-Иосифа малой надежды моей прійти съ графомъ Андраши къ соглашенію и указалъ ему на случай съ картою, отъ которой министръ отрекался и которую онъ при мнѣ и лишь по моему крайне настоячивому требованію наконецъ отыскалъ, въ моемъ присутствіи, въ ящикѣ своего письменнаго стола, сознавшись при этомъ, что онъ не разсмотрѣлъ оную внимательно съ января 1877 года и даже забылъ совершенно о существованіи этого важнаго документа, предназначеннаго предупредить всякое недоразумѣніе между Австро-Венгріею и Россіею. Императоръ былъ очень смущенъ этимъ эпизодомъ и выразилъ за обѣдомъ, даннымъ мнѣ его величествомъ въ субботу 18-го (30), желаніе, чтобы я не уѣзжалъ изъ Вѣны до совершеннаго устраненія разногласія. Исполнить это я не могъ, въ виду упорства графа Андраши, несогласія моего итти на уступки, противныя моимъ убѣжденіямъ и несовмѣстныя, по моему мнѣнію, ни съ достоинствомъ Россіи, ни съ ея будущностью въ славянскомъ мірѣ. При этомъ, по повелѣнію его величества, на меня возложена была лишь обязанность выяснитъ положеніе дѣла въ Вѣнѣ и вернуться какъ можно скорѣе въ Петербургъ съ отчетомъ, предоставляя Новикову дальнѣйшіе переговоры съ австро-венгерскимъ правительствомъ.

Вотъ какимъ образомъ далъ я письменный отчетъ въ довѣрительномъ донесеніи князю Горчакову отъ 23-го марта о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ:

лась анексія Батума. Въ случаѣ же распадѣнія всей Европейской Турціи, изъ Болгаріи и Румелии предполагалось образовать независимыя княжества; Эпиръ и Фессалія отходили къ Греціи, а Константинополь становился вольнымъ городомъ. (Ср. Горяиновъ, стр. 291).

А. Б.

«Прибывъ въ Вѣну во вторникъ вечеромъ, 14-го марта, я тотчасъ вручилъ Е. П. Новикову экспедицію, ему предназначенную. Посоль въ тотъ же вечеръ свезъ графу Андраши письмо вашего сіятельства, равно и копию съ собственноручнаго письма его величества къ императору Францу-Иосифу, которое находилось въ конвертѣ министерства. На другой день (15-го) я былъ въ полдень у министра иностранныхъ дѣлъ ¹⁾. Въ два часа пополудни я уже былъ принятъ императоромъ, который оказалъ мнѣ большую благосклонность. Съ самаго приступа нашего разговора я могъ замѣтить, что Францъ-Иосифъ былъ въ особенности доволенъ упоминаніемъ въ письмѣ его величества о правильномъ образѣ дѣйствій австро-венгерскаго правительства въ теченіе войны. Императоръ меня подробно спрашивалъ о здоровьѣ государя, ея величества и всѣхъ членовъ императорской фамилии и въ особенности же тѣхъ, которые принимали непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

«Напирая на свою личную преданность государю императору, мой августѣйшій собесѣдникъ выставилъ желаніе свое поддержать отношенія взаимнаго довѣрія между обоими правительствами и для сего отстранить всякую причину недоразумѣнія или взаимнаго неудовольствія между кабинетами. Его величество не скрылъ отъ меня, что онъ былъ непріятно пораженъ нѣкоторыми намеками, содержащимися съ письмѣ, привезенномъ Новиковымъ при его возвращеніи изъ Петербурга (въ январѣ), но поспѣшилъ добавить, что онъ съ удовольствіемъ видитъ, что государь ему отдаетъ справедливость теперь. Переходя къ Санъ-Стефанскому договору, императоръ утверждалъ, что при заключеніи его не было обращено достаточно вниманія на то, что было условлено между обоими правительствами въ прошломъ году и что нѣкоторыя изъ статей договора нарушали существенные интересы Габсбургской монархіи. Согласно высочайшему повелѣнію, мною полученному при отправленіи, я старался доказать неосновательность подобнаго заключенія, а что, напротивъ, мы вполне соображались съ желаніями, намъ выраженными вѣнскимъ кабинетомъ, и что статьи, затрагивающія австро-венгерскіе интересы, редактированы такъ, что ограждаютъ эти послѣдніе совершенно во всѣхъ отношеніяхъ. Присылка меня въ Вѣну, сказалъ я, служить, впрочемъ, новымъ доказательствомъ желанія императорскаго правительства поддержать существующее соглашеніе съ вѣнскимъ кабинетомъ: въ качествѣ одного изъ уполномоченныхъ, ведшихъ переговоры съ турками въ Санъ-Стефано, я въ состояніи представить всѣ разъясненія, которыя пожелали бы здѣсь имѣть, сколько по поводу статей договора, сколько же и насчетъ намѣре-

¹⁾ Во время пребыванія своего въ Вѣнѣ я ежедневно бывалъ у министра отъ двѣнадцати до трехъ, трехъ съ половиною и четырехъ часовъ пополудни; сверхъ того видѣлся съ нимъ иной разъ и вечеромъ.

ній наших касательно приведенія въ исполненіе статей, интересующих непосредственно Австро-Венгрію. Если, какъ надо надѣяться, соглашеніе окончательно установится вслѣдствіе объясненій моихъ съ графомъ Андраши, мы могли бы условиться заблаговременно въ согласованіи будущихъ дѣйствій нашихъ двухъ кабинетовъ въ случаѣ созванія конгресса; если же, несмотря на примирительное наше расположеніе, конгрессъ не состоится, вслѣдствіе сопротивленія Великобританіи, можно бы согласиться насчетъ средствъ, способныхъ укрѣпить тройственное соглашеніе имперій, посредствомъ specialнаго договора касательно восточныхъ вопросовъ ¹⁾.

«Императоръ, казалось, выслушалъ со вниманіемъ данныя мною объясненія, но не вышелъ изъ общихъ мѣстъ въ своихъ отвѣтахъ и ограничился настояніями, что многія статьи нашего договора нарушали интересы Австро-Венгріи, въ особенности касательно путей сообщенія въ Салоники. Его величество говорилъ о мнимой общности интересовъ, связующей Австро-Венгрію съ Великобританіею въ восточныхъ дѣлахъ и обязывающей вѣнской кабинетъ соблюдать болшую осмотрительность при настоящихъ обстоятельствахъ. Обозвавъ мысль о близости интересовъ Австро-Венгріи съ англійскими вѣковымъ предразсудкомъ, ничѣмъ не оправдываемымъ, я старался открыть, заключенъ ли въ послѣднее время въ дѣйствительности договоръ, какъ многіе утверждали, между Вѣной и Лондономъ относительно восточныхъ дѣлъ. Сколько я могъ вывести заключеніе изъ словъ его величества, подтвержденныхъ и дополненныхъ впоследствии графомъ Андраши, ничто еще не подписано, ни даже не сговорено между двумя кабинетами, хотя довѣрительные переговоры съ Виконсильдомъ и могли быть начаты ²⁾.

«На вѣнской почвѣ еще не обнаружилось никакого сближенія въ видахъ общаго дѣйствія съ Англіею. Но мнѣ показалось, что хорошія личныя отношенія установились между графомъ Андраши и сэромъ Генри Эллиотомъ ³⁾, котораго и императоръ Францъ-Иосифъ

¹⁾ Хотя я исполнилъ въ точности повелѣніе государя, но въ мысляхъ моихъ еще болѣе утвердилось сомнѣніе въ пользѣ сближенія на почвѣ восточнаго вопроса съ Австріею, развѣ при нашей войнѣ съ Англіею, которую я считалъ мало вѣроятною, но при которой мы, по необходимости, должны были бы искать союзниковъ въ Европѣ, чтобы предупредить образованіе противъ насъ могущественной и опасной коалиціи.

Авт.

²⁾ Государя старались многіе сбить съ толку и подвинуть на постепенныя уступки въ Турціи и въ особенности на счетъ славянъ въ пользу Австро-Венгріи сообщеніями, что наступательно-оборонительный союзъ уже заключенъ между Лондономъ и Вѣною и что оба государства готовы тотчасъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ насъ.

Авт.

³⁾ Враждовавшимъ съ нами въ послѣднее время, предъ войною, на Босфорѣ и негодовавшимъ на сближеніе со мною Салисбюри, мнѣнія котораго онъ не раздѣлялъ.

Авт.

находить лично пріятнымъ. Я, однакоже, сомнѣваюсь, чтобы участь, постигая всѣхъ государей, при которыхъ Элліотъ былъ послѣдовательно аккредитованъ—въ Неаполѣ, Мадридѣ, Апеннахъ и Константинополѣ ¹⁾, могла способствовать внушенію личнаго довѣрія къ нему вѣнскаго двора.

«Отвѣчая на изъявленное Францемъ-Іосифомъ желаніе установленія добраго согласія между графомъ Андраши и мною, я сказалъ, что имѣлъ даже утромъ подготовительный разговоръ съ министромъ и что мы условились съ нимъ видѣться ежедневно, чтобы какъ можно скорѣе объясниться по всѣмъ пунктамъ, по которымъ существуютъ поводы къ разномыслію. Я просилъ, однакоже, его величество умѣрить горячность своего министра иностранныхъ дѣлъ, дабы облегчить наше соглашеніе. Безъ малѣйшаго повода или намека съ моей стороны, императоръ повѣрилъ мнѣ, что личное положеніе графа Андраши въ странѣ сильно поколеблено, но онъ добавилъ, что паденіе министра, подписавшаго конвенцію, касающуюся восточныхъ дѣлъ, вѣроятно, не соотвѣтствовало бы видамъ Россіи, въ особенности же въ совпаденіи съ тою минутою, когда должно было приступить къ осуществленію договореннаго. Впрочемъ, добавилъ Францъ-Іосифъ, графъ Андраши, повидимому, пользуется довѣріемъ императора Александра и дружбою князя Горчакова, какъ сугубо свидѣтельствуютъ письма, мною привезенныя ²⁾. Чтобы не оставить въ умѣ императора Франца-Іосифа впечатлѣніе, что я вовсе не разсчитываю или не желаю прійти къ соглашенію съ графомъ Андраши, я выразился соотвѣтственно въ томъ же духѣ, хотя мнѣ не трудно было замѣтить, что императоръ лично гораздо болѣе своего министра желалъ сближенія съ Россією, и что я, по первому же разговору съ графомъ Андраши, предвидѣлъ большія затрудненія съ послѣднимъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ положительно вознегодовалъ на насъ за непринятіе его предложенія созвать конгрессъ или конференцію въ Вѣнѣ. Онъ съ трудомъ скрываетъ свое неудовольствіе, говоря, однакоже, что въ виду затрудненій, возбужденныхъ нынѣ Великобританіей, онъ очень счастливъ, что избавился отъ отвѣтственности, которая пала бы на него, если бы ему пришлось принять на себя обязательство созвать европейскій ареопагъ. Стремясь достигнуть личнаго удовлетворенія самолюбія въ европейской конференціи.

¹⁾ Всѣ они свергнуты были съ престоловъ и потерпѣли несчастія въ бытность при нихъ посланникомъ Элліота. Францъ-Іосифъ смотрѣлъ на это съ предубѣжденіемъ, какъ я могъ замѣтить во время обѣденнаго разговора, въ продолженіе котораго императоръ упомянулъ о несчастномъ совпаденіи, съ видимымъ неудовольствіемъ подчеркивая, что, по странной случайности, англійскій посолъ постоянно подкапывался подъ тѣхъ государей, при которыхъ онъ былъ аккредитованъ.

Авт.

²⁾ Въ ослѣпленіи своемъ князь Горчаковъ не упускалъ случая придать еще болѣе шій вѣсъ и значеніе въ глазахъ австрійскаго императора графу Андраши, дѣйствовавшему, однакоже, во враждебномъ намъ смыслѣ.

Авт.

собранной въ Вѣнѣ подѣ его предсѣдательствомъ, онъ тѣмъ менѣе ожидалъ встрѣтить отказъ со стороны Петербурга, что считалъ мысль свою соотвѣтствующею видамъ князя Горчакова ¹⁾. Даже самъ императоръ Францъ-Иосифъ считалъ осуществленіе этой мысли до того обезпеченнымъ, что онъ говорилъ о предстоящемъ созывѣ вѣнской конференціи съ нѣсколькими лицами, между прочимъ съ итальянскимъ посломъ, какъ о счастливомъ и славномъ событіи, долженствующемъ осуществиться въ его столицѣ. Многіе изъ дипломатовъ, съ которыми я имѣлъ случай встрѣтиться и говорить, увѣряли меня, что неудача, постигшая графа Андраши, и въ особенности быстрое окончаніе войны и Санъ-Стефанскій договоръ, котораго онъ никакъ не предвидѣлъ, подорвали его авторитетъ въ глазахъ императора. Для возстановленія своего вліянія ему необходимо добиться видимаго всеміи успѣха, котораго онъ можетъ нынѣ достигнуть лишь на счетъ Россіи и которымъ онъ постарается воспользоваться столько же передъ императоромъ, сколько и предъ венгерцами, доброе расположеніе и довѣренность которыхъ онъ желалъ бы себѣ возвратить. Графъ Андраши желалъ бы доказать свѣту, императору Францу-Иосифу и въ особенности своимъ соотечественникамъ-мадьярамъ, что онъ не сдѣлалъ никакой политической ошибки, что его предвидѣнія были основательны, что онъ своевременно оградилъ вполне интересы монархіи съ точки зрѣнія военной, торговой и политической, что онъ обезпечилъ не только вліяніе Австро-Венгріи, но ея господство на западной части Балканскаго полуострова и что онъ, наконецъ, умѣлъ извлечь существенную пользу изъ нашихъ побѣдъ и изъ поражений, нанесенныхъ нами Турціи, — предоставленіемъ Австро-Венгріи львиной части при окончательномъ расчетѣ. Чтобы достигнуть этого блестящаго результата, графъ Андраши, какъ кажется, рѣшился не уступать ни передъ чѣмъ. Надо опасаться, чтобы его заносчивый характеръ и старинная привычка не быть разборчивымъ въ средствахъ для достиженія намѣченной цѣли не увлекли его постепенно къ разрыву съ нами, въ особенности, если Англія намъ объявитъ войну.

«Въ продолженіе послѣдовательныхъ разговоровъ, которые я имѣлъ въ теченіе пребыванія моего въ Вѣнѣ, онъ мнѣ разновременно, раза два или три, далъ понять, что если вооруженное столкновеніе произойдетъ между нами и Англіею, онъ не можетъ обязаться воспротивиться теченію, которое увлечетъ не только венгерцевъ, но, какъ ему кажется, и нѣмцевъ Габсбургской монархіи къ союзу съ Великобританіею. Австро-венгерское правительство въ такомъ только случаѣ, увѣряетъ онъ, было бы въ состояніи остаться вѣр-

¹⁾ Слабость котораго въ пользу конференціи и конгрессовъ была извѣстна всей Европѣ, въ особенности же въ Вѣнѣ, гдѣ онъ участвовалъ въ конференціи въ продолженіе Крымской войны.

нымъ соглашенію, заключенному съ нами ¹⁾, когда оно было бы удостоверено получить миролюбивымъ образомъ, въ согласіи съ Россією, всё тѣ матеріальныя и нравственныя выгоды на Востокѣ, которыя война противъ насъ могла бы ему доставить. Графъ Андраши въ теченіе моихъ разговоровъ съ нимъ сдѣлалъ смѣлые намеки на мнимый миллионъ солдатъ, которымъ Австро-Венгрія можетъ нынѣ располагать, на выгоды стратегическія, которыми она обладаетъ по отношенію къ намъ, на опасности, угрожающія намъ при вѣроятномъ возрожденіи польскаго вопроса, и проч. Вообще онъ прикидывается убѣжденнымъ въ превосходствѣ новой австро-венгерской арміи ²⁾, достоинство которой, по его мнѣнію, еще не имѣлось случая въ Европѣ испытать. Въ порывѣ словоохотливой откровенности, которую я преднамѣренно старался вызвать и поощрять, графъ Андраши увлекся до того, что сказалъ мнѣ, что, когда Россія будетъ вовлечена въ войну съ Англією, многіе въ Австро-Венгріи будутъ, вѣроятно, того мнѣнія, что представляется единственный благоприятный случай избавиться разъ навсегда отъ пугала тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ со стороны великой сѣверной имперіи; что, истощенные только что окончившеюся войною, мы, вѣроятно, не захотимъ вести слишкомъ продолжительную новую борьбу и что Австро-Венгрія, покончивъ счеты съ нами, могла бы вступить въ эру финансовыхъ сбереженій, въ которыхъ она такъ нуждается, уменьшивъ на долгіе годы свои военныя издержки.

«Поднявъ на смѣхъ его похвалы и остановившись лишь на исходной точкѣ его разсужденія, я возразилъ графу Андраши, что съ отвращеніемъ отворачиваюсь отъ мысли о войнѣ между двумя сосѣдними имперіями, связанными вѣковой дружбою и между которыми мирныя отношенія не были никогда нарушены, что я надѣюсь на него, что онъ не будетъ гоняться за честию ввести такое печальное нововведеніе въ отношенія нашихъ государствъ. Каковъ бы ни былъ исходъ борьбы, она будетъ стоить жизни многихъ десятковъ тысячъ людей, разорила бы въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи обѣ страны и образовала бы глубокую пропасть между нами. Если бы даже судьба благоприятствовала коалиціи, которая противъ насъ составится, державы, которыя войдутъ въ ея составъ, должны будутъ, чтобы извинить предъ исторією свое не-

¹⁾ Большая намъ выгода была связывать себя по рукамъ и ногамъ съ такимъ союзникомъ, который держался насъ, лишь пока могъ извлекать даромъ выгоды себѣ, и присоединялся къ врагамъ нашимъ, какъ только тѣ рѣшались приступить къ нападенію на насъ и когда выгоды, нашею кровью ему доставленныя, казались нашему мнимому союзнику еще недостаточными. Авт.

²⁾ О старой графъ Андраши совѣтился упоминать съ похвалой, а о боевыхъ достоинствахъ новой ему ничего не стоило распространяться до повѣрки оныхъ на поляхъ сраженій. Авт.

справедливое нападеніе, предоставить населенію Европейской Турціи еще гораздо болѣе преимуществъ, нежели тѣ, которыя мы имъ предлагали теперь, и Австро-Венгрія при этомъ едва ли не поплатится. Какъ-бы мимоходомъ, я категорически опровергнулъ военныя соображенія и предположенія графа Андраши, выставивъ на видъ, что едва ли успѣхъ будетъ на сторонѣ коалиціи; но я поспѣшилъ повторить, что мнѣ было весьма непріятно коснуться такой случайности, хотя и академически и лишь для того, чтобы отвѣчать на его воинственныя предположенія,—тѣмъ болѣе, что я отказываюсь допустить возможность того стеченія обстоятельствъ, о которомъ онъ завелъ рѣчь. Графъ Андраши, съ своей стороны, рассыпался въ увѣреніяхъ, что онъ желаетъ избѣгнуть для своей страны ужасовъ войны, но проявилъ снова свои мадьярскіе предрасудки, замѣтивъ, что если бы даже вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ привести въ исполненіе на Балканскомъ полуостровѣ ту политическую программу, которую мы имѣли въ виду для разрѣшенія восточнаго вопроса, то остріе онаго, т. е. непріятныя послѣдствія, будутъ обращены отъ Пешта и направлены исключительно противъ Россіи съ той минуты, когда осуществленіе освобожденія христіанъ Турціи перейдетъ изъ нашихъ рукъ въ чужія ¹⁾.

«Мои разговоры съ графомъ Андраши оставили во мнѣ впечатлѣніе, что онъ добровольно не откажется отъ преслѣдуемой имъ программы и что онъ приложитъ все стараніе,—смотря по обстоятельствамъ,—дипломатическими или иными путями, обратитъ на пользу Австро-Венгріи всѣ выгоды, приобретенныя Россіею войною и Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Чтобы избѣгнуть прямого столкновенія съ Австро-Венгріею, намъ предстоитъ, повидимому, выбрать между двухъ золъ: или, сокративъ требованія этой державы до крайности (до минимума), рѣшиться принять ихъ, доставивъ ей удовлетвореніе, въ ущербъ обаянію Россіи и добытымъ на Востокѣ результатамъ, или же попытаться привести къ паденію графа Андраши и, воспользовавшись личнымъ добрымъ расположеніемъ Франца-Иосифа, содѣйствовать вступленію въ должность министра иностранныхъ дѣлъ государственнаго человѣка, не гоняющагося за мимолетными и громкими успѣхами, но рѣшившагося поддер-

¹⁾ Въ этомъ замѣчаніи, сорвавшемся съ языка графа Андраши, заключается вся разгадка политики, не только австро-венгерской, но и всей Западной Европы въ восточномъ вопросѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіе моего постоянного образа дѣйствій и осужденіе нашихъ дипломатовъ, не постигавшихъ, что вся суть вопроса заключается въ томъ: кто, когда и при какихъ обстоятельствахъ будетъ способствовать возрожденію христіанъ на Востокѣ и образованію независимыхъ балканскихъ государствъ—Россія, Австро-Венгрія или Англія? Нельзя намъ смотрѣть на это равнодушно, доставляя Австро-Венгріи и Германіи первенство, и желать лишь безкорыстнаго улучшенія положенія нашихъ единовѣрцевъ, передавая ихъ въ руки нашихъ противниковъ.

живать прочное и серьезное соглашеніе съ Россіею. Какъ кажется, императоръ имѣлъ въ виду, для принятія наслѣдства графа Андраши, графа Альфреда Потоцкаго ¹⁾ или генерала Моливари и, по всему тому, что до меня дошло, мнѣ кажется возможнымъ стовориться съ ними на основаніи прежнихъ соглашеній между обоими кабинетами и отнюдь не отказываясь отъ существенныхъ условій Санъ-Стефанскаго договора.

Въ этомъ смыслѣ высказывались мнѣ многіе военные генералы и члены высшаго вѣнскаго общества, въ особенности же графы Ревертера и Траутмансдорфъ ²⁾, князь Меттернихъ ³⁾ и его жена, выказавшіе мнѣ большую любезность и предупредительность, для того, чтобы подчеркнуть неодобреніе вѣнской аристократіи венгерскимъ выходкамъ графа Андраши и желаніе избѣгнуть столкновенія съ Россіей. Но всего замѣчательнѣе было, что сочувственный образъ мыслей и желаніе замѣною графа Андраши менѣе враждебнымъ Россіи министромъ иностранныхъ дѣлъ способствовать прекращенію взаимныхъ недоразумѣній не скрыли отъ меня важнѣйшія лица при вѣнскомъ дворѣ, другъ и довѣренный сановникъ императора князь Гогенлоз ⁴⁾ и ге-

¹⁾ Графъ Альфредъ Потоцкій, австрійскій государственный человѣкъ, родился въ 1817 году. Онъ владѣлъ обширными помѣстьями въ Галиціи и въ царствѣ Польскомъ. Съ 1867 по 1870 гг. онъ занималъ постъ австрійскаго министра земледѣлія, а затѣмъ былъ назначенъ премьеромъ кабинета. Съ 1875 до 1888 года онъ былъ императорскимъ намѣстникомъ въ Галиціи. А. Б.

²⁾ Графъ Фердинандъ Траутмансдорфъ, австрійскій государственный человѣкъ, родился въ 1825 году и вступилъ на дипломатическое поприще. Въ 1866 году, будучи австрійскимъ посланникомъ въ Карлсруэ, онъ сумѣлъ настолько повліять на великаго герцога Баденскаго, что убѣдилъ его стать на сторону Австріи во время ея войны съ Пруссіею. Въ 1867 году его перевели посланникомъ въ Мюнхенъ, а въ 1868 году—въ Римъ къ папскому престолу. Въ 1872 году онъ былъ избранъ вице-президентомъ австрійской палаты господъ. А. Б.

³⁾ Князь Рихардъ Меттернихъ (сынъ знаменитаго австрійскаго дипломата Клеменса Меттерниха, герцога Портелла, современника Наполеона I, родился въ 1829 году и, по стопамъ отца, посвятилъ себя дипломатіи. Съ 1856 года онъ былъ австрійскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при саксонскомъ дворѣ. Въ 1859 году онъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Его супруга, рожденная графиня Сандоръ, подружилась съ французскою императрицей Евгеніей и сыграла, съ нѣкоторымъ блескомъ, свѣтскую роль при Тюльерійскомъ дворѣ. Князь Меттернихъ самъ довольно значительно подвергался личному вліянію Наполеона III. Послѣ его паденія роль Меттерниха на дипломатическомъ поприщѣ кончилась. Онъ съ тѣхъ поръ проживалъ виднымъ аристократомъ въ Вѣнѣ. А. Б.

⁴⁾ Князь Хлодвигъ Гогенлоз и Шиллингофюрстъ, принцъ Ратиборскій и Корвейскій, германскій государственный человѣкъ, родился въ 1819 году. Онъ былъ германскимъ посланникомъ въ Лондонѣ въ 1849 году. Въ 1866 году ставъ во главѣ баварскаго кабинета, онъ сталъ на сторону Пруссіи и вообще держался на сторонѣ объединительной всегерманской политики; но, по его мнѣнію, для Германіи было желательно образовать союзъ государствъ на федеративныхъ началахъ, а не единое государство. Послѣ войны 1870 года, когда послѣдовало открытіе всегерманскаго рейхстага, князь Гогенлозъ былъ избранъ его председа-

нераль Бельгардъ. Благосклонность, вниманіе и предупредительность ихъ ко мнѣ были поразительны.

«Я имѣлъ честь обѣдать у императора въ субботу, наканунѣ моего отъѣзда изъ Вѣны. Его величество разспрашивалъ меня касательно моихъ переговоровъ съ графомъ Андраши. Я счелъ долгомъ предупредить Франца-Иосифа, что сомнѣваюсь въ возможности пріятія въ Петербургѣ предложеній, мнѣ сдѣланныхъ министромъ. Я позволилъ себѣ ярко выставить предъ его величествомъ то тяжелое положеніе, въ которое былъ бы поставленъ государь императоръ требованіемъ отдать часть освобожденной имъ Болгаріи снова подъ турецкое владычество, съ призракнымъ автономнымъ управленіемъ, и лишить Черногорію завоеванной ею цѣною великихъ жертвъ приморской мѣстности, уступленной уже турками княжеству по нашему настоянію. Я говорилъ его величеству о необходимости сохранить согласіе двухъ имперій, чтобъ имѣть возможность разрѣшить нынѣшнія затрудненія сообразно взаимнымъ интересамъ. Выразившись въ тождественномъ смыслѣ, императоръ сказалъ мнѣ, между прочимъ: «въ особенности будемъ воздерживаться отъ вступленія на путь военныхъ приготовленій», намекая, очевидно, на распространенные въ Вѣнѣ слухи, якобы дошедшіе изъ Россіи, о нашихъ вооруженіяхъ. По собственному почину, ничѣмъ не вызванный съ моей стороны, его величество далъ мнѣ свое честное слово и поручилъ мнѣ передать его императорскому величеству, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, что никакихъ военныхъ мѣръ не было принято въ Галиціи и что ни одинъ солдатъ не двинутъ къ нашимъ границамъ.

«Подтвердивъ на послѣднемъ свиданіи нашѣмъ на другой день это заявленіе, графъ Андраши замѣтилъ, что слухи о вооруженіяхъ въ Галиціи зародились въ польскихъ мозгахъ, которые, естественно, ничего болѣе не желаютъ, какъ войны между Россією и Австро-Венгрією. Онъ добавилъ, что императоръ Францъ-Иосифъ былъ удивленъ извѣстіемъ, что мы сосредоточиваемъ въ Кіевѣ нѣсколько дивзій и что военныя приготовленія у насъ дѣятельно производятся. Эти мѣры могутъ, по его мнѣнію, породить опасенія, которыя заставляютъ правительство принять, съ своей стороны, соотвѣтствующія мѣры. До сихъ поръ въ Австро-Венгріи ограничили, по словамъ министра, тѣмъ же, что дѣлали во всѣхъ другихъ странахъ: подготовительными мѣрами къ мобилизаціи армій, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, она могла бы

телемъ. Въ 1874 году онъ получилъ назначеніе на посольскій постъ въ Парижѣ, гдѣ онъ проявилъ, въ отношеніи Франціи, тактичность и чувство мѣры. На Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 году князь Гогенлоэ былъ однимъ изъ делегатовъ отъ Германіи. Въ 1885 году онъ былъ назначенъ императорскимъ намѣстникомъ Эльзасъ-Лотарингіи, гдѣ попытался придерживаться примирительнаго образа дѣйствій.

А. Б.

быть произведена во всей имперіи какъ можно успѣшнѣе и быстрѣе ¹⁾.

«Хорошо освѣдомленные люди меня увѣрили, что сверхъ шестидесятимилліоннаго займа, обезпеченнаго въ Англіи, австро-венгерское правительство тайно подготавливаетъ выпускъ другого займа въ сто милліоновъ флориновъ, чтобы реализовать его, когда обстоятельства потребуютъ. Но, впрочемъ, соотвѣтствующія суммы могутъ поступить въ распоряженіе правительства лишь чрезъ три мѣсяца и военныя приготовленія будутъ окончены лишь около того времени (т.-е. не ранѣе конца іюня). Слѣдуя инструкціямъ, мнѣ даннымъ при отправленіи изъ Петербурга, я ограничился представленіемъ объясненій императору и графу Андраши и старался лишь вызвать послѣдняго на явное выраженіе мыслей и опредѣленныхъ желаній вмѣсто повторенія, какъ было доселѣ, лишь того, чего онъ не желаетъ допустить. Въ теченіе четырехъ сутокъ, проведенныхъ мною въ Вѣнѣ ²⁾, я, кажется, успѣлъ выяснитъ вполне положеніе, какъ ваше сіятельство можете судить по памятной запискѣ ³⁾, при семъ прилагаемой, въ которой изложена сущность требованій Австро-Венгріи, и по картѣ, которую мнѣ вручилъ, отъ имени министра, секретарь его, баронъ Гюбнеръ, въ минуту моего отъѣзда.

«Въ виду крупнаго значенія послѣдствій рѣшительнаго шага въ томъ или другомъ изъ вышеозначенныхъ направленій я имѣлъ право дѣйствовать безъ особаго полномочія или приказанія императорскаго правительства, т.-е. или вступить въ переговоры съ графомъ Андраши на основаніяхъ его программы, или же принять положеніе, которое повело бы къ смѣнѣ министра ⁴⁾. А потому я ограничился отклоненіемъ всѣхъ предложеній графа Андраши, который настаивалъ еще въ субботу, подобно тому, какъ и самъ императоръ говорилъ мнѣ въ первый день моего пребыванія въ Вѣнѣ, чтобъ я не уѣзжалъ обратно, не намѣтивъ, по крайней мѣрѣ, основанія новаго соглашенія между имперіями по восточному

¹⁾ Меня всего болѣе бѣсило это постоянное нахальное хвастовство графа Андраши, желавшаго пустить пыль въ глаза, попытаться напугать и стать на ходули.

А в т.

²⁾ Въ бесѣдахъ съ нимъ и съ различными правительственными и общественными лицами.

А в т.

³⁾ Постоянными возраженіями и моими замѣчаніями на неосновательность, туманность, сбивчивость и неопредѣленность заявленій графа Андраши и на затруднительность передать государю императору ясные выводы изъ желаній Австро-Венгріи я вынудилъ министра дать мнѣ письменное изложеніе и карту, на которой графически были выражены граничные проекты и вождедѣнія графа Андраши.

А в т.

⁴⁾ На предложеніе мое, сдѣланное князю Горчакову, способствовать замѣнѣ графа Андраши другимъ министромъ, я тотчасъ получилъ отвѣтъ, что государь запрещаетъ мнѣ противоѣствовать личности графа Андраши, такъ какъ онъ считается лучшимъ нашимъ другомъ и пособникомъ.

А в т.

вопросу. Я отвѣтилъ, что у меня нѣтъ инструкцій для переговоровъ на другихъ основаніяхъ, нежели заключающіяся въ нашемъ договорѣ, и для принятія новой для меня австро-венгерской программы, ибо въ Петербургѣ не могли предвидѣть, что виды вѣнскаго кабинета такъ радикально противорѣчатъ Санъ-Стефанскому договору и такъ мало сообразуются съ существующими соглашениями между обоими кабинетами и заключенною конвенціею. Я заявилъ подъ конецъ графу Андраши, что въ виду шума, поднятаго въ Вѣнѣ вслѣдствіе моего пріѣзда, я не могу безрезультатно продолжать свое здѣсь пребываніе съ той минуты, когда я удостоивился въ коренномъ различіи мнѣній, существующемъ между нами.

«Получивъ, между тѣмъ, телеграмму, адресованную вашимъ сіятельствомъ нашему послу въ Вѣнѣ, съ предложеніемъ ускорить мое возвращеніе¹⁾, я выѣхалъ изъ Вѣны въ воскресенье утромъ, сознавая вполнѣ необходимость какъ можно скорѣе доставить императорскому правительству свѣдѣнія касательно дѣйствительныхъ намѣреній вѣнскаго кабинета, для обсужденія ихъ при принятіи окончательныхъ рѣшеній, имѣя въ виду, что нынѣшнее неопредѣленное положеніе налагаетъ на насъ ежедневные расходы и не должно продолжаться».

II.

Характеръ и сущность моихъ переговоровъ съ графомъ Андраши изображены съ самою большою точностью въ донесеніи моемъ канцлеру, поданномъ 23-го марта, въ Петербургѣ. Всѣ подробности продолжительныхъ переговоровъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ передачею всѣхъ оттѣнковъ, на которые необходимо было обратить вниманіе наше, я доложилъ словесно канцлеру, письменно же ограничился краткимъ изложеніемъ сущности нашего общаго мыслей.

«Конгрессъ. Не только графъ Андраши, но и самъ императоръ Францъ-Иосифъ настаиваетъ на собраніи конгресса. Они оба смотрятъ на это, какъ на преимущественно австрійское предложеніе и какъ на единственное средство обезпечить главнымъ образомъ восточные интересы имперіи и продолжительный миръ Европѣ оградившись отъ неожиданностей и новыхъ осложненій. Какъ ка-

¹⁾ Въ критическія минуты, въ мартѣ 1877 года и въ мартѣ 1878 г., канцлеръ соглашался давать мнѣ дипломатическія порученія къ европейскимъ дворамъ, но всякій разъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобъ затруднить исполненіе порученія, помѣшавъ мнѣ достигнуть какого-либо положительнаго результата и ускорить мое возвращеніе, не давъ мнѣ довести дѣло до конца. На этотъ разъ князь Горчаковъ испугался хорошаго пріема, мнѣ оказаннаго въ Вѣнѣ, опасаясь, что я поколеблю положеніе его любезнаго друга, графа Андраши, своими разоблаченіями и настояніями.

жестя, оба опасаются, что если нынѣшній кризисъ не кончится конгрессомъ, Россія успѣетъ согласиться отдѣльно съ тѣми государствами, интересы которыхъ менѣе противорѣчатъ и не такъ глубоко затронуты восточнымъ вопросомъ, какъ Австро-Венгрія. Они полагаютъ, что намъ возможно сговориться даже съ Англіею, цѣною нѣкоторыхъ уступокъ въ ея пользу, и что тогда мы не обратимъ никакого вниманія на противодѣйствіе вѣнскаго кабинета и не примемъ ни одного изъ его требованій. Они надѣются, что, напротивъ того, конгрессъ предложитъ австро-венгерскому правительству, отъ имени Европы, занять и присоединить къ себѣ Боснію и Герцеговину, что возможно будетъ исполнить въ такомъ случаѣ мирно и на законномъ основаніи ¹⁾.

«Сверхъ того, конгрессъ приметъ въ соображеніе требованія, заявленныя греками, интересы которыхъ Австро-Венгрія, повидимому, желаетъ взять подъ свою защиту ²⁾, чтобъ ихъ противопоставить славянамъ и ограничить Болгарію на юго-западѣ. По мнѣнію графа Андраши, бессарабскій вопросъ долженъ былъ бы также быть рѣшенъ на конгрессѣ, такъ какъ ему хотѣлось бы избѣгнуть, чтобы мы столковались дружелюбно съ румынами на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, т.-е. получивъ предварительно согласіе Порты на уступку намъ Добруджи ³⁾. Вообще графъ Андраши смотритъ на конгрессъ, какъ на единственное средство, при настоящихъ обстоятельствахъ, достигнуть цѣли, которая ясно выдѣляется изъ всѣхъ его разговоровъ со мною: предохранить балканскія народности отъ нашего исключительнаго вліянія, дока-

¹⁾ Ясно было, что конгрессъ для насъ невыгоденъ и что всего лучше было слѣдовать моему проекту: или возобновить тотчасъ послѣ перемирія константинопольскую конференцію для заключенія окончательнаго мира, или же, договорившись съ турками, сговориться непосредственно съ Берлиномъ и потомъ, при посредничествѣ императора Вильгельма, съ Вѣною, т.-е. попытаться извлечь изъ пресловутаго тройственного союза императоровъ возможную для насъ пользу, предоставивъ державному другу нашего государя устранить, въ качествѣ избраннаго посредника, недоразумѣнія, происшедшія отъ различнаго толкованія конвенцій, заключенныхъ Россіею съ Австро-Венгріею, съ косвеннымъ участіемъ германскаго правительства.

А в т.

²⁾ Намъ слѣдовало не удерживать грековъ отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и, по крайней мѣрѣ, столковаться съ ними тотчасъ по прекращеніи военныхъ дѣйствій.

А в т.

³⁾ Очевидна была необходимость непосредственныхъ переговоровъ съ румынами-опослѣдствіяхъ войны нашей. Канцлеръ не хотѣлъ этого понять. По безопасности и желанію ничего не брать на свою личную отвѣтственность, сохраняя постоянно возможность присваивать себѣ дѣянія другихъ, или же взыаливать на нихъ все, что будетъ неудачно, князь Горчаковъ ничего не сдѣлалъ касательно Румыніи во время шестимѣсячнаго пребыванія своего въ Бухарестѣ и потомъ не хотѣлъ послѣдовать совѣту моему поправить свою ошибку особыми переговорами и заключеніемъ союзной конвенціи съ Россіею послѣ Санъ-Стефанскаго договора. Опасались вызвать неудовольствіе Австро-Венгріи сдѣлками съ Сербіею и Румыніею.

А в т.

завѣ имѣ, что положеніе, которымъ онѣ будутъ пользоваться послѣ войны, даровано имѣ не одною Россіею, а всею Европою, причемъ Австро-Венгріи принадлежала преобладающая роль, соответствующая ея географическому положенію, какъ ближайшей сосѣдки этихъ народностей.

«Несмотря на отставку лорда Дерби и затрудненія, происшедшія между Англіею и нами ¹⁾, графъ Андраши еще надѣется, что с.-джемскій кабинетъ приметъ мысль о созваніи конгресса, и что, рано или поздно, обстоятельства заставятъ Англію согласиться на ея осуществленіе ²⁾. Онѣ полагаетъ, что вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину будетъ способствовать достиженію сего результата, вынуждая прійти къ европейскому рѣшенію этого вопроса ³⁾, и не скрылъ отъ меня, что, впрочемъ, въ послѣднемъ ⁴⁾ фазисѣ настоящаго вопроса вся вина была на сторонѣ лорда Биконсфильда ⁵⁾, доставившаго Россіи возмож-

¹⁾ Въ Лондонѣ была разыграна комедія на нашъ счетъ: лордъ Дерби, давшій слово графу Шувалову, что англійская броненосная эскадра не вступитъ въ Дарданеллы, если мы не займемъ Галлиполи, подалъ въ отставку, какъ только Биконсфильдъ призналъ нужнымъ, по настоянію Лайярда, ввести эскадру не только въ Дарданеллы, но и въ Мраморное море и подвести къ Стамбулу. Наши же войска, вопреки моимъ представленіямъ государю и канцлеру, основываясь на обѣщаніяхъ графа Шувалова, не заняли Галлиполи, ни даже Булаирскихъ линій и, такимъ образомъ, дали возможность разбитымъ турецкимъ войскамъ тамъ сосредоточиться и устроиться, пока мы остановились въ Чатаалджѣ и затѣмъ въ Санъ-Стефано. Очевидно, взаимныя положенія Россіи и Англіи въ восточномъ вопросѣ радикально измѣнились съ присутствіемъ броненосной эскадры у стѣнъ Стамбула и отношенія обострились. Задачею нашей дипломатіи было предупредить это и избѣгнуть. Графу Андраши были, конечно, на руку эти усложненія и наша легковѣрность.

А в т.

²⁾ Слѣдовательно, сочувственная лично князю Горчакову и вредная Россіи мысль о созывѣ конгресса и пересмотрѣ на немъ Санъ-Стефанскаго договора принадлежатъ всецѣло австро-венгерскому правительству, рассчитывавшему на поддержку князя Бисмарка, на нашу податливость и на то, что ему удастся наконецъ объяснить Англіи призрачность ея одиночества и стѣсненное положеніе, въ которое поставлена Россія своими мнимыми союзниками.

А в т.

³⁾ Зная слабость нашего министра иностранныхъ дѣлъ къ европейскому концерту, хотѣли отвести намъ глаза, убѣдивъ, что важенъ не исходъ побѣдоносной войны, не заключеніе славнаго договора подъ стѣнами Стамбула, а вынужденіе Англіи принять приглашеніе на излюбленный конгрессъ, предназначенный собственно для униженія Россіи, и что для достиженія нами такого результата, какъ европейское рѣшеніе восточнаго вопроса, мы должны съ благодарностью принять содѣйствіе графа Андраши и съ радостью допустить даже вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ сербскую землю (Боснію и Герцеговину), подъ прикрытіемъ 150-тысячной русской арміи, стоящей подъ Константинополемъ.

А в т.

⁴⁾ Андраши, не обинуясь, сознавался, что въ его глазахъ мы были виновны предъ нимъ и Европою, разбивая турокъ, и лишь въ послѣднемъ фазисѣ вопроса отвѣтственности нашу облегчила недогадливость англійскаго правительства.

А в т.

⁵⁾ Графъ Андраши цинически высказывалъ свою мысль, что ему собственно хотѣлось, чтобы вся вина предъ Европою во всемъ пала на Россію, для легчайшаго проведенія на конгрессѣ своихъ видовъ, направленныхъ противъ русско-славянскихъ интересовъ, и возстановленія всего общественнаго мнѣнія Европы противъ насъ.

ность спячь съ себя отвѣтственность затяжки созванія конгресса ¹⁾. При этомъ онъ, какъ бы мимоходомъ, замѣтилъ, что, если Великобританія дѣйствительно хочетъ съ нами воевать, она это можетъ. сдѣлать послѣ конгресса точно такъ же удобно и, можетъ быть, даже выгоднѣе, нежели въ настоящее время ²⁾.

«Министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ мнѣ, что онъ предполагаетъ воздѣйствовать на Англію для устраненія ея предубѣжденій, какъ только онъ получитъ согласіе наше на уменьшеніе Болгаріи: онъ выставитъ эту уступку нашу предъ англичанами, какъ доказательство того примирительнаго расположенія, съ которымъ мы вступимъ въ конгрессъ, и возможности съ нами сговориться ³⁾. Я не могъ воздержаться отъ замѣчанія моему собесѣднику, что, при такихъ обстоятельствахъ, ничто не гарантируетъ насъ противъ того, что другія державы, слѣдуя сему примѣру, потребуютъ еще новыхъ уступокъ, и если мы захотимъ всёхъ удовлетворить, то, въ концѣ концовъ, большая часть результатовъ, добытыхъ цѣною кровопролитной войны, будутъ уничтожены одинъ за другимъ. Графъ Андраши ограничился ссылкой на то, что императорскій кабинетъ призналъ, съ самаго начала, что мирныя условія, догово-

Графъ Андраши такою мнимою откровенностью, приправленною венгерскимъ нахальствомъ и самоувѣренной развязанностью ловкаго свѣтскаго человѣка, хитро проводилъ обыкновенно нашихъ дипломатовъ, внушая имъ убѣжденіе въ своей искренности и мнимо-простодушной откровенности.

Авт.

¹⁾ Графъ Андраши предпочелъ бы, разумѣется, созвать конгрессъ прежде заключенія нами Санъ-Стефанскаго договора, тотчасъ послѣ остановки войскъ въ Адрианополи и подписанія перемирія и отнять у насъ всякую возможность самостоятельнаго дипломатическаго дѣйствія въ пользу восточныхъ народностей. Намъ Европа предоставляла лишь право бить турокъ, проливать русскую кровь и тратить русскія деньги, но никакъ не извлекать пользу ни для себя, ни для единовѣрцевъ нашихъ по собственному усмотрѣнію.

Авт.

²⁾ Выражаться такъ союзнику и руководителю тройственнаго соглашенія по восточному вопросу было болѣе нежели странно. Это указывало на дѣйствительное нерасположеніе къ Россіи графа Андраши и на характеръ его сообщеній Англіи. Эллиотъ былъ въ правѣ разсчитывать на легкость достиженія увлеченія его въ союзъ съ Англіею противъ насъ.

Авт.

³⁾ Возмутительна была роль, которую князь Горчаковъ своею предупредительностью позволилъ венгерцу занять въ отношеніи Россіи. Графъ Андраши, цѣною отреченія нашего отъ требованій, закрѣпленныхъ пролитіемъ русскою кровью, предлагалъ свое посредничество и ручательство за нашу уступчивость предъ Англіею, чтобы мы были удостоены вступленіемъ на конгрессъ для европейской ломки нашего славнаго творенія. Очевидно, участіе графа Андраши могло повести лишь къ тому, что Англія, увѣренная въ желаніи нашемъ дѣлать уступки, пошла бы на конгрессъ еще съ большими требованіями, нежели прежде, и съ полною надеждою на окончательный успѣхъ надъ нами. Я умышленно съ буквальною точностью доносилъ о выраженіяхъ и умысле графа Андраши канцлеру, въ надеждѣ открыть глаза и разбить его патріотизмъ. Но разоблаченія мои были приняты равнодушно, скорѣе съ чувствомъ докучливости, недовѣрія и неудовольствія противъ меня, а не противъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Авт.

ренныя съ турками, не будутъ имѣть окончательнаго значенія и могутъ быть измѣнены, по соглашенію съ державами ¹⁾.

«Боснія и Герцеговина».

Графъ Андраши недоволенъ статьею Санъ-Стефанскаго договора о Босніи и Герцеговинѣ, усматривая въ ней уничтоженіе возможности присоединенія этихъ двухъ областей, предвидѣннаго нашею конвенціею. Я узналъ, что это заключеніе свое онъ сообщилъ высшимъ военнымъ чинамъ ²⁾, что вызвало въ военной партіи нѣкоторое раздраженіе противъ насъ.

«Я объяснилъ министру иностранныхъ дѣлъ, точно такъ же, какъ императору и эрцгерцогу Альбрехту, что занятіе ³⁾, (а не присоединеніе) этихъ двухъ областей могло истекать изъ 14-ой статьи Санъ-Стефанскаго договора. Такъ какъ меня не уполномочивали сообщать туркамъ о существующемъ соглашеніи между двумя нашими правительствами, я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ обходу сего обстоятельства, не теряя, однакоже, изъ виду желаемого вѣнскимъ правительствомъ результата. Дѣйствительно, такъ какъ, по смыслу нашего договора, вопросъ Босніи и Герцеговины предоставлялся особому взаимному соглашенію трехъ державъ (Россіи, Австро-Венгріи и Турціи), то Австро-Венгрія сохраняетъ полную возможность въ свое время предъявить, что контрольная коммиссія и жандармы, опредѣленные константинопольскою конференціею, должны быть замѣнены делегатомъ вѣнскаго правительства и австро-венгерскими войсками ⁴⁾. Графъ Андраши мнѣ категорически отвѣчалъ, что онъ въ этомъ вопросѣ не хочетъ основываться ни на какой статьѣ Санъ-Стефанскаго договора ⁵⁾, и не скрылъ отъ меня

¹⁾ Это заявленіе князя Горчакова было величайшею ошибкою, уничтожившею плоды нашихъ многолѣтнихъ усилій и кровавой войны, приведшею насъ къ уничтоженію результатовъ Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

²⁾ Эрцгерцогъ Альбрехтъ и нѣкоторые высшіе генералы австрійской арміи и лично самъ императоръ мечтали постоянно съ 1859 года о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи, признавая, что безъ Босніи и части Герцеговины владѣніе Далмаціей не прочно. Эти же лица составляли то, что называлось военною партіею, расположенною къ соглашенію съ Россіею независимо отъ Германіи и противящеюся воинственной и задорной политикѣ мадьяръ, направленной исключительно противъ насъ. Авт.

³⁾ Существенная разность между временнымъ занятіемъ, обставленнымъ извѣстными условіями, и вступленіемъ австро-венгерскихъ войскъ для присоединенія страны къ имперіи Габсбурговъ, постоянно упускалась изъ виду. И французы были въ Сиріи, ио по возстановленіи порядка удалились. Авт.

⁴⁾ При такой постановкѣ дѣла австрійскіе делегаты и войска являлись лишь исполнительнымъ орудіемъ не исключительно австро-венгерскаго правительства, а конференціи между Россіею, Турціею и Австро-Венгріею и должны были дѣйствовать лишь по инструкціямъ, составленнымъ по взаимному соглашенію между тремя правительствами, не выходя изъ поставленныхъ рамокъ. Авт.

⁵⁾ Графъ Андраши понималъ, что необходимость обсуждать, рѣшать и дѣйствовать сообща съ Россіею и Турціею въ Босніи и Герцеговинѣ затруднитъ осуществленіе

своего намѣренія достигнуть опредѣленія занятія Босніи и Герцеговины конгрессомъ, или же, если ему это не удастся, собственнымъ починомъ привести это въ исполненіе, внѣ всякаго соглашенія нашего съ турками ¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ предполагаетъ непосредственно увѣдомить Порту о своихъ намѣреніяхъ, приглашая ее вывести свои войска, чтобъ избѣгнуть столкновенія, и объясняя вступленіе австро-венгерскихъ войскъ невозможностью для Порты осуществить условленныя реформы, ни разрѣшить аграрныя вопросы ²⁾, ни сдѣлать возможнымъ возвращеніе бѣженцевъ, спасшихся въ Австро-Венгріи, содержаніе которыхъ стоитъ послѣдней уже девять милліоновъ флориновъ и которыхъ она не можетъ ни оставить на неопредѣленное время въ своихъ предѣлахъ, ни предоставить на произволъ мусульманскаго населенія. По мнѣнію графа Андраши, занятіе Босніи и Герцеговины не можетъ встрѣтить возраженія со стороны какого-либо изъ кабинетовъ, такъ какъ они, при созданіи Большой Болгаріи и безсиліи, въ которое приведена нынѣ Порта, должны непременно согласиться на присоединеніе этихъ двухъ областей къ Австро-Венгріи, для восстановленія на Востокѣ равновѣсія между вліяніемъ Запада и Россіи ³⁾.

«Чтобы толкнуть какъ можно ранѣе Австро-Венгрію на путь, который, по всей вѣроятности, приведетъ ее къ прямому столкновению съ Портою, и опредѣлить безповоротнo дѣятельность Австро-Венгріи, которая, несмотря на увѣренность министра, едва ли не встрѣтитъ противодѣйствія нѣкоторыхъ державъ и въ особенности Италіи ⁴⁾, я не опровергалъ принципиально проекта графа Андраши, ограничившись замѣчаніемъ, что, чѣмъ болѣе онъ откла-

той задней мысли австро-венгерскаго правительства, съ которою затѣяно имъ было все дѣло, и что остріе босно-герцеговинскаго вопроса, направленное противъ Россіи, Сербіи и Черногоріи, снѣмъ уничтожается.

А в т.

¹⁾ Вся суть дѣла заключалась въ томъ, что не понимали или не хотѣли понять въ Петербургѣ: чтобъ не дать возможности графу Андраши распоряжаться самостоятельно въ Босніи, необходимо было сохранить почву константинопольской конференціи и наши права участвовать въ рѣшеніяхъ вмѣстѣ съ Турціею. Сербы и черногорцы были бы спасены.

А в т.

²⁾ Ссылаясь постоянно съ 1875 года на аграрный вопросъ, графъ Андраши безсовѣстно морочилъ Европу и въ особенности Петербургъ, не намѣреваясь вовсе приводить въ исполненіе по занятіи страны своими войсками. Я предупреждалъ о неисполнимости задачи, выставляемой напоказъ, для отвода глазъ, еще въ 1875 году. Обстоятельства и время доказали, что я былъ правъ.

А в т.

³⁾ Вѣчный антагонизмъ всего Запада Европы съ Россіею, не признаваемый нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, улаждающимся европейскими концертами, высказывается ясно и нахально, вмѣстѣ съ заднею мыслью, постоянно и неизмѣнно руководившею графомъ Андраши при всѣхъ его соглашеніяхъ съ княземъ Горчаковымъ и Новиковымъ и всѣми дѣйствіями его, направленными противъ русскаго представителя въ Константинополѣ и автора Санъ-Стефанскаго договора.

А в т.

⁴⁾ Главная моя цѣль была воспрепятствовать тому, чтобы Австро-Венгрія получила, мирнымъ и прочнымъ образомъ, изъ рукъ Европы, пользуясь русскими побѣдами, родственныи намъ край, сохраняя въ то же время хорошія отношенія съ Тур-

дываетъ исполненіе (до созыва конгресса), тѣмъ больше онъ встрѣтитъ сопротивленіе туземныхъ мусульманъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, Порта отошлетъ въ эти области боснійскій редиѣ (резервные батальоны и призывныхъ нижнихъ чиновъ) и распуститъ ополченіе (мустафизъ). Можетъ статься, что туда направлены будутъ и призывныя войска изъ Константинополя и Малой Азіи, въ особенности тѣ, въ составъ которыхъ вошли уроженцы этого края. Графъ Андраши былъ озабоченъ этимъ замѣчаніемъ, но возразилъ, что не предвидитъ серьезнаго сопротивленія, ибо, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ послѣднее время, Порта можетъ располагать во всей странѣ, куда желаетъ проникнуть Австро-Венгрія, лишь тридцатью батальонами, и оккупационныя войска будутъ встрѣчены всеобщей радостью не только католическимъ населеніемъ, но и православнымъ, и даже самими мусульманами¹⁾.

III.

«Черногорія.

Графъ Андраши мнѣ объявилъ безъ всякихъ обиняковъ, что онъ не можетъ допустить такихъ значительныхъ территоріальныхъ приращеній, которыя мы хотимъ доставить княжеству. Я ему напомнилъ, что мы отказались отъ мысли распространить границы въ естественномъ направленіи присоединеніемъ Герцеговины единственно изъ вниманія къ заявленіямъ Австро-Венгріи и что граница по рѣкамъ Дрину и Лиму была условлена въ переговорахъ, происходившихъ между нимъ и Е. П. Новиковымъ. Послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ княземъ Николаемъ, простая справедливость требовала доставить достаточное увеличеніе

цєю и избѣгая враждебности не только христіанскаго, но и мусульманскаго населенія. Я видѣлъ, что занятіе рѣшено безповоротнo въ Вѣнѣ и даже одобрено нашимъ правительствомъ, а потому желалъ лишь запугать Австро-Венгрію, сдѣлавъ вступленіе австрійскихъ войскъ въ Боснію менѣе опаснымъ для будущности славянъ, при современномъ обнаруживаніи дѣйствительнаго характера разбойническаго нашествія для захвата двухъ областей, населеніе которыхъ, подкрѣпленное всѣми оставшимися у турокъ военными средствами, защищалось бы упорно. Несомнѣнно, что если бы австрійцы вошли въ Боснію въ то время, когда наша армія находилась еще въ Турціи, положеніе наше улучшилось бы и явилась бы возможность требовать выхода австрійцевъ одновременно съ прекращеніемъ нашего занятія Болгаріи.

Авт.

¹⁾ Австро-Венгрія издавна подготавливалась къ занятію этихъ областей, а въ послѣдніе два года успѣла завязать своею двойною игрою такія связи, что была навѣрняка и теперь не трудилась скрывать своей мнимой войны. Но обстоятельства, сопровождавшія военное занятіе Босніи и Герцеговины, доказали, что графъ Андраши ошибается и что, несмотря на единогласное рѣшеніе Европы, пассивность Турціи, согласіе Россіи (которой привыкло повиноваться населеніе) и содѣйствіе князя черногорскаго (передававшего австрійцамъ по настоянію нашихъ дипломатовъ герцеговинскіе батальоны),—населеніе оказало возможное для него сопротивленіе.

Авт.

его территоріи къ востоку. Графъ Андраши отвѣчалъ, что вѣнскій кабинетъ никакъ не можетъ согласиться на это расширеніе, что мѣстность, которую мы хотимъ присоединить къ Черногоріи, совершенно для нея бесполезна и, напротивъ, необходима для Австро-Венгріи для проведенія желѣзной дороги черезъ Новый Базаръ и Митровицу въ Салоники, съ цѣлью обезпеченія сообщенія Австріи съ Эгейскимъ моремъ.

Я ему замѣтилъ, что такое притязаніе совершенно противорѣчитъ самому тексту конвенціи, на которой онъ основывалъ свои возраженія противъ Санъ-Стефанскаго договора, и въ которой лишь было оговорено, что оба правительства, когда наступитъ время, порѣшатъ судьбу земель, лежащихъ между Сербіею и Черногоріею и умышленно выключенныхъ изъ части Босніи и Герцеговины, предоставленной занятію Австро-Венгріею, и вступать между собою въ соглашеніе касательно распредѣленія ихъ ¹⁾. Графъ Андраши безъ колебанія признался, что при подписаніи конвенціи 3-го января онъ въ дѣйствительности и не подумалъ о присоединеніи этой мѣстности къ той, на которую распространялись вождедѣнія Австро-Венгріи, и сознался, что замышляемый захватъ противорѣчитъ состоявшимся между нами соглашеніямъ ²⁾, но оправдывается нынѣ созданіемъ Великой Болгаріи, которую онъ не предвидѣлъ, такъ какъ на рейхштадтскихъ переговорахъ и въ дополнительной конвенціи не допускалась мысль о созданіи значительнаго славянскаго государства. А устройства,—добавилъ графъ Андраши,—Болгаріи, переходящей на югъ за Балканы ³⁾, уполномочиваетъ Австро-Венгрію требовать соотвѣтствующаго вознагражденія ⁴⁾, которое не можетъ быть меньшимъ, нежели присоединеніе страны до Митровицы. Рождается невольно и основательно вопросъ: какое придавать значеніе и цѣну международнымъ актамъ, старательно редактированнымъ, послѣ нѣсколькихъ мѣ-

¹⁾ Слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не предоставлялось занять ихъ Австро-Венгріи, безъ предварительнаго одобренія и согласія Россіи. Графъ Андраши не имѣлъ ни малѣйшаго права считать мѣстность эту бесполезною для Черногоріи и необходимою для Австро-Венгріи.

А в т.

²⁾ Безъ зазрѣнія совѣсти и съ неслыханною безцеремонностію графъ Андраши позволялъ себѣ произвольно измѣнять то, что въ договоренномъ прежде перестало ему нравиться, и дополнять выговоренныя прежде преимущества, какъ только новыя сообщенія и вождедѣнія возникли въ его головѣ, не затрудняясь нисколько отсутствіемъ согласія нашего. Въ то же время онъ относился придирчиво, задорно и строго къ малѣйшему кажущемуся ему уклоненію нашему.

А в т.

³⁾ Графъ Андраши считалъ возможнымъ игнорировать константинопольскую конференцію, подписи представителей Австро-Венгріи подъ ультиматумомъ, поданнымъ Портъ европейскими уполномоченными и требовавшимъ признанія Болгаріи къ югу отъ Балканскаго хребта, и измѣнялъ факты по своему произволу.

А в т.

⁴⁾ Спрашивается: за что вознагражденіе? Постоянная снисходительность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ поощрила безгранично нахальство венгерскаго магната.

А в т.

саяцевъ тяжелыхъ переговоровъ, когда имѣемъ дѣло съ государственными людьми, позволяющими себѣ руководствоваться подобнымъ, столь сомнительнымъ и растяжимымъ [принципомъ ¹⁾]. Взглянувъ на прилагаемую мною карту, привезенную изъ Вѣны, ваше сіятельство можете удостовѣриться, что графъ Андраши соглашается уступить Черногоріи лишь приблизительно то, что было ей предназначено константинопольскою конференціею ²⁾, и заявляетъ, что онъ никогда не допустить, чтобы мѣстность, лежащая между Скутарійскимъ озеромъ, рѣкою Бояною и моремъ, была отдана черногорцамъ. Онъ не хочетъ принять въ расчетъ тѣ соображенія, которыя я выставилъ на видъ, напоминая ему, что, лишь вслѣдствіе настоящихъ вѣнскаго кабинета мы согласились направить усилія черногорцевъ на югъ, съ цѣлью помѣшати имъ стремиться перейти граничную линію, опредѣленную графомъ Андраши въ Герцеговинѣ. Возможно ли теперь лишить черногорцевъ плодовъ ихъ блестящихъ подвиговъ въ этой сторонѣ послѣ того, какъ ихъ побѣдное шествіе на сѣверъ было остановлено единственно для того, чтобы предоставить Австро-Венгріи извлечь для себя одной пользу отъ боснійско-герцеговинскаго возстанія? Графъ Андраши возразилъ, что хотя черногорцы прогнали турокъ за р. Бояну, но въ странѣ этой обитаетъ отчасти католическое населеніе, преданное Австріи и которое ею не можетъ быть покинуто ³⁾.

«Сверхъ того, какъ только черногорцы завладѣютъ гаванями на Адриатическомъ морѣ, они тотчасъ войдутъ въ сообщеніе съ итальянцами и станутъ заниматься контрабандою, въ ущербъ австро-венгерскимъ интересамъ. По его мнѣнію, имъ можно предоставить лишь плаваніе по Скутарійскому озеру и по р. Боянѣ. Цѣль графа Андраши, очевидно, клонится къ тому, чтобы воспрепятствовать всякому развитію Черной Горы, окружить ее со всѣхъ сторонъ австрійскими владѣніями, держать ее въ зависимости, захватить

¹⁾ Я воспользовался започинною откровенностію графа Андраши, привыкшаго къ тому, что ему все сходило съ рукъ съ нашими дипломатами безнаказанно, чтобы выставить въ настоящемъ свѣтѣ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, открывъ глаза канцлеру, и дать возможность государю убѣдиться въ бесполезности соглашеній, бывшихъ доселѣ, и ложности пути, по которому велась наша политика съ 1875 года. Такъ какъ донесеніе это шло совершенно вразрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что писалось и докладывалось по министерству иностранныхъ дѣлъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, то оно произвело весьма непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ.

А в т.

²⁾ Отрѣзывая, однокоже, въ свою пользу уступленныя Черногоріи—землю со стороны Зубовскаго округа и возставшую въ началѣ 1875 года часть Герцеговины.

А в т.

³⁾ Минимй другъ и союзникъ нашъ добивался, чтобы мы «покинули» нашихъ братьевъ по крови и вѣрѣ, въ то же время выставляя предлогомъ своего захвата чужого достоянія «невозможность покинуть католиковъ». А Петербургъ ему довѣрялъ больше, нежели собственнымъ агентамъ!

А в т.

въ свои руки всѣ гавани, которыми черногорцы могли бы воспользоваться, и поддерживать на ихъ границѣ католиковъ противъ православныхъ и въ ущербъ послѣднимъ. Когда я упомянулъ о вѣковомъ покровительствѣ Россіи Черногоріи и о затруднительномъ въ нравственномъ отношеніи положеніи, которое намъ будетъ создано, если мы вынуждены будемъ отказать въ удовлетвореніи столь законныхъ желаній и надеждъ княжества,—графъ Андраши выразилъ странное притязаніе, что Австро-Венгрія не можетъ допустить существованія соперницы въ этихъ странахъ. Черногорія, по его мнѣнію, входитъ въ сферу вліянія, исключительно предоставленнаго Австро-Венгріи. Онъ утверждалъ, что Черногорія могла существовать и одерживать побѣды лишь благодаря благосклонности Австро-Венгріи, и заявляетъ, что государство, располагающее милліономъ солдатъ, не должно сносить требованія горсти полудикихъ горцевъ. По этому поводу мой собесѣдникъ сдѣлалъ довольно неумѣстное сравненіе, спросивъ меня, какъ приняли бы мы представленія вѣнскаго кабинета въ пользу Кашгара, добавивъ, что, по его мнѣнію, покровительство, которое мы желаемъ оказывать Черногоріи, пограничной съ Австро-Венгріею, такъ же основательно, какъ было бы ходатайство Австріи въ пользу Кашгара. Я не преминулъ осмѣять эту выходку, свидѣтельствующую о невѣжествѣ географическомъ и этнографическомъ и легкомысліи австро-венгерскаго министра».

IV.

«4) Сербія. Въ продолженіе первыхъ двухъ нашихъ бесѣдъ графъ Андраши не возражалъ противъ граничной линіи, опредѣленной Сербіи по Санъ-Стефанскому договору. Императоръ мнѣ даже заявилъ, что онъ ею доволенъ, съ своей стороны, но онъ полагаетъ, что сербы вовсе не будутъ ею удовлетворены, такъ какъ ихъ притязанія идутъ гораздо дальше. Согласно предвидѣнному нами, Австро-Венгрія требуетъ себѣ Ада-Кале, но не хочетъ, однакоже, обязаться ¹⁾ срыть укрѣпленія, существующія на этомъ островѣ. Въ продолженіе третьей нашей бесѣды въ пятницу утромъ графъ Андраши заявилъ мнѣ, что онъ требуетъ измѣненія западной границы, не желая уступать Сербіи Новый Базаръ и Митровицу съ прилежащими округами, а намѣреваясь присоединить ихъ къ Австро-Венгріи. Признавая, однакоже, справедливымъ дать Сербіи вознагражденіе, онъ предлагаетъ взять его въ Болгаріи, отнявъ у сей послѣдней Вранью, Тыръ и даже Пиротъ, какъ означено на прилагаемой картѣ, которую онъ мнѣ передалъ.

¹⁾ Какъ было постановлено въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, въ видахъ свободы плаванія по рѣкѣ Дунаю.

Такое измѣненіе не встрѣтитъ слишкомъ большого сопротивленія со стороны лишь сербовъ, ибо они ходатайствовали о приобрѣтеніи этихъ участковъ въ продолженіе санъ-стефанскихъ переговоровъ. Очевидно, что графъ Андраши, пользуясь тѣмъ, что въ Бѣлградѣ остались недовольными болгаро-сербскою границею, условленною между нами и Портою, желаетъ сдѣлать видъ, что отстаиваетъ противъ насъ интересы Сербскаго княжества. Съ другой стороны, дошло до моего свѣдѣнія, что въ Нишѣ готовится заговоръ противъ князя Милана въ пользу одного изъ Карагеоргиевичей. Отставной генералъ (австрійской службы) Стратимировичъ приходилъ ко мнѣ и увѣрялъ, что интрига эта ведется съ одобренія, если не по внушенію графа Андраши. Если свѣдѣнія эти подтвердятся, то получится еще новое доказательство, что австро-венгерскій министръ задумалъ возстановить въ Бѣлградѣ то вліяніе, которымъ вѣнскій кабинетъ пользовался во время князя Александра Карагеоргиевича ¹⁾.

«Въ самый день этого объясненія моего съ графомъ Андраши сербскій агентъ въ Вѣнѣ Цукничъ обратился ко мнѣ съ просьбою отъ имени Ристича взять въ соображеніе желаніе сербовъ присоединить къ себѣ со стороны Болгаріи округа, на которые полагаютъ имѣть право. Присоединеніе это могло бы состояться, по мысли Цукнича, въ случаѣ новыхъ территоріальныхъ перемѣнъ, въ послѣдствіе переговоровъ нашихъ съ вѣнскимъ кабинетомъ ²⁾. Чтобы пара-

¹⁾ Графъ Андраши превозмелъ это вліяніе, обративъ короля Милана и партію напредняковъ въ послушное и слѣпое орудіе австро-венгерскихъ интригъ, направленныхъ противъ Россіи и имѣющихъ цѣлью уничтожить всякое самостоятельное значеніе Сербіи, подготавливая ея формальное присоединеніе къ Венгріи. Я обнаружилъ заблаговременно цѣль графа Андраши и предвѣрилъ императорское правительство.

Авт.

²⁾ Эти обстоятельства и другіе признаки указали мнѣ, до какой степени неблагоприятно отзываются на нашемъ положеніи въ восточномъ вопросѣ всякіе переговоры съ Вѣною, и понудили сократить мое тамъ пребываніе. Между прочимъ 18—30 марта сербскій агентъ въ Вѣнѣ Цукничъ сообщилъ мнѣ письменно, что сербское правительство, судя по телеграммѣ, полученной имъ отъ 17-го отъ Ристича, встревожено извѣстіемъ, что порученіе, данное мнѣ государемъ, не исключаетъ намѣренія представить Австро-Венгріи въ будущемъ рѣшающее вліяніе на судьбу Сербіи, въ ущербъ ея интересамъ и даже ея независимости. Цукничъ безтактно просилъ меня разъяснить значеніе этого слуха и указать, въ какой степени слѣдуетъ ему придать вѣру. Ристичъ, жалуясь на мнимое включеніе въ Болгарію части Старой Сербіи, могущее породить споры и даже схватки между болгарами и сербами, поручалъ Цукничу обратить мое вниманіе на то, что статья шестая Санъ-Стефанскаго договора даетъ возможность отстранить дурныя послѣдствія, и просить меня принять записки отъ меня мѣры въ пользу Сербіи.

Замѣчательно, что одинъ Ристичъ понималъ, что статья VI Санъ-Стефанскаго договора представляла возможность удовлетворить, при окончательномъ установленіи границъ Болгаріи, основательныя притязанія сербовъ и грековъ, какъ я указывалъ графу Андраши и князю Горчакову, равно какъ и всѣмъ тѣмъ, которые жаловались на мнимое забвеніе сербовъ и грековъ, въ исключительную пользу болгаръ. Статья VI умы-

лизовать проявившееся желаніе графа Андраши привязать къ себѣ сербовъ и чтобы опровергнуть слухи, распускаемые въ Вѣлградѣ австро-венгерскими агентами для убѣжденія сербовъ, что мы жертвуемъ ихъ интересами въ пользу Болгаріи, я почелъ долгомъ возстановить истину и отвѣтить успокоительно г. Цукичу ¹⁾.

«Графъ Андраши намѣревается потребовать отъ Сербіи ²⁾, вза-мѣнъ мнимой поддержки, которую онъ ей выказываетъ въ терри-торіальныхъ вопросахъ, право постройки чрезъ княжество австро-венгерскою компаніею желѣзной дороги къ Митровицѣ, съ при-мѣненіемъ австро-венгерскихъ тарифовъ. Окончаніе сѣти румын-скихъ желѣзныхъ дорогъ ³⁾ и принятіе ихъ въ зависимость Австро-Венгріи очень озабочиваетъ графа Андраши.

«5) Дунай, Бессарабія. Императоръ и графъ Андраши заявляютъ, что они удовлетворены статьею нашего договора касательно Дуная. Какъ бы жалѣя румынъ и находя ихъ раздраженіе противъ насъ законнымъ, они общаются остаться вѣрными конвен-ціи 3 (15) января въ отношеніи возвращенія намъ Бессарабіи, на которую они, впрочемъ, смотря, какъ на достаточное и согласное съ договореннымъ прежде вознагражденіе Россіи за огромныя земель-ныя присоединенія, которыхъ требуетъ себѣ Австро-Венгрія ⁴⁾. Графъ

шленно была мною редактирована для доставленія намъ возможности провести границу Болгаріи, «принявъ во вниманіе начало народности большинства пограничныхъ жи-телей, топографическія условія и практическія нужды мѣстнаго населенія, касательно удобства сообщенія и проч.».

Авт.

1) Я не могъ предвидѣть, что въ Берлигѣ наши уполномоченные отошлютъ сер-бовъ и черногорцевъ къ графу Андраши, отказывая имъ въ поддержкѣ и совѣтуя пола-дить съ нимъ, такъ какъ «будущее ихъ зависитъ отъ Австро-Венгріи». Слѣдуя tradi-ціямъ нашей политики на Востокъ, я завѣрилъ Цукича, что, несмотря на затрудненія, воздвигаемыя въ Вѣлѣ противъ всякаго увеличенія княжества сербскими землями, мы постоянно имѣемъ въ виду интересы Сербіи, совѣтуемъ сербамъ и болгарамъ жить дружно, не ссориться и не стараться перехватывать другъ у друга земельные клочки, довольствуясь статьями III и VI Санъ-Стефанскаго договора, по которымъ пограничная коммиссія, съ участіемъ сербскаго комиссара, проводя окончательную границу Болга-ріи, обязана принять во вниманіе «народность большинства жителей, топографическія условія и практическія нужды населенія и т. д.». Слѣдовательно, коммиссія можетъ провести границуную линію по справедливости, не торопясь своими рѣшеніями, но принявъ во вниманіе заявленія заинтересованныхъ сторонъ.

Авт.

2) Видимость венгерской поддержки, удаленіе Сербіи отъ Россіи и ссора ея съ Болгаріею необходимы были для созданія предлога подкупить княжество и затѣмъ его обобрать.

Авт.

3) Въ теченіе восьми лѣтъ задерживалъ я осуществленіе этого австро-венгер-скаго проекта всѣми зависящими отъ меня способами, разстраивая всѣ хитро приду-манные проекты.

Авт.

4) Привыкшая чужими руками жаръ загребать и пользоваться русскимъ благо-душіемъ и великодушіемъ, Австро-Венгрія, не проливъ капли своей крови, слыла еще за защитницу Турціи и охранительницу общихъ европейскихъ интересовъ, а же-лала разбойнически захватить себѣ въ нѣсколько разъ больше земли, нежели Россія, и нанести въ то же время кровную обиду ей и славянамъ.

Авт.

Андраши, выставляя на видъ мнимую заслугу свою, что не береть румынъ подъ свою защиту противъ насъ, настоятельно просить взаимѣнъ, чтобы наши войска какъ можно скорѣе очистили княжество ¹⁾. Я старался ему доказать, что морскія сообщенія недостаточны для нашей арміи и что у насъ сосредоточены въ Румыніи слишкомъ большіе запасы, военные и продовольственные, чтобы очищеніе края могло совершиться въ короткій срокъ. Министръ не сумѣлъ отъ меня скрыть, что, настаивая на этомъ требованіи, онъ имѣлъ въ виду пріобрѣсти признательность румынъ и прослыть въ ихъ глазахъ за избавителя ихъ края отъ русскихъ войскъ.

«6) Болгарія. Графъ Андраши началъ съ разъясненія, въ какой степени созданіе Болгаріи въ размѣрахъ, приданныхъ ей Санъ-Стефанскимъ договоромъ, противъ духа рейхштадтскихъ переговоровъ и конвенціи 3 (15) января, по которой учрежденіе на Балканскомъ полуостровѣ какого-либо большого славянскаго государства предусмотрительно исключено. Я старался дать ему понять, что при упомянутыхъ имъ переговорахъ рѣчь не могла идти ни о чемъ иномъ, какъ о соединеніи Босніи и Герцеговины въ одно большое сербское княжество и о созданіи Великой Сербіи и Великой Черногоріи, присоединеніемъ къ каждой изъ нихъ одной изъ этихъ областей ²⁾.

«Только объ этихъ результатахъ герцеговино-боснійскаго возстанія и сербо-черногорской войны съ Турціею и могла быть рѣчь въ Рейхштадтѣ. Такъ какъ Австро-Венгрія тогда заявила, что предложенія наши объ увеличеніи Черногоріи и Сербіи несомѣстимы съ ея интересами, то обязательство не создавать большого славянскаго государства и относилось, очевидно, къ этому случаю. Взявъ конвенцію въ руки, я ему указалъ, что въ текстѣ ея, послѣ фразы, на которую онъ указывалъ, въ третьей статьѣ была поставлена точка съ запятою и что фраза, относящаяся до Болгаріи, началась дальше такъ, что, въ всякаго сомнѣнія, ограниченіе, на которое ссылается графъ Андраши, отнюдь не касается Болгаріи. Австро-венгерскій министръ, убѣдившись въ основательности моего возраженія, ухватился тогда за умолчаніе въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ о Румелии, упоминаемой въ секретной конвенціи ³⁾, выводя изъ этой редакціонной случайности обязательство отдѣлить отъ Болгаріи всю страну къ югу отъ Балканскаго хребта. Я вынужденъ былъ признать, что редакція весьма неудовлетворительна, ибо выраженіе «Румелия» означало, въ смыслѣ оттоманскаго геогра-

¹⁾ Чтобы лишить насъ способа вліять на румынъ при рѣшеніи бессарабскаго вопроса и получить полный просторъ для непріязненныхъ и коварныхъ дѣйствій своихъ въ этомъ краѣ.

²⁾ Босніи къ Сербіи, Герцеговины къ Черногоріи.

³⁾ Имѣвшей въ виду уничтоженіе Турецкой имперіи.

А в т.

А в т.

А в т.

фически-политического словаря, всю Европейскую Турцію ¹⁾, или же, как указывали уполномоченные Австро-Венгрии на константинопольской конференціи (прибавленіе «а» къ VII протоколу), области Эпира, Фессалии и часть Македоніи, не вошедшія въ составъ Болгаріи. Лишенный возможности противорѣчить на почвѣ нашихъ обязательствъ предъ Австро-Венгріею, графъ Андраши вздумалъ опираться на то, что мы якобы думали, что Болгарія распространяется на югъ лишь до Балканскаго хребта, и въ доказательство приводилъ, что графъ Шуваловъ въ Лондонѣ, а Е. П. Новиковъ въ Вѣнѣ заявляли предъ самою войною ²⁾, что мы удовольствуемся предоставленіемъ Болгаріи границы балканской, съ тѣмъ, чтобы изъ южной части страны образовать отдѣльную область ³⁾. Министръ жалѣетъ, что конференція не собралась въ то время, когда онъ ее предложилъ, т. е. прежде, нежели мы успѣли заключить договоръ съ турками.

«Такъ какъ слухъ пронесся изъ Лондона и Берлина, что нашъ лондонскій посолъ будетъ назначенъ уполномоченнымъ на конференцію, то графъ Андраши надѣется, что онъ останется вѣрнымъ заявленной имъ самимъ мысли о раздѣленіи Болгаріи и что тогда соглашеніе можетъ установиться между кабинетами. Я замѣтилъ моему собесѣднику, что если въ самомъ дѣлѣ графъ Шуваловъ говорилъ въ Лондонѣ о возможности ограничить Болгарское княжество сѣвѣрною частью страны, не давая ему естественнаго развитія до предѣловъ болгарскаго заселенія, то это, вѣроятно, лишь во время остановки подъ Плевною, въ предположеніи, что миръ будетъ заключенъ до перехода нашими войсками Балканскаго хребта, измѣнившаго совершенно общее положеніе. Какъ бы то ни было, константинопольская конференція уже допустила Болгарію, распространенную значительно южнѣ Балканъ, хотя и раздѣленную на двѣ области—западную и восточную, противно замѣчаніямъ,

¹⁾ Словомъ «Румъ» обозначили турки европейскія владѣнія покоренной ими Византійской имперіи, а равно и грековъ и ихъ подданныхъ. Въ Стамбулѣ были подшеихъ-уль-исламомъ, главою духовенства, два верховныхъ судьи для мусульманъ—казы-оскера: одинъ для Румелии—европейскихъ владѣній, другой для Анатолии—азіатскихъ владѣній султана.

А в т.

²⁾ Это было большою ошибкою и несообразностью нашихъ дипломатовъ. Во всякомъ случаѣ, предположеніе о несуществованіи болгаръ на югѣ отъ Балканъ свидѣтельствовало о полномъ незнаніи географіи и этнографіи Балканскаго полуострова.

А в т.

³⁾ Если графъ Андраши не ошибался, то непонятно, на какомъ основаніи могли наши два посла заявлять подобныя мысли противникамъ русской политики на Востокѣ, въ противорѣчіи съ воззваніемъ, утвержденнымъ государемъ въ Пловдѣ и со всѣми извѣстными Европѣ намѣреніями его величества, съ желаніями Россіи и Болгаръ и даже съ постановленіями константинопольской конференціи, гдѣ мысль о раздѣленіи Болгаріи на южную и сѣвѣрную была признана неосновательною, несообразною и категорически отвергнута, по настоянію моему, всѣми представителями Европы, съ предпочтеніемъ раздѣленія Болгаріи на западную и восточную.

А в т.

представленнымъ мною тогда противъ неосновательнаго и непрочнаго раздѣленія страны на двѣ половины. Къ крайнему удивленію моему, графъ Андраши объявилъ мнѣ, что онъ не придастъ никакого значенія тому, что было принято тогда въ конференціи австрійскими уполномоченными ¹⁾, ибо онъ отнюдь не одобрялъ положенія, ими принятаго, находилъ чрезвычайными постановленныя рѣшенія и тогда же не протестовалъ противъ сихъ послѣднихъ единственно для того, чтобы не выказать предъ турками разъединенія, разномыслія кабинетовъ ²⁾, и потому, что онъ лично былъ убѣжденъ, что ничего не выйдетъ изъ этихъ европейскихъ рѣшеній, по невозможности привести ихъ въ исполненіе, пока турки оставались хозяевами положенія. Впрочемъ, прибавилъ онъ, устройство предполагавшихся тогда христіанскихъ областей (вилайетовъ) ничего общаго не имѣло съ созданіемъ самостоятельнаго княжества, какое мы нынѣ измыслили.

«Мало-по-малу графъ Андраши приведенъ былъ мною къ сознанию невозможности уничтожить то, что произошло въ долинахъ Тунджи и Марицы, равно какъ и въ окрестностяхъ Софіи. Взявъ карту въ руки и начавъ съ восточныхъ границъ новаго княжества, министръ предложилъ мнѣ осадить граничную линію на западъ, отказываясь отъ Люле-Бургаса, чтобы увеличить нѣсколько пространство, остающееся во владѣніи Турціи къ сторонѣ Константинополя, въ особенности же—чтобы не пересѣкать граничной линіей желѣзной дороги, ведущей изъ Адрианополя въ столицу. Замѣтно было, что главною заботою графа Андраши было измѣнить то, что нами сдѣлано, но мысли его еще блуждали между разными проектами и не было ничего окончательно опредѣленнаго: какъ вашему сіятельству благоугодно будетъ замѣтить на представляемой мною картѣ ³⁾, онъ предлагалъ то провести границу отъ Адриа-

¹⁾ Весьма безцеремонное отношеніе къ международнымъ совѣщаніямъ и актамъ, вызванное лишь тѣмъ, что всѣ прихоти австро-венгерскія ими не удовлетворены. Какой крикъ поднялся бы въ Европѣ на Россію, если бы она позволила себѣ относиться такимъ же образомъ къ «европейскому концерту» и къ международнымъ протоколамъ!

Авт.

²⁾ Графъ Андраши, очевидно, не одобрялъ дѣйствительнаго, а не фиктивнаго сближенія, происшедшаго между мною и графомъ Зичи, и негодовалъ на нравственные преимущества, пріобрѣтенныя Россією моими стараніями. Своимъ отношеніемъ къ постановленіямъ конференціи онъ вполне подтвердилъ мнѣніе тѣхъ, которые смотрѣли на происшедшее на конференціи, какъ на явную дипломатическую побѣду Россіи и на поражение Порты и Австро-Венгріи. Графъ Андраши не стыдился заявлять о полномъ разъединеніи кабинетовъ въ ту самую минуту, когда князь Горчаковъ былъ убѣжденъ, что цѣною пожертвованій пріобрѣлъ право рассчитывать на его единомысліе.

Авт.

³⁾ Чтобы уличить графа Андраши и предупредить обычное ему отпирательство отъ собственныхъ словъ, я взялъ съ собою карту, на которой и означилъ графически, въ продолженіе объясненія съ нимъ, его предложенія объ измѣненіи границы.

Авт.

нополя прямо на Сизополь, то соглашался оставить Киркъ-Килессе Болгарин. По всему видно, что министр старается вытребовать отъ насъ какъ можно болѣе уступокъ къ сторонѣ Константинополя, въ видахъ лишь заслужить, взамѣнъ ихъ, согласіе Англіи на осуществленіе его проектовъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Со стороны западной графъ Андраши объявляетъ, что вся страна между Митровицею и Салониками должна временно остаться еще подъ непосредственнымъ оттоманскимъ владычествомъ, несомнѣнно, съ цѣлью предоставить ее въ будущемъ, болѣе или менѣе близкомъ, Австро-Венгріи. Онъ настаиваетъ, чтобы долина Вардара была отдѣлена отъ рѣки Кара-су (Струма), утверждая, что если послѣдняя можетъ принадлежать Болгаріи и находится въ восточной зависимости ¹⁾, Вардарская долина должна была подчиниться исключительному вліянію политической и коммерческой системы Австро-Венгріи ²⁾. Нашъ споръ сдѣлался до того горячимъ, что мы нѣсколько разъ доходили до совершеннаго разрыва переговоровъ. Истощивъ всѣ доводы, почерпнутые изъ знанія дѣйствительнаго состоянія этой мѣстности, исторіи и настроенія населенія, соображеній нравственныхъ и политическихъ, я подъ конецъ нашихъ долгихъ разговоровъ заявилъ ему, что вижу ихъ бесполезность, что мнѣ уже больше нечего дѣлать въ Вѣнѣ и что я ограничусь представленіемъ государю императору и императорскому кабинету доклада, въ которомъ выражу убѣжденіе, что австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ стремится, во что бы то ни стало, уничтожить главнѣйшіе результаты, пріобрѣтенные нашею побѣдоносною войною, и воспрепятствовать осуществленію великаго человѣколюбиваго подвига, предпринятаго его императорскимъ величествомъ. Я не могу предвидѣть, сказалъ я, рѣшеній, къ которымъ придутъ въ Петербургѣ, но ручаюсь вамъ въ одномъ, что у насъ ни за что не согласятся передать освобожденные отъ турецкаго ига населенія снова во власть турокъ ³⁾. Чтобы обнаружить его существенную мысль и удостовѣриться, до какой степени онъ готовъ идти въ преслѣдованіи своей цѣли, я замѣтилъ между прочимъ графу Андраши, передъ вышесказаннымъ окончаніемъ нашего разговора, что страна, которую онъ хочетъ выдѣлить на юго-западѣ Санъ-Стефанской

¹⁾ Т. е., очевидно, подъ вліяніемъ Россіи, т. е. въ рукахъ сочувственнаго ей населенія. Графъ Андраши проповѣдывалъ географическія и этнографическія понятія собственнаго изобрѣженія, передѣлывая исторію прошлаго и будущія судьбы народностей по своей венгерской политической фантазіи.

Авт.

²⁾ Носительницѣ, по его понятіямъ, западной культуры.

Авт.

³⁾ Видя внутреннее положеніе Австро-Венгріи, полную неготовность ея къ войнѣ съ нами и настроеніе Вѣны и славянъ, я никакъ не могъ тогда предвидѣть того ослабленія нашей политики, которое выразилось предварительнымъ соглашеніемъ между Салисбюри и графомъ Шуваловымъ и постановленіями Берлинскаго договора.

Авт.

Болгаріи, составляет собственно Македонію и потому все, чего онъ могъ бы добиваться, это образованія изъ нея самостоятельнаго княжества, къ которому въ такомъ случаѣ можно бы присоединить Старую Сербію и городъ Салоники. Подобное разрѣшеніе вопроса, хотя и протівно Санъ-Стефанскому договору, соотвѣствовало бы, по крайней мѣрѣ, интересамъ христіанскаго населенія и могло бы быть нами обсуждаемо. Министръ отказался вступить на этотъ путь, ограничиваясь предложеніемъ административной автономіи для этихъ областей, что меня утвердило въ убѣжденіи, что онъ тщательно желаетъ избѣгнуть какого-либо окончательнаго рѣшенія участи населенія, дабы продолжить выжидательное состояніе для подготовленія почвы къ осуществленію его предположеній касательно будущаго устройства Балканскаго полуострова. Я доставилъ австро-венгерскому министру ¹⁾ всевозможныя разъясненія касательно вводимой нами системы управленія въ Болгаріи. Онъ не сдѣлалъ по этому предмету никакихъ возраженій, будучи исключительно озабоченъ размѣрами новаго княжества, и повторилъ мнѣ неоднократно, что, если бы мы согласились сохранить границы Болгаріи согласно его предположеніямъ, т. е. ограничить ее Балканами, ему совершенно безразлично, обратится ли это княжество въ вполнѣ независимое или вассальное. Онъ прочелъ мнѣ нѣсколько мѣстъ изъ писемъ, доставленныхъ Е. П. Новиковымъ, при его послѣднемъ возвращеніи въ Вѣну ²⁾, а равно и записку (31-го января), служившую инструкцію послу его величества, и горько жаловался на приглашеніе Австро-Венгріи считаться съ существующими фактами и не противиться естественному развитію народностей, что, несомнѣнно, однакоже, добавилъ онъ, совершенно несовмѣстимо съ самымъ существованіемъ Габсбургской монархіи ³⁾.

¹⁾ По повелѣнію государя и инструкціи князя Горчакова, считавшихъ графа Андраши искреннимъ и благорасположеннымъ и потому предполагавшихъ, что недоразумѣнія возникаютъ лишь по недостатку у него свѣдѣній о чистотѣ и безкорыстности нашихъ дѣйствій и намѣреній въ Болгаріи. Авт.

²⁾ Ясно было, что до начала февраля австро-венгерское правительство не было подготовлено къ благоприятному для Россіи исходу войны и что мягкія и уклончивыя рѣчи нашихъ дипломатовъ утвердили въ немъ самоуверенность и предположеніе, что мы не посмѣемъ уклониться отъ пути, начертаннаго Россіи графомъ Андраши. Недовольство его возникло съ возвращенія Е. П. Новикова, когда онъ удостоверился, что инструкціи посла разнятся отъ его ожиданій; мнимыя недоразумѣнія между Петербургомъ и Вѣною имѣютъ источникомъ довѣрительное сообщеніе канцлера отъ 31-го января, столь умѣренное по своему содержанію и уклончивой формѣ. Авт.

³⁾ Графъ Андраши не замѣтилъ, видно, что онъ произноситъ смертный приговоръ Австро-Венгріи и обнаруживаетъ всю свою фальшивую игру, всю ложь, скрытую подъ громкими фразами: «реформы, улучшенія быта населенія и западной культуры». Интересы Австро-Венгріи, выставляемые вѣскими правительствомъ, признаются имъ самими совершенно несовмѣстимыми съ естественнымъ развитіемъ балканскихъ народностей, т. е. съ цѣлью вѣковой русской политики на Востокъ, и съ выставляемою по

«Возвращаясь къ своей предвзятой основной мысли, графъ Андраши мнѣ снова сослался на то, что князь Александръ Гессенскій ¹⁾ призналъ по прочтеніи текста конвенціи 3 (15) января ²⁾, что мы не правы и уклонились отъ нашихъ обязательствъ. Министръ утверждаетъ, что онъ до такой степени убѣжденъ въ своемъ законномъ правѣ противиться созданію такой Болгаріи, какую мы задумали, что заявляетъ мнѣ нынѣ же готовность подчиниться третейскому суду Европы по этому вопросу или, еще лучше, императора германскаго ³⁾. Выведенный изъ терпѣнія такою самоувѣренностью и упорствомъ, я наконецъ предъявилъ австро-венгерскому министру копію карты, составленной въ нашемъ военномъ министерствѣ, привезенной г.-ад. Обручевымъ въ Вѣну и переданной за годъ пе-

стоянно программю западно-европейскихъ государствъ, не исключая и Австріи, обезпеченія самостоятельности и независимости балканскихъ народностей отъ вліянія Россіи. Слѣдовательно, ясно было для всякаго, что почвы для соглашенія между Россією и Австро-Венгрією въ политической программѣ графа Андраши не было и быть не могло. Непонятно лишь ослабленіе князя Горчакова, Е. П. Новикова и барона Жюмни.

Авт.

¹⁾ Мнѣ лично чрезвычайно повредило въ Петербургѣ противорѣчіе, въ которое я впалъ съ принцемъ Александромъ, бывшимъ въ Вѣнѣ и Петербургѣ за нѣсколько дней предъ моею поѣздкою въ Австро-Венгрію и представившимъ намѣренія австро-венгерскаго правительства и его отношенія къ намъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели найдено мною въ дѣйствительности.

Авт.

²⁾ Рѣчь идетъ здѣсь о статьѣ третьей конвенціи, заключенной въ Пештѣ 3 (15) января и 6 (18) марта 1877 г. «на случай территоріальнаго передѣла или разложенія Оттоманской имперіи». Въ этомъ предположеніи обусловлено было «недопущеніи значительнаго славянскаго или другого государства». Ясно, что здѣсь центръ тяжести лежалъ на предположеніи объ открытіи оттоманскаго наслѣдства, тогда какъ имперія османовъ не только не исчезла раздѣломъ между ея наслѣдниками въ 1878 году, но даже дожила до нашихъ дней. Конечно, спорности и неясности могли быть въ крайне сомнительномъ по существу и неудовлетворительномъ по формѣ соглашеніи 3-го января, подлинный текстъ коего до сихъ поръ не опубликованъ (ср. единственная копенгенья о немъ свѣдѣнія—въ книгѣ Горяинова, стр. 308). Но превыше всего прискорбно, что роль истолкователя этой спорности въ смыслѣ именно австрійскихъ интересовъ принялъ на себя князь Александръ Гессенскій, братъ російской императрицы.

А. Б.

³⁾ По возвращеніи въ С.-Петербургъ, я убѣждалъ князя Горчакова поймать Андраши на словѣ и послать меня въ Берлинъ предложить на третейскій судъ императора германскаго разсмотрѣніе вопроса: имѣли ли мы право создавать Болгарію по Санъ-Стефанскому договору, не входя въ противорѣчіе конвенціи 3 (15) января, или нѣтъ, вообще отдать на судъ наши недоразумѣнія съ Австрією, предъявленіемъ нашей конвенціи. Заключая Санъ-Стефанскій договоръ, я до того чувствовалъ себя связаннымъ необходимою сообразоваться съ конвенціею и до того озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы не доставить Австро-Венгріи редакцію нашего договора возможности предъявить свои чудовищныя, по моему мнѣнію, притязанія, что я былъ убѣжденъ въ нашей правотѣ и неосновательности требованій графа Андраши. Я надѣялся, что даже князь Бисмаркъ по внимательномъ изученіи текста, при всемъ несовершенствѣ и погрѣшности послѣдняго, не найдетъ возможности стать на сторону Австро-Венгріи и насъ осудить. Князь Горчаковъ и слышать не хотѣлъ о такой постановкѣ вопроса, заявляя, что онъ не желаетъ ни компрометировать графа Андраши, ни ссориться съ нимъ.

Авт.

редъ тѣмъ Е. П. Новиковымъ графу Андраши. Я пригласилъ сего послѣдняго сличить имѣющійся у него подлинникъ, обративъ его вниманіе на то, что ему въ точности было извѣстно уже болѣе цѣлаго года, гдѣ именно мы намѣрены были провести западную границу Болгаріи, которую нынѣ и оспаривать нельзя, по нашему мнѣнію, ибо она приблизительно соотвѣтствуетъ граничной чертѣ, проведенной европейскими уполномоченными на конференціи. Отвергнувъ первоначально самое существованіе подобной карты, онъ наконецъ, вслѣдствіе моего неослабнаго настоянія ¹⁾, началъ искать ее въ нѣсколькихъ ящикахъ своего письменнаго стола и въ дѣйствительности нашелъ злополучную карту. Разсматривая проведенныя въ ней границы Черногоріи, Сербіи и Болгаріи, онъ не удержался отъ восклицаній, выражающихъ неожиданность и удивленіе, и признался, что не изучалъ этой карты ²⁾. Онъ привелъ также отговорку въ свое оправданіе, что не существовало никакой надписи на картѣ, свидѣтельствующей, что красная черта, проведенная между Сербіею и Салониками, означаетъ границу Болгаріи, ибо можно было предположить, что она опредѣляетъ отграниченіе Албаніи и Греціи, оставляя еще Румелію, какъ промежуточную область между этою чертою и собственно Болгаріею. Я ему выразилъ, что для насъ совершенно безразлично и не можетъ быть извѣстно, изучалъ ли онъ достаточно эту карту, или нѣтъ, но что для насъ существуетъ безспорный фактъ нахожденія этого документа въ его портфель въ теченіе цѣлаго года, безъ малѣйшаго замѣчанія съ его стороны касательно Болгаріи, тогда какъ за это время онъ

¹⁾ Я былъ вынужденъ при томъ сказать графу Андраши, что я приду въ помощь его памяти указаніемъ на обстоятельство, усматриваемое мною въ одномъ изъ писемъ Е. П. Новикова: получивъ отъ посла нашего карту, министръ заявилъ ему, что считаетъ этотъ документъ столь секретнымъ, что не рѣшится отдать его въ канцелярію, опасаясь проникновенія въ прессу или картографію, и потому сохранить въ ящикѣ собственнаго письменнаго стола. Графъ Андраши вскипѣлъ, покраснѣлъ и отвѣтилъ: «Что же вы хотите произвести у меня домовой обыскъ и перерывать мой письменный столъ?» Увидѣвъ, однакоже, мое твердое спокойствіе въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, съ повтореніемъ приглашенія посмотреть, не найдется ли что въ столѣ, графъ Андраши сталъ вынимать изъ своихъ ящиковъ разбросанныя въ нихъ въ величайшемъ безпорядкѣ карты, записки, письма и проч. По обложкѣ я тотчасъ узналъ карту, хотя и иностранной печати, но принадлежащую нашему военному министерству, и, къ крайнему смущенію и досадѣ графа Андраши, указавъ на нее, говоря, что, вѣроятно, это она. Министръ вынужденъ былъ убѣдиться, что я отгадалъ и былъ правъ, настаивая на сличеніи экземпляровъ карты.

Авт.

²⁾ Это доказываетъ удивительное легкомысліе министра и полное пренебреженіе, съ которымъ онъ относился къ сообщеніямъ и предположеніямъ нашего посольства. Когда я передалъ Е. П. Новикову происшедшую между мною и графомъ Андраши сцену и эпизодъ съ забытою картою, выразивъ удивленіе, что такой образъ дѣйствій въ отношеніи къ намъ можетъ быть допускаемъ, посолъ пришелъ въ глубокое отчаяніе и сталъ говорить, что онъ послѣ того не можетъ оставаться въ Вѣнѣ и подаетъ въ отставку. Онъ старался оправдать нѣсколько министра, говоря, что сообщеніе карты было не официальное, а лишь довѣрительное.

Авт.

3*

много сдѣлалъ возраженій относительно будущихъ границъ Черногоріи, на основаніи проектированныхъ на этой же картѣ очертаній. Это обстоятельство доставило намъ полное право предположить, что онъ, въ общемъ, принялъ предложенную нами въ пользу новаго княжества граничную черту, предоставляя лишь себѣ войти въ нѣкоторыя подробности обсужденія впослѣдствіи. Что касается лично меня, то во всякомъ случаѣ, получивъ эту карту отъ моего правительства, съ указаніемъ на то, что на ней обозначены границы, предложенныя австро-венгерскому правительству еще годъ тому назадъ, я имѣлъ полное право взять ихъ за основаніе нашихъ переговоровъ съ турками. При такихъ условіяхъ довольно затруднительно будетъ Австро-Венгріи прибѣгнуть къ европейскому третейскому суду и совершенно невозможно оспаривать законное основаніе поставленныхъ нами въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ мирныхъ условій. Графъ Андраши, надѣявшійся заставить насъ отступить предъ опасеніемъ быть обвиненными въ вѣроломствѣ, былъ такъ пораженъ представленнымъ ему разсужденіемъ, что, поспѣшивъ признать наше прямотушіе, выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу происшедшаго недоразумѣнія и повторилъ сознаніе, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на карту, оставленную въ его рукахъ ¹⁾.

«7) Занятіе русскими войсками Болгаріи.

«По словамъ графа Андраши, Австро-Венгрія и даже вся Европа возстанетъ противъ слишкомъ продолжительнаго срока пребыванія и слишкомъ многочисленнаго состава русскихъ войскъ, долженствующихъ остаться въ Болгаріи. Три мѣсяца вмѣсто двухъ лѣтъ и 10.000 человекъ вмѣсто 50.000 были бы вполне достаточны, по мнѣнію министра, а въ особенности если болгарская милиція быстро сформируется и получитъ достаточное развитіе. Изложеніе мною военныхъ и смѣтныхъ потребностей не могло измѣнить его предвзятаго взгляда, и онъ сдѣлалъ видъ, что оказываетъ мнѣ великую уступку, предлагая согласиться на шесть мѣсяцевъ и 20.000 человекъ. Желая проникнуть въ дѣйствительные его помыслы, я ему замѣтилъ, что не хочу допустить оскорбительнаго для насъ предположенія, что онъ намѣренъ достигнуть удаленія нашихъ войскъ съ театра войны въ то время, когда намъ угрожаетъ, по его же словамъ, разрывъ съ Англіею. Онъ призналъ тотчасъ же, что пока возстановленіе мира не обезпечено окончательно, никто не имѣетъ права добиваться удаленія нашихъ войскъ.

¹⁾ Дипломаты наши такъ избаловали иностранные кабинеты, въ особенности же графа Андраши, постоянно своею предупредительностью, уклончивостью и расположеніемъ извиняться и преклоняться предъ ними, что всѣ были удивлены отпоромъ, мною твердо даннымъ австро-венгерскому министру, и сочли это за неслыханную дерзость. Е. П. Новиковъ до того былъ удрученъ моими объясненіями съ графомъ Андраши, что отказался ѣхать со мною къ нему на предлагаемую очную ставку для окончательнаго обличенія послѣдняго.

«Я напомнилъ графу Андраши, что при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора мы имѣли намѣреніе начать очищеніе Турціи и возвращеніе нашихъ войскъ въ Россію тотчасъ послѣ обмѣна ратификацій договора, и что лишь вызывающее положеніе, принятое Англіею, и неподобающее присутствіе ея флота въ Мраморномъ морѣ заставили насъ отказаться отъ этой мысли. Движенія англійскихъ военныхъ судовъ могутъ даже заставить насъ, въ концѣ концовъ, въ виду возможности столкновенія съ этою державою, занять Босфоръ¹⁾. Такъ какъ графъ Андраши возразилъ мнѣ съ нѣкоторою горячностью, что подобное дѣйствіе съ нашей стороны можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія, я ему замѣтилъ въ отвѣтъ, что единственное средство предупредить подобную случайность—удаленіе англійскихъ военныхъ судовъ изъ Мраморнаго моря и изъ Дарданелль. По мнѣнію моего собесѣдника, никто не можетъ не только заставить англичанъ удалиться, но и даже посовѣтовать²⁾ имъ отступить, пока русскія войска находятся въ окрестностяхъ Константинополя.

«Въ теченіе нашихъ бесѣдъ графъ Андраши неоднократно возвращался съ горечью къ упоминанію мнимыхъ дурныхъ поступковъ нашихъ въ отношеніи къ нему лично. Онъ утверждаетъ, что мы отъ него скрыли наши истинныя намѣренія, тогда какъ было условлено въ особенностн, что мы опредѣлимъ мирныя условія Балканскаго полуострова не иначе, какъ по соглашенію съ Австро-Венгріею. Онъ находитъ, что мы поступили неправильно, не сговорившись съ нимъ предварительно касательно какъ предъявленныхъ туркамъ основаній мира, такъ и условій Санъ-Стефанскаго договора, а равно и обнародовавъ эти послѣднія³⁾ прежде изпрошенія мнѣнія державы, столь заинтересованной въ этомъ вопросѣ, какъ Австро-Венгрія. Всѣ эти поступки, клонящіеся, по его мнѣнію, къ тому, чтобы уменьшить обаяніе Австро-Венгріи въ глазахъ восточныхъ населеній, глубоко оскорбили графа Андраши, который завѣряетъ, что нѣсколько разъ плакалъ отъ ярости при полу-

¹⁾ Оставленіе англійской броненосной эскадры у Принцевыхъ острововъ, призваной якобы въ предположеніи нашего нападенія на городъ Константинополь, и возведеніе новыхъ укрѣпленій вокругъ сего города, въ виду нашихъ войскъ давали намъ полное право стать твердою ногою, до окончательнаго замиренія и подъ предлогомъ необходимой военной предосторожности, на берегу Босфора. Мои представленія въ томъ смыслѣ канцлеру и самому государю остались тщетными, въ виду опасенія вызвать коалицію и войну европейскую, а также образа дѣйствій главной квартиры подъ Константинополемъ въ теченіе марта и апрѣля мѣсяца. Авт.

²⁾ По всей вѣроятности, въ бесѣдахъ своихъ съ Эллиотомъ графъ Андраши скорѣе давалъ совѣты обратнаго свойства, заставляя и англичанъ за него жаръ загребать. Авт.

³⁾ Вотъ до чего избалованъ былъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графъ Андраши, введенный въ заблужденіе нашею постоянною сговорчивостью до того, что могъ предположить, что русское правительство лишено права редактировать безъ его предварительнаго одобренія мирныя условія свои и сдѣлать ихъ извѣстными русскому народу. Авт.

ченіи извѣстій о «неожиданностяхъ», нами ему подготовленныхъ. Если можно признать какую-либо пользу отъ переговоровъ моихъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи, то это единственно приведеніе въ ясность призрачныхъ отношеній нашихъ къ вѣнскому кабинету. Мнѣ кажется, удалось раскрыть дѣйствительныя намѣренія графа Андраши въ его восточной политикѣ, и положеніе выказывалось нынѣ совершенно яснымъ, хотя и не успокоительнымъ. Императорскій кабинетъ поставленъ такимъ образомъ въ возможность обсудить важность нынѣшнихъ обстоятельствъ съ полнымъ знаніемъ дѣла».

V.

Никто не сказалъ мнѣ въ Петербургѣ «спасибо» за быстрое и твердое исполненіе даннаго мнѣ порученія. Но министръ иностранныхъ дѣлъ и наши дипломаты глубоко вознегодовали на меня за невольное обличеніе ошибокъ нашей политики, выразившееся въ донесеніи моемъ, которое, по совѣсти, я не могъ изложить въ иномъ свѣтѣ предъ его императорскимъ величествомъ. Съ минуты моего возвращенія изъ Вѣны всѣ усилія были употреблены для устраненія меня отъ дипломатическихъ дѣлъ. Памятная записка, составленная мною со словъ графа Андраши, въ пятницу 15-го (27-го) марта, ему показанная для устраненія всякаго недоразумѣнія, имъ одобренная и представленная мною канцлеру по возвращеніи вмѣстѣ съ картою Европейской Турціи, на которой означены были желаемыя Австро-Венгріею новыя границы Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, была слѣдующаго содержанія:

«Мементо:

«Въ пятницу 15-го (27-го) марта графъ Андраши повѣрилъ графу Игнатьеву слѣдующую программу соглашенія между Россіею и Австро-Венгріею:

«1. Австро-венгерское правительство останется вѣрнымъ соглашенію трехъ имперій и будетъ дѣйствовать на основаніи того, что было условлено прежде. Въ случаѣ столкновенія между Россіею и Англіею вѣнскій кабинетъ не присоединится къ сентъ-джемскому и соблюдетъ благосклонный нейтралитетъ относительно Россіи.

«2. Австро-Венгрія займетъ Боснію и Герцеговину, предупредивъ предварительно Порту и пригласивъ ее избѣгнуть борьбы выводомъ своихъ войскъ изъ обѣихъ областей. Время вступленія войскъ не можетъ быть точно опредѣлено теперь, если конгрессъ состоится, но въ противномъ случаѣ оно осуществится немедленно.

«Австро-венгерскія войска распространятся до Новаго Базара, занявъ часть Герцеговины между Сербіею и Черногоріею. Въ виду образованія Болгаріи и необходимости обезпечить постройку

желѣзной дороги Австро-Венгрія желаетъ присоединить къ себѣ эту мѣстность, входившую въ составъ прежняго вилаета Босніи и Герцеговины, и такимъ образомъ измѣнить то, что прежде было условлено на извѣстный случай.

«3. Графъ Андраши беретъ назадъ согласіе, имъ прежде данное, на распространіе Черногоріи до р. Лима и предлагаетъ новую границу, ведущую отъ Корита до соединенія р. Пивы съ р. Тарою, оттуда въ Бѣлополье, переходя р. Лимъ близъ Бераны, и далѣе по горамъ до Скутарійскаго озера. Перерѣзавъ пополамъ это озеро, граничная черта направляется къ старой черногорской границѣ. Австро-Венгрія рассчитываетъ присоединить къ себѣ всю мѣстность между Скутарійскимъ озеромъ, моремъ и р. Бояною ¹⁾).

«4. Касательно Сербіи Австро-Венгрія предлагаетъ измѣнить новую границу такъ, чтобы уменьшить новую территорію, присоединяемую къ Сербіи на западѣ, и прибавить въ вознагражденіе Вранью и Тырновацъ. Сверхъ того она предоставляетъ себѣ право: а) занять Ада-Кале, не обязуясь, однакоже, скрыть существующія на этомъ островѣ укрѣпленія; б) навязать сербскому правительству обязательство допустить постройку желѣзной дороги чрезъ княжество, съ примѣненіемъ того же тарифа, который въ употребленіи на австро-венгерскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

«5. Вѣнскій кабинетъ признаетъ за Россіею право возвратить себѣ часть Бессарабіи, уступленной въ 1856 году, и заявляетъ готовность поддерживать, на дипломатической почвѣ, этотъ взглядъ какъ противъ Румыніи, такъ и противъ великихъ державъ.

«6. На случай допускаемаго приведенія Россіею въ исполненіе устройства Болгаріи на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, Австро-Венгрія предлагаетъ: а) сохранить между Киркъ-Килиссе и Константинополемъ граничную черту, проведенную константинопольскою конференціею 1876 года, оставивъ такимъ образомъ Люле-Бургасъ и приморскую полосу Чернаго моря внѣ княжества; б) провести западную границу Болгаріи отъ вершины Орфанскаго залива къ Вранѣ: округи (казы), которые останутся внѣ этой черты, получать, подъ наименованіемъ Македоніи, административную автономію, совершенно отдѣльную отъ княжества. Городъ Салоники войдетъ въ составъ этой новой области ²⁾).

¹⁾ Окруживъ совершенно такимъ образомъ Черногорію своими владѣніями, съ цѣлью поставить ее въ свою полную фактическую зависимость.

²⁾ Въ виду моихъ настойчивыхъ опроверженій проекта урѣзывать Болгаріи, причемъ я выставлялъ на видъ министру, что даже такой историческій для Болгаріи городъ, какъ Салоники, выключенъ изъ княжества по Санъ-Стефанскому договору въ угоду вѣнекому кабинету и во вниманіе къ Греціи, графъ Андраши включалъ въ Македонію Салоники, думая тѣмъ меня подкупить, но вмѣстѣ съ тѣмъ обозначилъ, что портъ этотъ раздѣлитъ участь Македоніи, предназначенной быть подъ исключительнымъ вліяніемъ Австро-Венгріи.

«7. Австро-венгерское правительство желало бы, чтобы занятіе Болгаріи русскими войсками не продолжалось болѣе шести мѣсяцевъ послѣ очищенія остальной части Румелин ¹⁾ и чтобы численность оккупационнаго корпуса не превышала двадцати тысячъ человекъ. Графъ Андраши намѣренъ, если эти мысли будутъ приняты императорскимъ правительствомъ, поддерживать эту программу на конгрессѣ, или, если послѣдній не состоится, желаетъ, чтобы тройственное соглашеніе (Россіи, Германіи и Австро-Венгріи) выработано было на этомъ основаніи. Если согласіе состоится, то графъ Андраши намѣревается воздѣйствовать на Англію ²⁾ съ цѣлью помѣшать ей возбуждать затрудненія къ общему зампренію.

«Графъ Игнатъевъ предупредилъ графа Андраши, что такъ какъ его предложенія касательно Черногоріи и Болгаріи совершенно различествуютъ со всѣми ожиданіями императорскаго кабинета и отчасти даже съ условіями предшествовавшаго соглашенія между Россіею и Австро-Венгріею, то онъ не считаетъ себя въ правѣ вступать въ какіе-либо переговоры на этихъ новыхъ основаніяхъ и ограничится донесеніемъ его величеству для того, чтобы могли быть немедленно преподаны особыя инструкціи послу его императорскаго величества въ Вѣнѣ».

Копія съ записки этой была оставлена мною въ Вѣнѣ, а подлинная представлена государю императору и канцлеру.

Лично я считалъ невозможнымъ принять подобную программу за основаніе нашихъ переговоровъ съ Австро-Венгріею, которая приобѣтала бы такимъ образомъ безъ выстрѣла и безъ усилія всѣ выгоды политическія, военныя и экономическія, могущія сдѣлаться ея достояніемъ лишь послѣ побѣдоносной войны не только съ Турціею и съ нашими единовѣрцами, но и съ нами. Графъ Андраши хотѣлъ присвоить Австро-Венгріи всѣ выгоды кровопролитной войны, которую вела Россія, принеся столько безкорыстныхъ жертвъ, лишить насъ въ будущемъ вліянія между славянами и помѣшать самостоятельному развитію не только Сербіи и Болгаріи, но и Черногоріи, подчинивъ исключительно преобладанію Венгріи все сербское племя и обративъ сіе послѣднее, подобно Кроаціи, въ вассальное владѣніе короны св. Стефана. Вся душа моя возмущалась при мысли своими собственными ру-

¹⁾ Т.-е. въ нашемъ смыслѣ Европейской Турціи, а не сочиненной въ Берлинѣ Румелии, не отвѣчающей прежнему географическому наименованію. Авт.

²⁾ Россія графъ Андраши старался выказать свое вліяніе на Англію, а предъ Англіею выставлялъ свое могущество въ Россіи и возможность привести насъ къ уступкамъ, угоднымъ Великобританіи. Насъ хотѣли принудить согласиться на измѣненіе границъ Болгаріи, чтобы Австро-Венгрія и Англія, подъ предлогомъ, что онѣ защищаютъ интересы Турціи, могли получить отъ нея подачки въ свою пользу и подчинить султана своимъ совѣтамъ. Авт.

ками разрушить всѣ пятнадцатилѣтніе ¹⁾ труды мои и моихъ сотрудниковъ, уничтожить всѣ надежды славянъ и укрѣпить господство вѣнскаго кабинета на Востокѣ. Дѣйствительно, присоединить къ Австро-Венгріи (я не переставалъ предупреждать князя Горчакова съ 1875 года объ этомъ замыслѣ вѣнскаго кабинета) ²⁾ всю Боснію и въ особенности Герцеговину, столько разъ вступавшія въ борьбу за свою независимость и вѣровавшія въ покровительство Россіи, казалось мнѣ не только тяжкимъ преступленіемъ въ отношеніи къ населенію и вообще славянскому міру, но и постыднымъ для Россіи.

По мнѣнію графа Андраши, мы въ войнѣ нашей съ Турціею достигли слишкомъ большихъ результатовъ, или не додѣлали предпринятаго. Надо было уничтожить Турецкую имперію, создавъ не только Болгарію, но и Албанію, присоединить Эпиръ и Фессалію къ Греціи и обратить Константинополь въ свободный городъ. Но если мы остановились предъ окончательнымъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса, то ему казалось необходимымъ при ограниченной программѣ нашей уменьшить соответственно Болгарію, доставивъ ей на югъ естественную границу—Балканскій хребетъ. Очевидно было, что графъ Андраши всего болѣе опасался образованія самостоятельнаго славянскаго государства въ сосѣдствѣ Венгріи и для нея опаснаго. Мнѣніе свое объ освобожденіи христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ онъ ставилъ въ зависимость отъ занятія австро-венграми Босніи и Герцеговины и даже части Старой Сербіи, зная, что, по заключенной съ Россіею конвенціи, онъ могъ надѣяться на обладаніе Босніею лишь въ случаѣ изгнанія султана изъ Европы, распаденія Турціи и занятія нами Константинополя.

Самостоятельное существованіе не только Сербіи, но и Черногоріи дѣлалось невозможнымъ при допущеніи требованій графа Андраши. Мы, такимъ образомъ, добровольно должны были не только отречься отъ своихъ естественныхъ союзниковъ въ будущей борьбѣ съ Турціею или Австро-Венгріею, но усилить непомѣрно значеніе послѣдней на Балканскомъ полуостровѣ и лишить Россію прежняго обаянія, предоставивъ своимъ единовѣрцевъ игу «швабовъ», болѣе тягчайшему нравственно и политически, нежели турецкое, отъ котораго имъ всегда легче было бы избавиться, нежели отъ перваго ³⁾.

¹⁾ Съ 1861 по 1864 гг. директоромъ азіатскаго департамента, а съ 1864 года по 1877 годъ посланникомъ и посломъ въ Константинополь. Авт.

²⁾ Онъ меня постоянно успокаивалъ увѣреніемъ, что не всю Боснію и Герцеговину отдадутъ, а лишь турецкую Кроацію, на что и я, въ концѣ концовъ, соглашался, какъ на цѣну содѣйствія Австро-Венгріи къ освобожденію Болгаріи и увеличенію Черногоріи и Сербіи. Авт.

³⁾ Въ предыдущихъ примѣчаніяхъ мы неоднократно указывали одинъ весьма цѣнный элементъ, которымъ отличалась дѣятельность графа Игнатьева: онъ угады-

Судя о дѣйствіяхъ нашихъ въ Болгаріи по свойственнымъ Австро-Венгріи приемамъ, графъ Андраши отзывался о Болгаріи, какъ о русской провинціи. Для возстановленія истины я вынужденъ былъ войти въ нѣкоторыя объясненія, чтобы доказать, что всѣ усилія наши клонились, напротивъ, къ образованію самостоятельности Болгаріи, къ развитію въ ней народнаго самосознанія.

При введеніи гражданскаго управленія въ Болгаріи главною заботою русской власти было установить общественную безопасность и, ничего не ломая, подготовить почву для будущаго самостоятельнаго государственнаго устройства. Сохраняя мѣстные учрежденія и территориальныя дѣленія на санджаки (губерніи), казы (округи)

валъ народную психологію и чувствовалъ въ духѣ русскаго народа. Онъ не только сознавалъ, что было бы преступно отдавать Австріи на съѣденіе нашихъ славянскихъ сородичей и единовѣрцевъ; но, кромѣ того, онъ ясно формулировалъ такую истину, о которой, несомнѣнно, съ удивленіемъ и недоумѣніемъ узнала бы большая часть интеллигентнаго русскаго общества его времени, именно: нго культурныхъ «швабовъ» грозило тягчайшею опасностью для самобытнаго развитія славянскихъ народовъ, нежели турецкое иго. Эта истина могла казаться парадоксомъ въ 1878 году; она вошла въ неоспоримое сознаніе всего русскаго общества въ 1914—15 годахъ, какъ плодъ страшныхъ, но поучительныхъ позднѣйшихъ событій. Однако любопытно, что народныя массы православнаго Востока уже издавна сознавали эту истину, которая затемнилась олько въ новѣйшее время въ высшихъ культурныхъ слояхъ, утратившихъ свѣжесть общенароднаго сознанія. Вотъ что говорятъ намъ на этотъ счетъ любопытныя историческія свидѣтельства XVII вѣка. Русскій резидентъ въ Польшѣ Тяпкинъ писалъ московскому правительству въ 1677 году, что «волохи, молдаване и сербы и всѣ христіанскія земли въ Турціи хотятъ поддаться подъ высокую руку царскаго величества» и что великое гоненіе происходитъ (въ Польшѣ) по наущенію католическаго духовенства на православныя церкви и что «лютеранскихъ и кальвинскихъ костеловъ не смѣютъ такъ разорять, какъ разоряютъ и пустошатъ восточныя церкви...» А замысли «католическихъ государей» Тяпкинъ опредѣлялъ такъ: «Побѣдиши Москву, они пойдутъ на Турцію, не соединяясь съ православнымъ государствомъ, чтобы народы греческаго православія обратить къ римской церкви». (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIII, стр. 265—267). Далѣе, въ 1688 году пріѣзжалъ въ Москву афонскій монахъ и принесъ грамоту отъ извѣстнаго сербскаго патріарха Арсенія (Црноевича), въ которой патріархъ умолялъ царей напасть на Турцію, «чтобы не отдать православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую. Церковь православно-греческую ненавидятъ папешники: которые города въ Венгріи и Моревѣ цесарскія и венеціанскія войска побрали у турокъ (ибо тогда шла упорная война Австріи и Венеціи противъ Турціи), повсюду въ нихъ папешники начали обращать православныя церкви къ уни, другія превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ достать подъ свою власть православно-христіанскія земли, если возьмутъ самый Царьградъ, то православные христіане въ большую гибель придутъ и въра православная исковеркнется. Всѣ православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостью, да и турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся великимъ государямъ, чѣмъ нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и другихъ православныхъ народовъ». (Соловьевъ, т. XIV, стр. 53).

Двѣсти лѣтъ послѣ Арсенія Црноевича и Петра Великаго виѣшній лоскъ между-народныхъ отношеній на Ближнемъ Востокѣ измѣнился, но суть осталась та же. Эту суть Н. П. Игнатьевъ понималъ такъ же ясно, какъ государственные дѣятели православнаго Востока въ XVII столѣтіи. Но «Петербургъ» конца XIX столѣтія не хотѣлъ понимать эту правду. Вотъ гдѣ корень нашихъ бѣдъ!

А. Б.

и нахіз (волости), старались пресѣчь существовавшія злоупотребленія и ввести тѣ измѣненія, которыя были признаны необходимыми представителями державъ на константинопольской конференціи. Въ селеніяхъ возобновлены совѣты старшинъ, а въ городахъ и округахъ управительные совѣты, которымъ предоставлено широкое право управленія всѣми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за распредѣленіемъ и сборомъ налоговъ, согласно II статьѣ органическаго устава, выработаннаго конференціею. Очевидно, что большинство предоставлено господствующему болгарско-православному населенію, но интересы всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій тщательно ограждены.

Прекративъ откупъ десятины, согласно рѣшенію конференціи, русскія власти старались упорядочить и облегчить сборъ оной, предполагая замѣнить этотъ налогъ въ теченіе 1878 года поземельною податью.

Военная денежная повинность (бебели-аскиріз) прекращена вслѣдствіе призыва всего населенія къ службѣ въ мѣстномъ ополченіи (милиціи), равномѣрно предвидѣнномъ конференціею. Возобновленіемъ прежнихъ судебныхъ уставовъ, съ предоставленіемъ въ нихъ христіанскому элементу подобающаго вліянія, дарованъ населенію скорый и близкій судъ, руководствующійся при рѣшеніяхъ дѣлъ или существующими въ краѣ законами, или обычнымъ правомъ, за отсутствіемъ письменнаго. Во главѣ административнаго управленія поставлены, на первое время, въ губерніяхъ (санджакахъ) русскіе губернаторы и начальники округовъ (каймакамы), при которыхъ находятся вице-губернаторами и совѣтниками туземцы; въ распоряженіи ихъ состоитъ вольнонаемная изъ мѣстныхъ жителей полицейская стража, по расчету четырехъ стражаровъ на тысячу душъ. Когда спокойствіе въ краѣ будетъ вполне обезпечено, предполагается собрать выборныхъ въ составъ духовенства, предсѣдателей административныхъ и судебныхъ совѣтовъ и мѣстныхъ лицъ вліятельныхъ и выдающихся среди населенія, чтобы выработать избирательный законъ, основанный на началахъ, положенныхъ въ IV статьѣ органическаго устава конференціи. По изданіи избирательнаго закона, будутъ собраны представители всего княжества; они составятъ народное собраніе, которому будутъ подлежать разработка государственнаго устройства княжества, установленіе постоянныхъ учреждений и выборъ князя.

Высшій административный совѣтъ, въ которомъ значительное мѣсто предоставлено болгарамъ, будетъ состоять при императорскомъ комиссарѣ для рѣшенія текущихъ дѣлъ. Языкъ, употребляемый въ администраціи и судѣ,—болгарскій, и всѣ усилія русскаго управленія клонятся къ подготовленію наибольшаго числа чиновниковъ изъ туземцевъ и приученію ихъ къ ходу дѣлъ до такой степени, чтобы съ уходомъ русскихъ властей не было замѣшательства въ присут-

ственных мѣстахъ. На этихъ основаніяхъ введено управленіе въ восьми санджакахъ: Систово, Тырново, Тульча, Рушукъ, Виддинъ, Софія и Филиппополь. Не преслѣдуя исключительно русскихъ интересовъ, императорское правительство имѣло въ виду лишь положить какъ можно скорѣе и прочнѣе основаніе самоуправленію Болгаріи въ духѣ предполагавшагося константинопольскою конференціею.

Постоянныя сношенія мои съ славянами, знакомство съ многими личностями и бесѣды съ выдающимися лицами разныхъ отѣнковъ общественнаго мнѣнія въ Вѣнѣ, поглощавшія все время въ продолженіе третьяго пребыванія моего въ этомъ городѣ ¹⁾, убѣдили меня въ шатаніи мыслей и различіи политическихъ воззрѣній въ вліятельныхъ сферахъ и въ особенности въ населеніи. Каждая народность, каждое племя разпошерстной имперіи ведетъ свою политику и расположены дѣйствовать центробѣжно. Прежній духъ въ австрійской арміи, хотя и не обезпечивавшій ей побѣду, но спланивавшій разрозненныя народности въ одно цѣлое—имперское—ослабѣлъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ особенностей народныхъ вооруженныхъ массъ. Ко мнѣ приходили тайкомъ военные, даже генералы изъ славянскихъ уроженцевъ, для выраженія своего сочувствія и отвращенія къ непріязненной Россіи венгерской политикѣ правительства. Выдающіяся общественныя личности, какъ графъ Гаррахъ, Траутмансдорфъ, Ревертера, князь и княгиня Меттернихъ и другіе, искали случая со мною свидѣться и открыто высказывали мнѣ желаніе соглашенія съ Россіею и недовольство, что сплоченная венгерская партія ведетъ Австро-Венгрію къ столкновенію съ Россіею по поводу чуждыхъ первой венгерскихъ вождѣній и ненависти, раздуваемыхъ изъ Берлина съ своекорыстными цѣлями рассорить Австрію съ Россіею. Наконецъ, другъ юности, постоянный наперсникъ и министръ двора Франца-Иосифа князь Гогенлоэ далъ мнѣ знать чрезъ третье лицо, что желалъ бы со мною видѣться и непосредственно переговорить. Онъ мнѣ подтвердилъ въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ твердое намѣреніе Франца-Иосифа оставаться въ сердечномъ согласіи съ императоромъ Александромъ II, не поддаваться венгерскимъ увлеченіямъ и избѣгнуть столкновенія съ Россіею. Князь Гогенлоэ далъ понять, что если мы не можемъ прійти къ желаемому соглашенію съ графомъ Андраши, то надо это заявить положительно императору, который, вѣроятно, найдетъ возможнымъ замѣнить его другимъ лицомъ, болѣе сговорчивымъ и болѣе убѣжденнымъ въ томъ, что Австріи ссориться, а тѣмъ болѣе драться съ Россіею не приходится изъ-за различія во взглядахъ на вос-

¹⁾ Я официально былъ въ Вѣнѣ трижды: послѣ конференціи 1876 года, въ февралѣ и мартѣ 1877 года и въ мартѣ 1878 года.

точные дѣла, не касающихся существенныхъ интересовъ монархій.

Если бы канцлеръ разрѣшилъ мнѣ дѣйствовать по усмотрѣнію и, согласно моему предложенію, испросивъ аудіенцію у императора, категорически заявить ему, что вызывающее нахальство Андраши, его легкомысліе въ обращеніи съ интересами, затрогивающими насъ за живое, измѣнчивость его воззрѣній и опрометчивость, съ которою онъ поступилъ въ отношеніи къ прежнимъ нашимъ соглашеніямъ и сообщеніямъ (забытая имъ карта Европейской Турціи), лишаютъ насъ всякой возможности довѣрять ему наши дѣйствительныя мысли и войти съ нимъ въ близкое, желаемое нами и императоромъ Францемъ-Иосифомъ соглашеніе, то я убѣжденъ, что самовольству графа Андраши былъ бы положенъ конецъ, и графу Потоцкому или генералу Моллинару переданъ былъ бы портфель министра иностранныхъ дѣлъ, съ обязательствомъ покончить дружелюбно происшедшія, по милости графа Андраши, недоразумѣнія. «Посланный не есть болѣе пославшаго его», и разъ что мнѣ не дано было высочайшаго разрѣшенія такъ дѣйствовать, мнѣ оставалось одно—заставить графа Андраши высказать свою неясную доселѣ (для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ) сокровенную мысль и разсѣять опасное для Россіи недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что нашъ посолъ въ Вѣнѣ Е. П. Новиковъ былъ совершенно противоположныхъ воззрѣній, вѣрилъ графу Андраши и дорожилъ его личностью не менѣе князя Горчакова и барона Жomini. Задача, выпавшая мнѣ на долю, была исполнена, и я вынесъ убѣжденіе изъ Вѣны, что если мы не рѣшимся прямо и энергичически дѣйствовать въ Вѣнѣ, сообразно тому, какъ честь, достоинство и интересы Россіи требовали, то намъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, какъ можно быстрѣе и полнѣе привести въ исполненіе Санъ-Стефанскій договоръ на мѣстѣ, занявъ западную и южную границы Болгаріи, при содѣйствіи или даже безъ присутствія турецкаго комиссара, овладѣть всѣми крѣпостями и ускорить вооруженіе болгарскаго народа и сформированіе болгарскаго войска. Затѣмъ очистить Турцію и, сосредоточивъ армію на австрійской границѣ, ожидать исхода принятаго, къ сожалѣнію, канцлеромъ конгресса, съ тѣмъ, чтобы на собраніи европейскихъ уполномоченныхъ предъявить конвенцію нашу съ Австро-Венгеріею и поднять въ крайнемъ случаѣ греческій вопросъ, предложивъ присоединить всѣ острова Архипелага, Эпиръ и Фессалію къ Греческому королевству въ отвѣтъ на возраженія, представляемыя Англіею и Австріею противъ расширенія Болгаріи, подъ видомъ защиты интересовъ греческаго населенія.

При такомъ образѣ дѣйствій достоинство и обаяніе наше на Востокѣ были бы ограждены, а положеніе наше въ Европѣ или улучшилось бы разьединеніемъ державъ, косившихся на наши

успѣху, или повело бы къ немедленному разрыву съ Австро-Венгрією и Англією, недостаточно подготовленными къ войнѣ и которыя, по моему личному убѣжденію, не замедлили бы предпочесть какую-либо сдѣлку, менѣе для насъ тягостную, перспективѣ общей европейской войны. Убѣжденіе это было высказано мною государю и канцлеру тотчасъ по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ 22-го марта ¹⁾. Его величество, придя въ негодованіе отъ двуличности и нахальства графа Андраши, выразилъ мнѣ свою признательность, что «по крайней мѣрѣ и то хорошо, что вывелъ ихъ на чистую воду и все выяснилъ, чего мы такъ долго не могли добиться. Мы будемъ теперь знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Спасибо за вѣрную и трудную службу» ²⁾. Въ военномъ министерствѣ стали готовиться не шутя къ столкновенію съ Австро-Венгрією, и князь Барятинскій, только и мечтавшій о войнѣ съ Австрією и видѣвшійся со мною въ Скерневицахъ ³⁾, былъ вызванъ въ Петербургъ. Но настроеніе это скоро переменялось. Повидимому, князь Горчаковъ успѣлъ повліять на образъ мыслей государя, на его впечатлѣнія и намѣренія. Съ этой минуты я лишь однажды имѣлъ случай видѣть часть дипломатической переписки, а именно одну депешу Убри изъ Берлина и донесенія Нелидова изъ Константинополя. Послѣднему я сообщилъ впечатлѣніе, вынесенное мною изъ Вѣны, и признанію мною болѣе, нежели когда-либо, необходимость не медлить настаивать на полномъ приведеніи въ исполненіе Санъ-Стефанскаго договора, чтобы затруднить австрійскія и англійскія интриги на Балканскомъ полуостровѣ противъ насъ и взять Порту въ руки, пока еще войска наши не ушли изъ-подъ стѣнъ Константинополя.

Возвращаясь изъ Вѣны, я, желая сообщить главнокомандующему о тревожившемъ его состояніи нашихъ отношеній къ Австро-Венгріи, телеграфировалъ изъ Варшавы (чтобы оградить телеграмму отъ случайностей передачи по австро-венгерскимъ линіямъ) 20-го марта: «Исполнилъ порученіе, данное мнѣ доставленіемъ объясненій австро-венгерскому правительству. Положеніе натянутое. Императоръ желаетъ соглашенія съ нами болѣе, чѣмъ Андраши, который способенъ увлечься Англією, если она намъ объявитъ войну. Императоръ далъ мнѣ честное слово, что еще не прибѣгалъ къ военнымъ приготовленіямъ. Андраши требуетъ уменьшенія Черногоріи, лишая ее Лима и побережья, которое хочетъ взять себѣ.

¹⁾ Вернулся я 21-го вечеромъ, представившись тотчасъ государю, имѣлъ вечерній докладъ у канцлера, а затѣмъ на другой день у государя аудіенцію, довольно продолжительную. Авт.

²⁾ Слова эти были мною тотчасъ записаны. Авт.

³⁾ Князь Барятинскій, спешившій со мною по телеграфу, выѣхалъ на станцію Скерневицы ко времени моего пріѣзда изъ Вѣны, чтобы узнать отъ меня о положеніи дѣлъ въ Австро-Венгріи. Авт.

Болгарію требуетъ уменьшить, оставивъ къ Константинополю граничную черту конференціи и выдѣливъ изъ княжества мѣстность, лежащую къ западу отъ черты, проведенной отъ Орфанскаго залива къ Вранѣ. Занятіе Болгаріи желаетъ сократить до шести мѣсяцевъ и численностью не болѣе 20,000 человекъ. Румынію добивается скорѣе очистить. Желательно мнѣ знать, въ какихъ мѣстностяхъ водворено уже Хитрово новое правленіе».

Мнѣ казалось, что натянутость отношеній съ Австро-Венгрією и неожиданность ея притязаній должны были побудить главнокомандующаго къ болѣе энергическому дѣйствію на турокъ для созданія «совершившихся фактовъ» прежде, нежели разразятся европейскія осложненія; но на дѣлѣ оказалось противное. Бездѣйствіе и политиканство главной квартиры усилилось, и она вознегодовала не на противниковъ Россіи, а на тѣхъ, бдительная энергія которыхъ грозила нарушить безпечное спокойствіе, преобладавшее въ Санъ-Стефано. Телеграфируя изъ Варшавы, я не воображалъ себѣ, чтобы главнокомандующій заблагоразсудилъ отмѣнить сдѣланное въ февралѣ распоряженіе о командировкѣ Хитрово въ Македонію для введенія новаго управленія одновременно съ занятіемъ этой мѣстности войсками подъ начальствомъ Скобелева.

Переписки съ Вѣною мнѣ не показывали, какъ того требовали бы интересы Россіи и желаніе провѣрить внушенія, дѣлаемые графомъ Андраши Новикову. При моемъ отвращеніи ко всему, что имѣетъ видъ личной интриги или искательства, я твердо рѣшился ни во что не вмѣшиваться, пока не призовутъ меня, не спросятъ мнѣнія или что-либо мнѣ не поручать.

По пріѣздѣ моемъ въ Вѣну до такой степени были всѣ тамъ убѣждены въ неминувости войны съ Россією, что англійскіе корреспонденты громко объ этомъ говорили, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, а румынскій агентъ позволилъ себѣ выразиться при мнѣ, что Румынія вынуждена будетъ примкнуть къ коалиціи и защищать Бессарабію.

Я вынужденъ былъ предупредить о томъ канцлера телеграммою отъ 18-го марта въ которой я выразился слѣдующимъ образомъ: «Послѣ отставки лорда Дерби здѣсь считаютъ, что намъ угрожаетъ война. Англичане подстрекаютъ румынъ, сербовъ, грековъ и всю мѣстную прессу противъ Россіи. Положеніе серьезное».

Расположеніе австро-венгерскаго правительства я характеризовалъ въ слѣдующей телеграммѣ, адресованной канцлеру: «Императоръ, желающій соглашенія съ нами болѣе, нежели графъ Андраши, выставляетъ, однакоже, общность интересовъ на Востокѣ между Австро-Венгрією и Англією. До сихъ поръ, какъ кажется, соглашенія для совокупнаго дѣйствія не существуетъ еще между ними. Для утвержденія своего внутренняго положенія графъ Андраши гоняется за дипломатическимъ успѣхомъ. Желаютъ кон-

гресса, какъ средства приобрѣсти Боснію, удовлетворить Грецію и отвлечь ее отъ Россіи, уменьшить Болгарію какъ съ западной стороны, такъ и къ Константинополю. Протестуютъ противъ размѣра Болгаріи и продолжительности пребыванія нашихъ войскъ въ этой странѣ. Императоръ объявилъ мнѣ, что доволенъ разрѣшеніемъ вопроса о Дунаѣ и Сербіи. Признаютъ наше право на возвращеніе Бессарабіи, но желали бы избѣгнуть непосредственного соглашенія по сему предмету между нами и Румыніею. Хотятъ, повидимому, присоединить Боснію и Герцеговину. Перетолковывая рейхштадтское соглашеніе и конвенцію съ нами, стремятся измѣнить границы Черногоріи, образовать Албанское княжество и благоприятствуютъ грекамъ въ ущербъ славянамъ.

VI.

Американскій посланникъ явился ко мнѣ съ предложеніемъ содѣйствовать Россіи въ морской партизанской войнѣ. Корсары хотя уничтожены по Парижскому договору ¹⁾, но, по его мнѣнію, Англія не имѣетъ никакого права обращаться съ частными судами, воюющими подъ русскимъ военнымъ флагомъ, какъ съ пиратами. Въ Соединенныхъ Штатахъ очень расположены, по его убѣжденію, отомстить Англіи и воспользоваться случаемъ, чтобы захватить въ свои руки всю англійскую торговлю. Главное—принять мѣры заблаговременно, чтобы тотчасъ же подорвать довѣріе къ безопасности англійскихъ морскихъ сообщеній, такъ, чтобы Великобританія принуждена была прибѣгнуть къ разсылкѣ конвоировъ.

¹⁾ Право государствъ выдавать частнымъ предпринимателямъ (корсарамъ) каперскія свидѣтельства, разрѣшающія имъ выступать подъ флагомъ воюющей державы на морскую добычу противъ торговаго флота ея непріятеля, съ предоставленіемъ этимъ корсарамъ не только правъ воюющей стороны, но и права на личное приобрѣтеніе взятой ими добычи,—отмѣнено особою декларациею, состоявшейся на Парижскомъ конгрессѣ черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія мирнаго договора 18-го (30-го) марта 1856 года. Эта особая декларация о каперствѣ носитъ названіе «Декларация о морскомъ нейтралитетѣ, заключенная между Россіею, Австріею, Франціею, Великобританіею, Пруссіею, Сардиніею и Турціею въ Парижѣ 4-го (16-го) апрѣля 1856 года». Статья 1-я гласитъ: «*La course est et demeure abolie*» (Каперство отмѣнено и остается отмѣненнымъ). Северо-Американскіе Соединенные Штаты до сихъ поръ не присоединились къ Парижской декларациі. Вопросъ о нравственной обязательности ея начать и о несомѣстимости каперства съ достоинствомъ цивилизованныхъ націй считается спорнымъ. Въ русской печати неоднократно проводилась такая точка зрѣнія, что отмѣна каперства проведена въ угоду тѣхъ державъ, которыя имѣютъ обширную морскую торговлю; но что было бы въ интересахъ Россіи не отказываться отъ каперства, съ помощью котораго намъ легче было бы бороться, въ случаѣ столкновенія съ значительною морскою державою. (Ср. «Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіею съ другими государствами и касающихся различныхъ вопросовъ частнаго международнаго права». (Изд. министерства иностранныхъ дѣлъ, 1890 г.), т. II; также «Современное международное право» Ф. Мартенса, т. II, стр. 552).

Если дать время Англіи принять свои мѣры охраны и распредѣлить цѣлесообразно свои морскія силы, тогда уже будетъ поздно. Нужно, чтобы страховка судовъ и товаровъ повысилась и чтобы англійская торговля замялась, приостановилась. Даже въ Германіи больше хорошихъ судовъ въ настоящую минуту, нежели въ Англіи. Американскій посланникъ, зная враждебность къ намъ Биконсфильда и Турціи, полагаетъ, что лишь опасеніе нанести невознаградимый ущербъ собственной торговлѣ въ Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ удерживаетъ Великобританію отъ прямого вмѣшательства. Такъ какъ посланникъ Соединенныхъ Штатовъ сказалъ мнѣ, что правительство его поручило узнать намѣренія Россіи касательно принятія мѣръ на случай войны съ Англіею, то я отвѣтилъ, что не теряю надежды, что здравый смыслъ возьметъ въ концѣ концовъ верхъ надъ выходками Биконсфильда и воспрепятствуетъ войнѣ, но не сомнѣваюсь, что, если бы возгорѣлась война между Россіею и Англіею, то Соединеннымъ Штатамъ представится благопріятный случай нанести большой вредъ своей соперницѣ и извлечь для себя огромную торговую пользу, оказавъ въ то же время весьма цѣнную помощь дружественной Россіи.

Въ то же время явился ко мнѣ въ Вѣнѣ одинъ изъ предводителей кандійскаго возстанія въ 1869 году, іеромонахъ Пароеній Келандесъ, повѣренный нынѣ въ дѣлахъ критянъ, ожидавшій уже шесть недѣль (т.-е. съ первыхъ чиселъ февраля) въ Вѣнѣ разрѣшенія, испрашивавшагося чрезъ наше вѣнское посольство, прибыть въ С.-Петербургъ съ прошеніемъ на высочайшее имя отъ критскаго народнаго собранія. Онъ просилъ меня ускорить разрѣшеніе ему изъ Петербурга туда явиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основываясь на старыхъ сношеніяхъ моихъ съ жителями Крита и главарями возстанія 1867—68 гг., просилъ снабдить его совѣтомъ ¹⁾ касательно положенія, которое его соотечественники должны принять въ виду мирнаго договора, заключеннаго между нами и Портою и «захватившаго грековъ врасплохъ». Я ему сказалъ, что, разумѣется, если туркамъ европейцы помѣшаютъ исполнить договоръ, то война, вѣроятно, возобновится и греки не должны уже прозѣвать благопріятный случай, какъ они сдѣлали въ теченіе минувшей войны. Но если миръ будетъ обезпеченъ, какъ мы надѣемся, то критянамъ всего лучше тотчасъ воспользоваться статьею XV нашего договора, посредствомъ которой обезпечивается возможность подготовить въслѣдствіи присоединеніе къ Греческому королевству при первомъ удобномъ случаѣ. Статья Санъ-Стефанскаго договора отвѣчаетъ тѣмъ болѣе потребностямъ минуты, что несравненно будетъ легче сладить съ противодѣйствіемъ многочисленнаго мусульманскаго туземнаго населенія, не выставляя преждевременно во-

¹⁾ Донесеніе мое канцлеру отъ 23-го марта.
ПОСЛѢ САНЪ-СТЕФАНО,

проса о присоединеніи къ Греціи. Такъ какъ въ упомянутой статьѣ именно сказано, что Порта должна сообразоваться съ желаніями, уже выраженными мѣстнымъ населеніемъ, то она обязана будетъ принять тѣ требованія, которыя уже предъявлены *прежде* ратификаціи договора народнымъ собраніемъ турецкому комиссару и которыя изложены въ запискѣ собранія отъ 3-го февраля. А такъ какъ въ требованіяхъ этихъ (какъ мнѣ было хорошо извѣстно при заключеніи договора) значилось: 1) полная автономія и самоуправленіе, 2) выборъ народомъ главнаго начальника острова, 3) уплата ежегодной дани въ 500,000 піастровъ (вмѣсто существующихъ разнообразныхъ налоговъ) и 4) гарантія великихъ державъ, то рамки уступокъ, которыя будутъ дарованы Портою, «достаточно широки, чтобы критяне могли ими удовольствоваться». О. Паресній не отрицалъ сего и заявлялъ, что, съ своей стороны, готовъ поручиться за принятіе этой программы критянами, когда получитъ окончательный отвѣтъ на его просьбу изъ Петербурга, безъ котораго ему неудобно вернуться на островъ. Меня многіе упрекали впоследствии, печатно и заочно, что я увлекся исключительно болгарамъ, но я постоянно ратовалъ за то, чтобы греки участвовали въ общемъ движеніи христіанъ и чтобы Греція была удовлетворена, *но не иначе, какъ одновременно съ славянами*, присоединеніемъ острововъ и всѣхъ мѣстностей, населенныхъ безспорно большинствомъ греческаго населенія. О. Паресній не былъ допущенъ въ Петербургъ, и критяне мы не поддержали, хотя весьма удобно было воспользоваться симъ, чтобы доказать ложь сочувствія, выказываемаго англійскимъ правительствомъ грекамъ при опроверженіи Санъ-Стефанскаго договора.

Черезъ три дня послѣ представленія моихъ официальныхъ доносеній канцлеру былъ совѣтъ у государя для обсужденія, принять или отвергнуть вѣнскія требованія, или же сдѣлать новыя предложенія. Я былъ призванъ для представленія разъясненій. На совѣтѣ были сообщены и свѣдѣнія, полученные отъ главнокомандующаго изъ Константинополя. По поводу происходившихъ въ совѣтѣ сужденій касательно инструкцій, которыя должны были быть посланы въ Вѣну и въ Константинополь и которыя, по смыслу рѣшеннаго въ совѣтѣ на основаніи миролюбивыхъ и благопріятныхъ для графа Андраши настояній князя Горчакова, могли бы быть слишкомъ выгодны, по моему мнѣнію, Австро-Венгріи и вредны для вліянія Россіи на Востокъ, я представилъ 26-го марта, въ воскресенье, канцлеру докладную записку слѣдующаго содержанія:

«І. Предложенія австро-венгерскаго правительства въ общемъ не могутъ быть приняты. Они имѣютъ цѣлью поставить Черногорію и Сербію въ совершенную себѣ зависимость и фактически присоединить къ Австро-Венгріи всю западную часть Балканскаго полуострова. Въ отвѣтѣ, который долженъ быть посланъ графу

Андраши, надо бы начать съ того, что выставить на видъ его заявленіе, что Австро-Венгрія обѣщается остаться на почвѣ прежнихъ соглашеній. А затѣмъ слѣдовало бы стараться всячески уменьшить, до послѣдней степени возможности, высказанныя притязанія вѣнскаго кабинета, не отстраняя дальнѣйшаго соглашенія.

«Санъ-Стефанскій договоръ обязательенъ для обѣихъ сторонъ, которыя взаимно связаны другъ съ другомъ послѣ обмѣна ратификацій. Надо бы твердо на этомъ настаивать, предупредивъ дружески графа Андраши, что нынѣ можетъ быть рѣчь о довѣрительномъ обмѣнѣ мыслей касательно измѣненій, которыя могутъ быть приняты не теперь, но впослѣдствіи, на конгрессѣ ¹⁾ или при заключеніи непосредственнаго соглашенія между Вѣною и Петербургомъ. Е. П. Новиковъ долженъ бы начать съ того, чтобы объяснить обстоятельно насчетъ измѣненій, предложенныхъ въ черногорской границѣ; и выставить, до какой степени онѣ противны состоявшимся между нами соглашениямъ и мыслямъ, которыми обмѣнивались до войны австро-венгерскій министръ и нашъ посоль ²⁾. Призывомъ къ совѣсти графа Андраши тѣмъ именно лицомъ, которое все время вело съ нимъ довѣрительные переговоры, можетъ быть, удастся заставить его отказаться отъ настоящихъ его требованій, не представляющихъ никакого такого основанія, въ которомъ онъ могъ бы открыто сознаться. Съ другой стороны, слѣдовало бы предупредить барона Лангенау, что, предоставляя себѣ сговориться ³⁾ съ Австро-Венгрією насчетъ восточной границы княжества къ сторонѣ рѣки Лима, на основаніи соотвѣтственнаго территоріальнаго возмѣщенія того, что присуждено въ договорѣ (статья 1-я) ⁴⁾ Черногоріи, мы не можемъ допустить, чтобы вѣн-

¹⁾ Вотъ это-то необходимое условіе для огражденія какъ достоинства государя, такъ и прямыхъ интересовъ Россіи и было забыто при переговорахъ нашихъ дипломатовъ передъ совѣщаніемъ конгресса, въ особенности же при заключеніи сдѣлки между Салисбюри и графомъ Шуваловымъ въ Лондонѣ.

Авт.

²⁾ Всякій разъ, какъ спрашивали въ совѣтѣ государя мнѣніе мое (мнѣ приходилось поневолѣ указывать на корень зла нашей дипломатической службы и на то направленіе, которое должно быть дано министромъ иностранныхъ дѣлъ), а также неизбѣжное вмѣшательство въ сферу дѣятельности послѣдняго возбуждало противъ меня зависть, ревность и злобу какъ канцлера, такъ и ближайшихъ его совѣтниковъ и помощниковъ. Главное руководство нашими дипломатическими дѣлами было крайне неудовлетворительно, и никакъ этого обойти было нельзя, когда приходилось толковать о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Авт.

³⁾ Лангенау австрійскій посоль въ Петербургѣ. Ему въ подтвержденіе сказаннаго мнѣ была прислана инструкція графа Андраши касательно измѣненій, требуемыхъ австро-венгерскимъ правительствомъ для признанія Санъ-Стефанскаго договора.

Авт.

⁴⁾ Такимъ образомъ, общая площадь приращенія, опредѣленная Черногоріи договоромъ, осталась бы неизмѣнною, а пришлось бы лишь измѣнить нѣсколько очертаніе границъ, урѣзая въ одномъ мѣстѣ, но зато добавляя въ другомъ, соотвѣтственно ущербу, нанесенному Черногоріи Австро-Венгрією.

Авт.

4*

скій кабинетъ настаивалъ на отнятіи у княжества приморской полосы и портовъ на Адриатическомъ морѣ. Лишивъ полвѣка тому назадъ Черную Гору Каттарской бухты, чтобы отдать ее австрійцамъ, мы не въ правѣ еще на этотъ разъ отнять у черногорцевъ приморье, завоеванное ими отъ турокъ, и опять предоставить его Австро-Венгріи.

«Касательно Сербіи нельзя предвидѣть большихъ затрудненій. Ада-Кале можетъ быть уступленъ безъ затрудненія австрійцамъ. Укрѣпленіе этого острова не имѣетъ никакого современнаго значенія. Но такъ какъ всѣ крѣпостныя верки на Дунаѣ, по Санъ-Стефанскому договору, должны быть срыты, то и эти укрѣпленія слѣдовало бы непременно уничтожить. Мы можемъ не противиться улаживаніямъ между Австро-Венгрією и Сербією желѣзнодорожныхъ вопросовъ и заявить свою готовность уговориться въ подробностяхъ разграниченія, въ общихъ чертахъ уже опредѣленнаго нашимъ договоромъ. Если вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину неизбежно, то было бы полезно ввести ихъ туда какъ можно ранѣе ¹⁾, тщательно сохраняя этому занятію характеръ временной, преходящей, по крайней мѣрѣ до созыва конгресса. При этомъ мы непременно должны заявить, что мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ дать нашего officialнаго согласія на какое-либо измѣненіе въ заключенномъ нами съ Портою договорѣ, безъ предварительнаго соглашенія съ нею. Эта оговорка совершенно необходима, чтобы не дать повода Турціи высвободиться отъ своихъ обязательствъ предъ нами, съ другой стороны, затруднить предварительныя требованія Австріи и Англіи измѣненій въ нашемъ договорѣ. Сверхъ того, такъ какъ присоединеніе Босніи и Герцеговины до Митровицы къ Австро-Венгріи, противное всѣмъ прежнимъ соглашеніямъ нашимъ съ нею и нашимъ интересамъ, увеличило бы населеніе Габсбургской имперіи на полтора милліона душъ,—было бы вполне справедливо выговорить соотвѣтствующія вознагражденія въ пользу Сербіи и Черногоріи въ Старой Сербіи. Во всякомъ случаѣ, подобныя территориальныя измѣненія Санъ-Стефанскаго договора потребуютъ новыхъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, которая должна предпринять Австро-Венгрія, при чемъ она можетъ рассчитывать на

¹⁾ Въ бытность Реуфа-паши въ Петербургѣ я предупреждалъ его (съ цѣлью предостеречь султана противъ вѣнскаго кабинета и его представителей и возбудить въ немъ недовѣріе къ нимъ) о намѣреніяхъ Австро-Венгріи ввести свои войска въ Боснію и совѣтовалъ тотчасъ же отправить туда изъ-подъ Константинополя (что ослабило бы противопоставленныя намъ арміи) всѣ части войскъ, составленныя изъ босняковъ и герцеговинцевъ, распустивъ и редифы, ополченіе и прослужившихъ сроки изъ уроженцевъ этой страны. Цѣль моя была вызвать прямое столкновеніе между Австрією и Турцією, перессоривъ ихъ между собою такъ, чтобы вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ къ размовкѣ съ Англією и Турцією и, слѣдовательно, къ соглашенію съ Россією.

наше благопріятное расположеніе. Эти военныя дѣйствія неизбѣжны, развѣ что новыя измѣненія территоріи и вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ указанныя мѣстности будутъ рѣшены конгрессомъ.

«Что касается отдѣленія западной части Болгаріи отъ создаваемого нами княжества, не надо забывать, что отреченіе наше отъ единства Болгаріи, т.-е. допущеніе ея раздѣленія, было бы огромною нравственною жертвою, истребованною отъ Россіи, и что болгарское населеніе, отдѣленное отъ Болгаріи, осуждено будетъ потерять весьма скоро свою національность подъ четвернымъ давленіемъ греческаго и сербскаго элементовъ, католической пропаганды и матеріальныхъ интересовъ. Всѣ прошенія болгаръ, адресованныя какъ къ главнокомандующему и князю Черкасскому, такъ и къ русскимъ уполномоченнымъ, стремились къ требованію присоединенія южной и западной части Болгаріи, даже цѣною нѣкоторыхъ преимуществъ независимости и самоуправленія ¹⁾. Часть Болгарскаго княжества къ западу отъ рѣки Струмы содержитъ около милліона населенія и отдѣленіе ея отъ Болгаріи произведетъ самое печальное впечатлѣніе какъ въ Россіи, такъ и во всемъ славянскомъ Востокѣ ²⁾. Необходимо уговорить Австро-Венгрію удовольствоваться тѣми измѣненіями, которые могли бы быть введены въ начертаніи западной болгарской границы, на основаніи втораго пункта шестой статьи Санъ-Стефанскаго договора, въ которомъ сказано, что при измѣненіяхъ на мѣстѣ общаго очертанія границъ разграничительная коммиссія, согласно основаніямъ мира ³⁾, приметъ во вниманіе начало народности большинства пограничныхъ жителей, а также топографическія условія и практическія нужды мѣстнаго населенія, касающіяся удобства сообщенія и проч. Такого рода редакція статьи предоставляетъ умышленно возможность сдѣлать многія измѣненія при окончательномъ разграниченіи.

«Вступитъ на путь, указываемый вѣнскимъ кабинетомъ, можно бы лишь только тогда, когда исчерпаны будутъ всѣ другія средства избѣгнуть новой войны. Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало бы нынѣ преждевременно опредѣлять точную новую граничную черту, предоставляя производство разграниченія на мѣстѣ дальнѣйшему со-

¹⁾ Болгары громко и основательно высказывали предпочтеніе быть сразу соединенными въ компактную массу одной и той же народности, чѣмъ получить всѣ гражданскія и политическія права. «Лучше быть въ зависимости отъ Порты, въ формѣ вилайета, согласно предположенію константинопольской конференціи, нежели независимымъ княжествомъ съ оставленіемъ части болгарскаго населенія внѣ его предѣловъ и съ потерей Македоніи», говорили всѣ депутаціи. Авт.

²⁾ Тѣмъ болѣе, что присоединить эту часть къ Сербіи, вмѣсто Болгаріи, было немыслимо въ виду притязанія Австро-Венгріи на Новый-Базаръ, Митровицу и т. д. Авт.

³⁾ Т.-е., отдавая Болгаріи не менѣе константинопольской конференціи.

глашенію ¹⁾. Сверхъ того, изъ страны, выдѣленной изъ Болгарскаго княжества и къ которой можно бы добавить всю часть Старой Сербіи, не присоединенной къ Черногоріи и княжеству Сербскому, должно быть образовано автономное княжество съ тѣми же самыми правами и преимуществами, какъ и восточная часть Болгаріи, ибо совершенно невозможно государю императору согласиться на возвращеніе освобожденныхъ имъ мѣстностей подъ оттоманское владычество даже и въ такомъ случаѣ, если будетъ дарована административная автономія, не представляющая въ сущности достаточной гарантіи. Еще слѣдовало бы поставить на видъ въ Вѣнѣ, что съ той минуты, что Боснія и Герцеговина присоединены были къ Австро-Венгріи, возбудился бы, несомнѣнно, и греческій вопросъ въ Турціи, и мы оставили бы султану въ Европѣ, сверхъ Константинопольской области, съ частью Адрианопольской, лишь Албанію, что совершенно видоизмѣняетъ положеніе, установленное Санъ-Стефанскимъ договоромъ, имѣвшимъ въ виду сохранить, по возможности, существованіе турецкаго государства въ Европѣ.

«Что касается срока военнаго занятія и числа войскъ въ Болгаріи, мы могли бы сообщить вѣнскому кабинету, что мы желали бы сократить и то, и другое, и что мы надѣемся легко прійти въ слѣдствіи къ соглашенію съ нимъ по этому предмету. Продолжая на вышеизложенныхъ основаніяхъ переговоры съ австро-венгерскимъ правительствомъ, было бы весьма полезно обратиться къ посредничеству Германіи, участвовавшей въ нашихъ соглашеніяхъ съ вѣнскимъ кабинетомъ, и которая одна можетъ съ полнымъ знаніемъ подробностей дѣла высказаться касательно смысла редакцій тѣхъ уговоровъ, на которые постоянно ссылается графъ Андраши.

«II. Его императорское высочество главнокомандующій долженъ самъ бы настаивать, какъ чрезъ посредство Ону ²⁾ предъ Портою, такъ и непосредственно чрезъ начальниковъ войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Шумлы и Варны, а великій князь намѣстникъ кавказскій чрезъ начальствующихъ войсками предъ Батумомъ, объ ускореніи очищенія этихъ трехъ крѣпостей и сдачи ихъ нашимъ войскамъ. Не надо бы терять времени для формировація

¹⁾ Не надо терять изъ вида, что я въ то же время настаивалъ на немедленномъ занятіи нашими войсками всей южной и западной Болгаріи, съ сформированіемъ мѣстнаго войска, что, очевидно, дало бы такой толчокъ національному пробужденію, что поставило бы Австро-Венгрію и Европу въ необходимость считаться съ чувствами и желаніями населенія. Слѣдовательно, главное—надо было выиграть время, тогда какъ наше бездѣйствіе въ Турціи обратило выигрышъ въ проигрышъ. Авт.

²⁾ Съ самаго прибытія моего въ Адрианополь я отправилъ Ону, перваго драгомана посольства, въ Константинополь, и онъ находился постоянно въ сношеніи со всѣми сановниками Порты и съ дворцомъ, служа посредникомъ сношеній моихъ, а потомъ и главной квартиры, съ Константинополемъ. Авт.

и умноженія болгарскаго ополченія и введенія новаго управленія во всѣхъ мѣстностяхъ, долженствующихъ входить въ составъ княжества Болгарскаго, допуская, однакоже, нѣкоторое различіе въ способѣ управленія въ западной части, къ сожалѣнію, еще не занятой до сего времени нашими войсками. Надо торопиться возвращеніе въ Болгарію прежняго экзарха ¹⁾ въ качествѣ епархіальнаго начальника виддинской епархіи, равно и нѣсколькихъ тысячъ изгнанниковъ болгарскихъ, составляющихъ цвѣтъ населенія и которыхъ турки обязались ²⁾ возвратити на родину.

«Такъ какъ весьма важно не толкать румынъ въ враждебный намъ лагерь и, по заявленію генерала князя Гикли ³⁾, главное возвращеніе его правительства противъ V и XIX статей договора заключается въ томъ, что мы не сдѣлали румынскому правительству одновременно непосредственнаго предложенія заключить съ нами особую конвенцію касательно Бессарабіи,—необходимо предупредить какъ здѣшняго румынскаго представителя, такъ и барона Стюарта въ Бухарестѣ, что мы готовы тотчасъ же вступить въ переговоры съ румынскимъ правительствомъ для заключенія договора. Это было бы тѣмъ болѣе естественно, что конвенція была заключена съ Румыніею предъ войною и что княжество признано нынѣ независимымъ не только нами, но и самою Портою по Санъ-Стефанскому договору» ⁴⁾.

¹⁾ Бывшій экзархъ Анеимъ, занимавшій до его избранія на постъ главы національной болгарской церкви епископскую кафедру въ гор. Виддинѣ, родился въ 1816 году, въ Лозенградѣ (Ниркѣ-Килиссе), въ Адрианопольскомъ вилаетѣ. Получивъ высшее богословское образованіе въ Москвѣ, онъ былъ долгое время преподавателемъ церковной исторіи и церковно-славянскаго языка въ греческой богословской академіи въ Халки. Онъ достигъ епископскаго сана въ 1867 году. Черезъ три года послѣ того, именно 27 февраля 1870 года, состоялся султанскій фирманъ, коимъ признано особое существованіе болгарскаго экзархата, и Анеимъ былъ вскорѣ избранъ (16-го февраля 1872 г.) на постъ экзарха. Греческій помѣстный соборъ 16-го сентября 1872 года произнесъ надъ болгарской церковью схизму и анаѹму. Когда началась русско-турецкая война 1877 года, экзархъ Анеимъ, какъ заподозрѣнный въ симпатіяхъ къ русскому оружію, былъ низверженъ и сосланъ въ Ангору, въ Малой Азіи. Изъ ссылки Анеимъ былъ возвращенъ по настоянію русскаго правительства и затѣмъ, когда было создано въ мартѣ 1879 года учредительное собраніе въ Тырновѣ, бывшій экзархъ былъ выбранъ его предсѣдателемъ. Анеимъ умеръ виддинскимъ митрополитомъ 2-го февраля 1888 года. На русскомъ языкѣ есть специальное изслѣдованіе объ Анеимѣ, вышедшее въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1881 г. (январь, февраль, мартъ)—А. Муромцевой: «Первый экзархъ болгарскій блаженный Анеимъ». (См. также книгу И. С. Пальмова: «Болгарская экзархійская церковь». Спб. 1896 г.

²⁾ Въ Санъ-Стефано, предъ подписаніемъ договора.

Авт.

³⁾ Бывшаго румынскаго агента въ Константинополѣ въ послѣдніе годы и затѣмъ состоявшаго при государѣ императорѣ во время войны и наконецъ присланнаго въ Петербургъ въ качествѣ посланника и умершаго здѣсь.

Авт.

⁴⁾ Отсутствіемъ послѣдовательности и предусмотрительности, а равно и легкомысленнымъ обращеніемъ князя Горчакова съ румынами мы сами дали поводъ румынамъ быть такъ раздраженными противъ насъ и способствовали успѣхамъ западныхъ интригъ, завербовавшихъ въ свой лагерь Братіано и его партію.

Авт.

28-го марта 1878 года, призванный къ государю, я представилъ его величеству слѣдующія соображенія:

1. Что, если даже вступить въ соглашеніе съ Австро-Венгріею касательно измѣненія нѣкоторыхъ статей Санъ-Стефанскаго договора, то слѣдуетъ оговорить, что принципиальное согласіе наше на отдѣленіе Западной Болгаріи (Македоніи) обусловлено обезпеченіемъ на имѣющемъ собраться конгрессѣ одинаковыхъ правъ, положенія и преимуществъ, какъ и княжеству Болгарскому,

2. Во всякомъ случаѣ для Западной Болгаріи необходимо провести граничную черту ближе къ Вардару, оставивъ Струмицу, Кукушъ и Каратово въ восточномъ Болгарскомъ княжествѣ. слѣдуетъ доставить болгарскимъ делегатамъ доступъ на конгрессъ, чтобы они имѣли возможность представить доводы въ пользу своей народности.

3. Желательно выяснить, что обозначаетъ заявленіе графа Андраши о предоставленіи Австро-Венгріи свободы дѣйствія. слѣдуетъ ли разумѣть подъ этимъ прекращеніе обязательствъ, принятыхъ прежде относительно Россіи, и уничтоженіе конвенцій 3-го января 1877 года?

4. Обладаніе приморскою полосою должно быть во всякомъ случаѣ обезпечено Черногоріи. Нашъ посоль въ Вѣнѣ какъ будто бы сомнѣвается въ этомъ. Спрашивается, о какихъ вознагражденіяхъ Австріи упоминаетъ Новиковъ въ своихъ донесеніяхъ? Вопросъ этотъ не выясненъ.

5. Необходимо намъ себя обезпечить гарантіями и письменнымъ обязательствомъ со стороны Австро-Венгріи, соглашаясь на какія-либо измѣненія въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, ибо Англія рассчитываетъ не сразу привлечь графа Андраши къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго союза съ Великобританіею, а лишь постепенно подготовить переходъ Австро-Венгріи въ враждебный намъ лагерь, надѣясь получить ея содѣйствіе лишь по открытіи военныхъ дѣйствій между Англіею и нами.

Нашъ посоль въ Вѣнѣ доносилъ 29-го марта (№ 53), вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, слѣдующее канцлеру:

«Графъ Андраши, пожелавшій меня видѣть, спросилъ меня, получилъ ли я отвѣтъ на заявленія его, которые увезъ съ собою графъ Игнатьевъ, и прочелъ мнѣ телеграммы, полученныя отъ барона Лангенау ¹⁾ и Бехтольсхейма ²⁾. Оба давали отчетъ о дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Петербургѣ политическими вѣстями изъ Вѣны и которое не было смягчено, какъ этого ожидали, послѣдующими сообщеніями графа Андраши.

¹⁾ Австро-венгерскій посоль въ Петербургѣ.

Авт.

²⁾ Австро-венгерскій военный агентъ, человѣкъ очень ловкій, умный, вкрадчивый и пронырливый.

Авт.

«Министръ былъ этимъ очень удивленъ, такъ какъ онъ считалъ требованія свои очень умѣренными. Графъ Андраши повторилъ въ общихъ выраженіяхъ предложенія, высказанныя имъ графу Игнатъеву и заключающіяся въ слѣдующемъ:

«1) Необходимость для Австро-Венгріи принять въ свое владѣніе часть Герцеговины, находящуюся между Сербіею и Черногоріею, какъ единственное средство обезпечить себѣ выходъ въ Эгейское море.

«2) Невозможность уступить Черногоріи морской берегъ, не подвергаясь опасности создать тамъ притонъ для контрабанды.

«3) Уменьшеніе Болгаріи въ западной части, чтобы отстранить новое княжество отъ долины рѣки Вардара, единственного коммерческаго пути къ Салоникки.

«4) Исправленіе болгарской границы со стороны Адрианополя.

«5) Сокращеніе нашей оккупации въ Болгаріи до шести мѣсяцевъ и до двадцати тысячъ человѣкъ».

Новиковъ замѣтилъ графу Андраши, что онъ воспроизводитъ безъ малѣйшаго измѣненія предложенія, сдѣланныя чрезъ графа Игнатъева, и что онъ еще не уполномоченъ вступить въ переговоры относительно уменьшенія Болгаріи. Новиковъ, однакоже, замѣтилъ министру, что, «будучи участникомъ въ заключеніи существующихъ конвенцій, я могу тѣмъ болѣе вѣрно высказать оцѣнку тѣхъ требованій, которыя измѣняютъ прежде установленныя условія. Я ожидалъ значительныхъ замѣчаній касательно Болгаріи, но расширеніе австро-венгерскихъ захватовъ со стороны Герцеговины и морского берега было для меня неожиданностью, такъ какъ оно противорѣчитъ не только духу, но и ясному тексту первой статьи и нашей дополнительной конвенціи; этого одного достаточно, чтобы объяснить тяжелое впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ. Могъ ли графъ Андраши въ этомъ сомнѣваться? Мой собесѣдникъ не попытался даже отрицать отступленія отъ условленнаго между нами, но старался извинить и доказать необходимость нарушенія конвенціи. Мы якобы первые измѣнили основанія австро-русскаго соглашенія и увеличили наши требованія. Къ крайнему его сожалѣнію, мы заключили и опубликовали Санъ-Стефанскій договоръ безъ всякаго предварительнаго соглашенія (съ Австро-Венгріею) и прежде созванія конгресса. Наши уговоры съ Вѣною требовали, чтобы мы вошли въ соглашеніе съ графомъ Андраши относительно разграниченія Сербіи и Черногоріи, вмѣсто того, чтобы даровать самостоятельнымъ властнымъ актомъ увеличеніе территоріи послѣднему княжеству, предоставляя Австріи или согласиться съ совершившимся фактомъ, или же принять на себя неблагоприятную роль недоброжелателя этого маленькаго государства, которому Австрія оказала услуги во время войны. По смыслу нашего сообще-

нія въ ноябрѣ ¹⁾, державы должны были быть призваны къ оцѣнкѣ своевременности и необходимости измѣненія границъ, а договоръ Санъ-Стефанскій разрѣшилъ этотъ вопросъ самостоятельно, не справляясь съ мнѣніемъ Австро-Венгріи. Размѣры, приданные Болгаріи,—онъ это повторяетъ,—противорѣчатъ обѣщанному исключенію образованія сплошнаго большого славянскаго государства. Лѣтомъ мы говорили лишь о присоединеніи Батума съ прилежащею мѣстностью, а нынѣ мы присоединили всю Арменію ²⁾; хотя не было рѣчи о нашихъ азіатскихъ пріобрѣтеніяхъ, взаимныя обязательства обѣихъ державъ относительно послѣдствій войны должны были быть соблюдены. Словомъ, мы измѣнили во многихъ отношеніяхъ и расширили первоначальный смыслъ нашихъ соглашеній. Развѣ Австрія одна обязана отъ нихъ не отступать? ³⁾ Мы себѣ взяли Бессарабію, Арменію и подавляющее Турцію денежное вознагражденіе, пріобрѣли военную славу, освободили христіанъ, независимость княжествъ, созданныхъ нашимъ оружіемъ. Въ виду такихъ блестящихъ результатовъ, самая простая справедливость не требуетъ ли, чтобы Австрія пріобрѣла возможность обезпечить свои интересы? ⁴⁾ Я старался выставить неосновательность аргументовъ графа Андраши. Наъ обвиняють въ томъ, что мы представили совершившіеся уже факты. Но они не до такой степени считаются нами совершившимися, такъ какъ мы допускаемъ ихъ исправить ⁵⁾. Если бы выкинуть, чтобы состоялось предварительное соглашеніе, мы бы еще вовсе не заключили мира. Графъ Андраши никогда не протестовалъ своевременно противъ заключенія и публикаціи мирнаго договора съ турками и не поставилъ меня въ возможность предупредить мое правительство, что вѣнскій кабинетъ усмотритъ въ этихъ двухъ фактахъ нарушеніе нашихъ конвенцій. Напротивъ, онъ просилъ, чтобы договоръ былъ ему сообщенъ какъ можно скорѣе, чтобы пріобрѣсти основаніе для нашихъ переговоровъ.

¹⁾ Мною осуждавагося и сдѣланнаго, по предложенію Нелидова, князю Горчакову во время моей болѣзни и отсутствія изъ главной квартиры. Я предсказывалъ по возмраженію послѣдствія этого необдуманнаго шага. Авт.

²⁾ Невѣжество въ географіи и этнографіи графа Андраши, смѣло бравшаго на себя судить и о восточныхъ дѣлахъ, поразительны. Не менѣе поразительна дерзкая попытка опредѣлять Россіи размѣры ея территоріальнаго вознагражденія за военные издержки, понесенныя Россією. Авт.

³⁾ Сознаніе въ политическомъ вѣроломствѣ замѣчательное. Авт.

⁴⁾ Оригинальная логика, чтобы установить связь между славными подвигами русскихъ войскъ съ одной стороны результатомъ пролитой крови принесенныхъ жертвъ и нашихъ многолѣтнихъ усилій въ пользу нашихъ единовѣрцевъ и съ другой—корыстными и враждебными славянамъ вождельніями Австро-Венгріи, которая желала пожинать лавры и пріобрѣтать обширныя территоріи нашими руками, не издержавъ ни копейки, посредствомъ лишь интригъ и коварства. Авт.

⁵⁾ Осуждаютъ заключеніе Санъ-Стефанскаго мира. Авт.

ровъ втроемъ ¹⁾). Что касается подробностей постановлений договора, то ихъ можно оспаривать, но ни одна изъ нихъ не составляетъ такого нарушенія письменныхъ обязательствъ, какъ расширение территоріи, замышляемое Австро-Венгріею къ сторонѣ Сербіи и Адриатическаго моря. Графъ Андраши отвѣтилъ, что если бы онъ протестовалъ заранѣе противъ Санъ-Стефанскаго договора, то тогда его обвинили бы въ предвзятой враждебности къ Россіи. Но онъ не можетъ отъ меня скрыть, что въ Петербургѣ какъ будто не сознають, что заключенный договоръ вездѣ въ Европѣ найденъ слишкомъ выгоднымъ для Россіи. Затѣмъ мы перешли къ разсмотрѣнію подробностей договора».

Новиковъ телеграфировалъ 3-го (15) апрѣля канцлеру въ отвѣтъ на полученныя инструкціи, посланныя ему въ отвѣтъ на предложенія графа Андраши:

«Прежде, чѣмъ приступить къ переговорамъ съ графомъ Андраши, смѣю представить слѣдующія соображенія: мы не можемъ прійти къ практическому результату, если на опредѣленные предложенія Андраши не дадимъ положительныхъ отвѣтовъ. Первостепенный интересъ Австро-Венгріи заключается въ обезпеченіи себѣ торговыхъ путей, ведущихъ къ Эгейскому морю. Этимъ объясняется требованіе присоединенія земель до Митровицы и отдѣленія долины Вардара отъ Болгаріи, такъ какъ по договору Сербія не граничитъ съ Черногоріею ²⁾. Мы не имѣемъ уже прежняго интереса противиться передачѣ австрійцамъ мѣстности, которая обратится въ «res nullius» ³⁾. Если бы я былъ уполномоченъ обнадежить ихъ нашимъ согласіемъ, я бы могъ выторговать взаимнѣ нѣкоторыя уступки. Вообще мои переговоры съ Андраши могли бы быть умѣстными лишь, если бы, опредѣливъ заранѣе возможные измѣненія нашего договора, мнѣ было предоставлено согласиться на нихъ по мѣрѣ надобности, сообразуясь съ мѣстною необходимостью. Полагаю, что, сохраняя наши переговоры съ Андраши въ тайнѣ, было бы трудно скрыть ихъ отъ Стольберга ⁴⁾».

¹⁾ Нашъ посоль допуская, что договоръ, ратификованный государемъ императоромъ, не обязателенъ для нашей дипломатіи и долженъ лишь служить основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ между нимъ и правительствами Австро-Венгріи и Германіи.

А в т.

²⁾ Новиковъ забылъ, что оставленіе Турціи полосы между Сербіею и Черногоріею было вызвано исключительно противодѣйствіемъ графа Андраши сближенію между границами двухъ сербскихъ княжествъ и настояніемъ его, что если Турція будетъ лишена прямого сообщенія между Герцеговиною и Босніею, то Австро-Венгрія вынуждена будетъ занять эти области, чтобы предупредить присоединеніе ихъ къ Сербіи, при отпаденіи отъ стамбульскаго правительства.

А в т.

³⁾ Непонятный и странный выводъ. Мѣстность оставалась турецкою, а потому нашъ посоль считалъ, что она никому не принадлежитъ и подлежитъ передачѣ Австро-Венгріи.

А в т.

⁴⁾ Германскій посоль въ Вѣнѣ.

А в т.

Когда мнѣ была показана телеграмма нашего посла, я выразилъ удивленіе, что представители Россіи за границею ставятъ вровень отступленія отъ статей договора, добытыхъ кровью русскаго воинства и ратификованнаго не только султаномъ, но и государемъ императоромъ, съ измѣненіемъ въ фантастическихъ притязаніяхъ графа Андраши, обнаруживающихъ лишь беззащитчивое желаніе его воспользоваться нашими побѣдами, чтобы поживиться на счетъ Турціи, славянъ и нашего законнаго вліянія на Востокъ. Стремясь выдѣлнить изъ Болгаріи историческую Охридъ, Монастырь (Битолію), Ускюбъ и пр. и захватить для Австро-Венгрии значительную сербскую область, графъ Андраши хочетъ обхватить Сербію и Черногорію со всѣхъ сторонъ, чтобы обратить ихъ въ зависимость Австро-Венгрии. Что касается коммерческихъ интересовъ австро-венгерскихъ, служащихъ предлогомъ для территоріальныхъ и политическихъ притязаній, то они могли бы быть совершенно обезпечены другимъ способомъ Сербіею и Болгаріею, безъ ломки договора и измѣненія границъ Болгаріи и территоріальнаго захвата сербской земли Австро-Венгріею.

Уменьшеніе венгерскихъ неосновательныхъ притязаній предлагаютъ намъ купить цѣною пожертвованія результатовъ войны и Санъ-Стефанскаго договора, будущности славянъ и нашей чести. При томъ, если графъ нынѣ уклоняется отъ духа и буквы прежнихъ своихъ обязательствъ и конвенціи 3-го января 1877 года, то ничто не ручается намъ, что на конгрессѣ, сговорившись съ Англіею, онъ не остановится на пути, намъ враждебномъ. При такихъ обстоятельствахъ я считалъ болѣе достойнымъ и практичнымъ прямо прибѣгнуть къ посредничеству германскаго императора касательно конвенціи 3-го января 1877 года, нежели продолжать компрометирующіе Россію переговоры о частныхъ измѣненіяхъ Санъ-Стефанскаго договора, долженствующаго въ нашихъ глазахъ быть неприкосновеннымъ съ минуты высочайшей ратификаціи.

По статистическимъ даннымъ константинопольскаго посольства, въ западной части Болгаріи, т. е. къ западу отъ линіи, проведенной отъ Враньи къ Орфанскому заливу, считалось 888 тысячъ христіанъ и 280 тысячъ мусульманъ. Эту мѣстность графъ Андраши требовалъ выдѣлнить изъ Санъ-Стефанской Болгаріи подъ предлогомъ, что населеніе не болгарское, а албанское ¹⁾.

¹⁾ По свѣдѣніямъ русскаго посольства въ Константинополь, собраннымъ до 1-го января 1877 года, населеніе западной Македоніи опредѣлялось въ 1.688.000 душъ. Есть основаніе считать этотъ расчетъ ниже дѣйствительности. Число жителей было по крайней мѣрѣ на 30% больше сообщенныхъ здѣсь свѣдѣній. Соображенія, приводящія насъ къ этому выводу, слѣдующія: на основаніи цѣлаго ряда изслѣдованій о народонаселеніи Македоніи, содержащихся въ книгахъ и трудахъ Голчевича, Кычева, Бранкова, Ростковскаго, Флоринскаго, Ристича-Балканскаго и Димитрова, редакторъ настоящихъ примѣчаній издалъ сводные статистическіе выводы (см. статью

4-го апрѣля Новиковъ телеграфировалъ, что, по желанію графа Андраши, онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры.

«Поставилъ предварительнымъ условіемъ, что уступки съ нашей стороны возможны лишь въ предположеніи общаго соглашенія, выставивъ невозможность officialнаго обязательства безъ предварительнаго стовора съ Портою. Слѣдовательно, пока можетъ быть только довѣрительный обмѣнъ мыслей между нами. Въ этихъ рамкахъ далъ понять о согласіи на измѣненіе границы по рѣкѣ Лиму, на основаніи соответствующей уступки Австро-Венгріи, а равно и на то, что касается Сербіи. Жаркій споръ по вопросу о морскомъ прибрежьи. Я предложилъ непосредственное соглашеніе Австріи съ Черногоріею относительно таможенныхъ гарантій. Рѣчи не было объ образованіи изъ мѣстностей, взятыхъ въ западной части Болгаріи, автономнаго княжества, а только объ измѣненіи западной границы болгарской» ¹⁾).

А. Башмакова «Народности Македоніи», газета «Россія» за 1908 г., №№ 829 и 830), изъ коихъ общія численность македонскаго населенія, четверть вѣка спустя послѣ дѣятельности Н. П. Игнатѣва въ Константинополѣ, опредѣлялась въ 2.418.025 душъ. При этомъ имѣлась въ виду вся Македонія до устья рѣки Кара-Су, или Месты. Но такъ какъ въ запискахъ Н. П. Игнатѣва говорится только о западной части этой области, то для того, чтобы сравнивать обнародованныя величины, мы должны исключить изъ приведенной цифры количество населенія, имѣющееся въ восточной части Македоніи, т. е. на востокъ отъ линіи Вранья—Орфанскій заливъ (казы, соответствующія нижеслѣдующимъ городамъ и мѣстечкамъ: Струмица, Сересъ, Зихна, Демиръ-Хиссаръ, Петричъ, Мельникъ, Горно-Джумая, Разлогъ, Неврокопъ, Драма, Правишта, Кавала, Сари-Шабанъ). Это составляетъ 467.804 души. Такимъ образомъ, населеніе той западной Македоніи, которую здѣсь имѣетъ въ виду Н. П. Игнатѣвъ, равнялось (около 1900—1905 г.г.) количеству 1.950.221 души. Къ тому времени число душъ, указанное въ статистикѣ графа Игнатѣва, успѣло бы за двадцать пять лѣтъ (по 1% прироста въ годъ)—дорости только до 1.460.000 душъ. Разница равняется 490.221, т. е. 35% свыше игнатѣвской статистики. Трудно, конечно, въ настоящее время, выяснить, по какой причинѣ игнатѣвская статистика въ такой степени ниже дѣйствительной цифры населенія. Быть можетъ, наше посольство пользовалось податной регистраціею («пуфузами»), подобно позднѣйшимъ трудамъ консула Ростковскаго; а податной учетъ населенія въ Турціи былъ всегда ниже дѣйствительности; тогда какъ позднѣйшіе болгарскіе изслѣдователи основывались на болѣе надежныхъ и болѣе реальныхъ данныхъ: Кынчевъ и счетчики македонской революціонной организаціи, издавшие подробную статистическую карту Македоніи, исходили изъ установленнаго числа домовъ, а Бранковъ изъ приходскихъ и вѣроисповѣдныхъ росписей населенія.

Во всякомъ случаѣ, уже изъ тѣхъ данныхъ, которыми располагалъ графъ Игнатѣвъ, видно было, что въ западной Македоніи мусульмане составляли не болѣе 24% всего населенія; по позднѣйшимъ статистическимъ вычисленіямъ, мусульманъ въ той же части области было 26%. Устойчивость этой пропорціи окончательно разбивается фантастическіе и тенденціозные подсчеты графа Андраши. Наконецъ, живость его увѣреній, будто въ западной Македоніи населеніе было, главнымъ образомъ, не славянское, а албанское, въ особенности рѣзко выдѣляется изъ позднѣйшаго подсчета того и другого элемента въ населеніи. Всѣхъ славянъ въ западной Македоніи насчитывалось (въ 1900—1905 г.г.) свыше одного милліона, а албанцевъ—около 160.000 человекъ.

А. Б.

¹⁾ Такимъ образомъ, Черногорія отдавалась нами въ руки Австро-Венгріи, а присоединеніе на западъ Болгаріи, съ отдѣленіемъ Македоніи, было, конечно, ма-

На другой день (5-го апрѣля) Новиковъ телеграфировалъ о продолженіи своего разговора съ графомъ Андраши, который, повторивъ ему сказанное наканунѣ, объявилъ, что онъ испроситъ приказаній императора, и далъ понять, что находитъ предлагаемыя нами уступки недостаточными. Заключение съ Черногоріею таможенной конвенціи находитъ онъ затруднительнымъ ¹⁾ и готовъ оставить Турціи побережье, а не присоединять его къ Черногоріи и Сербіи ²⁾. Сложныя разсужденія исчерпаны, за исключеніемъ отдѣленія западной Болгаріи, которое я оставляю въ запасъ. Если мы не придемъ къ соглашенію, Австро-Венгрія возвращаетъ себѣ свободу дѣйствій ³⁾ и возвращается къ требованію ограниченія Болгаріи Балканами, къ чему приглашаетъ ее Англія и что соответствуетъ желаніямъ Порты. Положеніе серьезное, въ особенности въ виду ежедневныхъ извѣстій о сосредоточеніи нашихъ войскъ въ Румыніи и къ сторонѣ Трансильваніи. Можетъ быть, уступкою мѣстности между Черногоріею и Сербіею и отдѣленіемъ Западной Болгаріи мы могли бы достигнуть согласія Австро-Венгрии на передачу Адриатическаго побережья (согласно Санъ-Стефанскому договору) Черногоріи и сохраненія неизмѣнною остальной части Болгаріи, отстранивъ Австро-Венгрію отъ союза, намъ враждебнаго».

Почти одновременно были получены въ Петербургѣ донесенія нашего посла въ Берлинѣ отъ того же числа, т. е. 5-го апрѣля, касающіяся странныхъ переговоровъ съ Англіею, при посредничествѣ Германіи, объ устанавленіи нейтральной полосы около Константинополя (т. е., иначе сказать, обезпеченіи султанской столицы отъ нападенія русской арміи) посредствомъ удаленія нашихъ войскъ къ Адрианополю одновременно съ отходомъ англійской эскадры въ Безикскую бухту и опредѣленіемъ, на случай прекращенія условія взаимнаго отступленія отъ Константинополя, срока, по истеченіи котораго наши войска будутъ имѣть право снова занять свои прежнія позиціи близъ Стамбула, а эскадра англійская возвра-

нѣе выгодно для болгаръ и для насъ, нежели образованіе двухъ княжествъ изъ Санъ-Стефанской Болгаріи.

А в т.

¹⁾ Несомнѣнно, для графа Андраши казалось легче нашими руками обратить Черногорію, чѣмъ вести переговоры съ княземъ Николаемъ. Онъ прекрасно видѣлъ, что, съ уходомъ моимъ, ему нельзя ожидать сильнаго отпора со стороны нашей довѣрчивой и благодушной дипломатіи.

А в т.

²⁾ Весьма понятно, ибо это придавало Австріи господствующее значеніе на Балканскомъ полуостровѣ и ставило Сербію и Черногорію въ зависимость отъ Венгрии. Наши дипломаты не хотѣли этого понять.

А в т.

³⁾ Иначе сказать, считаетъ себя освобожденною даже отъ небезвыгодныхъ для нея обязательствъ конвенцій, заключенныхъ съ Россіею именно на случай окончанія войны, и слѣдовательно признаетъ возможнымъ, отрѣшившись отъ союза съ нами, стать во враждебныя отношенія. Вотъ результаты многолѣтняго ухаживанія за Австро-Венгріею и въ особенности за графомъ Андраши.

А в т.

тяться въ Мраморное море. Во второмъ донесеніи отъ того же числа (5-го апрѣля, № 122) Убри далъ отчетъ въ разговорѣ своемъ съ княземъ Бисмаркомъ, передъ которымъ на столѣ лежала карта Турціи съ обозначенными территоріальными измѣненіями, опредѣленными Санъ-Стефанскимъ договоромъ.

Измѣненія, предложенныя Австріею въ восточной части Болгаріи, кажутся ему не важными. Болгары изъ Люле-Бургасскаго округа могли бы легко перебраться, если желаютъ, въ сосѣднюю мѣстность создаваемаго княжества Болгарскаго. Требования Австріи на Западѣ имѣютъ большое значеніе. Они клонятся преимущественно къ сохраненію внѣ Болгаріи желѣзнаго пути, проходящаго чрезъ Митровицу. Цѣль эту можно бы достигнуть, проведя граничную черту въ промежуткѣ между этою дорогою и линіею отъ мыса Орфано до Враньи, предлагаемой графомъ Андраши. Такимъ образомъ Болгарія сохранила бы за собою нѣсколько земельныхъ полосъ болѣе, нежели при проведеніи границы по послѣдней чертѣ. Князь Бисмаркъ замѣтилъ, что не надо терять изъ виду, что австрійскій проектъ клонится къ созданію автономной Македоніи. Тѣ земли, которыя этотъ проектъ выдѣляетъ изъ Санъ-Стефанской Болгаріи, будутъ тѣмъ не менѣе пользоваться устройствомъ, обеспечивающимъ ихъ будущность. «Во всякомъ случаѣ,—прибавилъ германскій канцлеръ,—эти земли, т. е. тѣ отступленія въ разграниченіи Болгаріи, которыя требуетъ Австрія, не стоятъ войны между европейскими державами. Все это было бы избыточно, если бы генераль графъ Игнатъевъ, вмѣсто того, чтобы желать заключить блистательный миръ, удовольствовался бы болѣе скромнымъ и полезнымъ». Убри, въ концѣ донесенія своего, высказалъ предположеніе, что, по мысли князя Бисмарка, требованія Австро-Венгрии не серьезны и что онѣ раздѣляютъ мнѣніе нашего посла, что притязанія Австріи на треугольникъ между рѣкою Бояною, Скутарійскимъ озеромъ и Антивари выдвинуты лишь для того, чтобы склонить насъ на уступки разграниченія въ западной Болгаріи. «Князь Бисмаркъ не нашелъ, однакоже, нужнымъ обсудить неприличіе поступка графа Андраши», заключилъ нашъ посоль.

Въ первыхъ же числахъ апрѣля, почти одновременно съ запискою, поданною по поводу экспедиціи Нелидова изъ Константинополя ¹⁾, я, по порученію канцлера, составилъ слѣдующую записку. должествовавшую служить какъ бы отвѣтомъ на разговоры нашего посла въ Берлинѣ Убри съ княземъ Бисмаркомъ касательно Санъ-Стефанскаго договора и объясненіемъ причинъ созданія непріятной нашимъ мнимымъ союзникамъ Великой Болгаріи.

¹⁾ О которой упоминается въ отчетной запискѣ о Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Авт.

«При переходѣ русской арміи за Дунай государь императоръ торжественно объявилъ болгарамъ въ своемъ воззваніи, что они освобождены отъ мусульманскаго ига и призваны къ новой жизни. Образование Болгарскаго княжества въ предѣлахъ Санъ-Стефанскаго договора выполняетъ это царское обѣщаніе для большинства болгарскаго населенія, оставляя, однакоже, по политическимъ соображеніямъ, внѣ княжества нѣсколько мѣстностей, обитаемыхъ болгарами. Такимъ образомъ, нѣсколько уѣздовъ къ сторонѣ Эпира и, между прочимъ, цѣлая полоса земли, входившая въ составъ края, признаннаго конференціею 1876 года болгарскимъ, выдѣлены изъ территорій новаго княжества во вниманіе къ домогательствамъ грековъ. Къ сторонѣ Константинополя нѣкоторые уѣзды, какъ Али-Челеби, исключены изъ состава Болгаріи, потому что половина ея населенія—мусульмане. Наконецъ, чтобы расширить пространство, оставленное Турціи около Константинополя, и удовлетворить европейскую щелетильность, большая часть Адрианопольскаго уѣзда, полностью уѣзды Демотика-Фереджикъ, Диклери-Эргена, Кешанъ, Мелгара, Родосто, Виза, Чорлу и часть Мидійскаго оставлены Турціи, хотя число болгаръ въ этой мѣстности доходитъ мѣстами до 60% и даже до 80% всего населенія.

«Западные границы Болгаріи опредѣлены вполнѣ согласно очертанію проекта предварительныхъ условій, одобренныхъ государемъ императоромъ въ январѣ, и основаніямъ мира, подписаннымъ воюющими сторонами въ Адрианополѣ, оговорившими, что границы Болгаріи ни въ какомъ случаѣ не будутъ уменьшены сравнительно съ предѣлами, обозначенными Константинопольскою конференціею. Въ точности согласная съ рѣшеніемъ послѣдней, принятымъ и поддержаннымъ предъ турками всѣми представителями великихъ державъ безъ исключенія и въ томъ числѣ австро-венгерскимъ уполномоченнымъ, западная граница Болгаріи, опредѣленная Санъ-Стефанскимъ договоромъ, казалось, тѣмъ менѣе могла вызвать противодѣйствіе вѣнскаго кабинета, что она разнится съ проектомъ граничной линіи, обозначеннымъ на картѣ, сообщенной въ прошломъ году графу Андраши посломъ нашимъ, лишь въ томъ, что нѣкоторые уѣзды выдѣлены изъ Болгаріи, предположенной конференціею, и присоединены къ Сербіи ¹⁾.

«Болгарія пріобрѣтаетъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ нѣсколько участковъ на Эгейскомъ морѣ, которые ей не предназначены на Константинопольской конференціи. Это единственное отступленіе въ пользу княжества по сравненію съ тѣмъ, что было постановлено Европою въ 1876—1877 годахъ. Но распространеніе къ морю не

¹⁾ Я старался такимъ образомъ выставить на видъ всякому безпристрастному человѣку полную неосновательность притязаній и аргументаціи графа Андраши.

измѣняетъ чувствительно общей поверхности новаго княжества, такъ какъ нѣкоторые уѣзды, входившіе прежде въ составъ Болгаріи, присоединены къ Сербіи, и вся Добруджа, уступленная Россіи, предназначена въ промѣнъ Румыніи. Такимъ образомъ, Болгарія теряетъ тринадцать уѣздовъ и приобретаетъ взаменъ пятнадцать, почти равныхъ по пространству первымъ. Было бы странно предположить, что, имѣя возможность достигнуть признанія турками Болгарскаго княжества въ составѣ, опредѣленномъ въ Санъ-Стефано, мы, по собственному побужденію, уменьшили бы его границы безъ всякой видимой причины и не будучи даже увѣренными въ одобреніи европейскихъ кабинетовъ ¹⁾). Дѣйствительно, эти послѣдніе, повидимому, дорожатъ измѣненіемъ болгарскихъ границъ единственно для того, чтобы нанести намъ нравственное поражение, уменьшить наше обаяніе и поднять собственное значеніе въ глазахъ восточныхъ народностей. Если бы, по собственному почину, мы сами уменьшили Болгарію, они потребовали бы еще большаго измѣненія, и соглашеніе между нами затруднилось бы въ такомъ случаѣ еще болѣе, нежели нынѣ. А между тѣмъ болгары, оставшіеся внѣ предѣловъ княжества, опредѣленнаго договоромъ, обращаются уже къ намъ съ жалобами и ходатайствами...

«Можно себѣ представить, до какой степени достигло бы неудовольствіе нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови, если бы побѣдоносная Россія стала требовать для нихъ менѣе того, что было имъ уже предназначено прежде войны единогласнымъ рѣшеніемъ представителей всѣхъ державъ.

«Князь Бисмаркъ и нашъ посолъ въ Берлинѣ какъ будто предполагаютъ, что графъ Андранш требуетъ отъ насъ лишь ничтожныхъ измѣненій. Взглянувъ на карту, можно легко удостовѣриться, что это заключеніе не совѣмъ согласуется съ дѣйствительностью. Къ сторонѣ Константинополя желаютъ отнять у княжества не только Люле-Бургасскій уѣздъ, но еще Баба-Эски, Бутчаръ-Хиссаръ и часть Мидійскаго и Киркъ-Килискаго. Въ западной части уѣзды Эгри-Паланскій, Каратово, Радовица, Струмица, Дойранъ, Кукушъ, Куманово, Иштибъ, Велесъ, Тыквешъ, Флорина, Стародо, Горча, Пресба, Виторія, Прилѣпъ, Ускюбъ, Кочаны, Калканделень, Кырчево, Охрида и Дибра, а также части уѣздовъ: Салоникскаго, Енидже-Вардаръ, Вранья, Водена, Эгрибучакъ и Касторія. Вся эта мѣстность населена по крайней мѣрѣ миллиономъ жителей.

«Князь Бисмаркъ справедливо подсказалъ Убри ²⁾, что въ случаѣ допущенія нами въ принципѣ отдѣленія западной Болгаріи (Македоніи) мы должны постараться замѣнить граничную черту, пред-

¹⁾ Уполномоченные которыхъ уже опредѣлили прежде того вмѣстѣ съ нами южныя и западныя границы страны, обитаемой болгарами.

Авт.

²⁾ Нашему послу въ Берлинѣ.

Авт.

послъ санъ-стефано.

лагаемую графомъ Андраши, отъ Враньи до Орфано, другою—ближе къ Вардару. Дѣйствительно, казалось бы необходимымъ настаивать на непосредственномъ присоединеніи къ восточной Болгаріи уѣздовъ: Кукушъ, Струмица, Радоницы, Каратово, Истибъ, Эгри-Паланка и часть Дойранскаго. Это послѣднее очертаніе, не затрагивая собственно долины рѣки Вардары, служащей предлогомъ австрійскихъ домогательствъ, не выдѣляло бы изъ Болгаріи чисто болгарское населеніе, входившее въ составъ болгарскаго экзархата уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ».

Записка эта была литографирована и разслана княземъ Горчаковымъ нашимъ посламъ 10-го апрѣля. До какой степени взгляды мои находились въ противорѣчій съ воззрѣніями нашихъ дипломатовъ, желавшихъ во что бы то ни стало угодить европейскимъ кабинетамъ и избавиться отъ докучливой необходимости упорно, шагъ за шагомъ защищать приобрѣтенное Санъ-Стефанскимъ договоромъ, видно изъ отвѣта канцлеру самаго умѣреннаго изъ нихъ Убри, нашего берлинскаго посла. Въ депешѣ отъ 13-го онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «Князь Бисмаркъ и я—мы никогда не оспаривали значительности требуемыхъ Австріею уступокъ. Мы выразили лишь мнѣніе, что размѣръ Болгаріи, т.-е. уменьшеніе ея западной стороны, не стоитъ войны между двумя христіанскими державами ¹⁾. Эта часть Болгаріи, какъ свидѣтельствуется исторія, не всегда входила въ составъ собственно Болгаріи; болгарское населеніе даже не вездѣ господствуетъ. Записка выставляетъ болгаръ какъ нашихъ единственныхъ единовѣрцевъ на Востокѣ, что не будетъ способствовать облегченію улаженія восточныхъ дѣлъ и увеличенію нашихъ друзей».

Убри добавилъ къ сему, что графъ Игнатъевъ усмотритъ въ этихъ замѣчаніяхъ лишь доказательство того, что я ничѣмъ не пренебрегаю для облегченія нашего соглашенія съ Австро-Венгеріею ²⁾.

Въ этой же депешѣ упоминалось о совѣтѣ князя Бисмарка намъ вступить въ непосредственное соглашеніе съ Англіею, а также и о предложеніи графа Шувалова поставить отступленіе нашихъ войскъ отъ Константинополя, при совмѣстномъ удаленіи англійской эскадры, въ зависимость отъ принятія всѣми державами предположенія о созывѣ конгресса, котораго, въ непонятномъ ослѣплѣ-

¹⁾ Г. Убри, какъ бы для приданія себѣ большаго авторитета при разборѣ русскаго договора, наираетъ на одинаковость воззрѣній и мнѣній съ германскимъ канцлеромъ. Но разсужденіе это слѣдовало поставить на видъ Австріи, возбуждавшей вопросъ, а не основывать на этомъ необходимость для христіанской Россіи постоянно уступать предъ вождѣльниками и капризами Австро-Венгріи и отдавать въ рабство освобожденное нами христіанское населеніе. Авт.

²⁾ Очевидно, что самый легкій для дипломатовъ путь соглашенія съ другими державами это—отреченіе отъ собственныхъ интересовъ и достоинства, съ принятіемъ противоположныхъ намъ взглядовъ; Авт.

нии, наша дипломатія такъ легкомысленно добивалась. Убри настаивалъ на необходимости установленія предварительной программы конгресса и радовался, что намекъ Салисбюри на желаніе предварительнаго соглашенія съ нами о главныхъ основаніяхъ позволялъ графу Шувалову вступить въ переговоры по этому предмету съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Нашъ посолъ въ Берлинѣ сознавался, что первоначально онъ раздѣлялъ то мнѣніе, что военное соглашеніе должно предшествовать принятію конгресса и облегчить общее умиротвореніе (т.-е., другими словами, мы должны были отказаться отъ военныхъ позицій, побѣдоносно приобрѣтенныхъ, чтобы получить отъ Европы въ видѣ награды за нашу сговорчивость, скромность и умѣренность—Берлинскій конгрессъ), но что онъ теперь считаетъ всего лучшимъ предоставить графу Андраши предварительно согласиться въ главныхъ основаніяхъ съ Салисбюри ¹⁾, бросивъ на нѣкоторое время переговоры съ Берлиномъ; тѣмъ болѣе, что Бисмаркъ оставался въ Фридрихсруэ по случаю нездоровья. Хитрому канцлеру не хотѣлось быть поставленнымъ въ нравственную необходимость стать на нашу сторону въ распрѣ съ Австро-Венгеріею, или же разсориться съ нами изъ-за венгерцевъ. Наши дипломаты облегчили его личное положеніе и лишились выгоды тройственнаго союза, уже оплаченныхъ нами дорогою цѣною съ 1875 до 1878 гг., давъ себя увлечь въ бесполезные переговоры съ Великобританіею, доставившіе случай Бисмарку умыть себѣ руки и свалить на насъ вину неблагоприятнаго результата Берлинскаго конгресса, предрѣшеннаго, къ сожалѣнію, переговорами Салисбюри съ Шуваловымъ, къ явной невыгодѣ Россіи.

Когда князь Горчаковъ сообщилъ мнѣ депешу Убри, указывая на затруднившія его берлинскія замѣчанія касательно Западной Болгаріи, я замѣтилъ ему, что «необходимо на нихъ возразить для отстраненія недоразумѣній и убѣжденія попасть какъ бы на скамью подсудимыхъ. Дѣйствительно, эта часть Болгаріи была отдѣлена отъ восточной, но она составляла независимое Болгарское государство, имѣвшее столицей Охриду, что, кажется, потеряно изъ виду княземъ Бисмаркомъ и Убри, пустившимися въ неумѣстныя историческія разсужденія. Сверхъ того, Охрида была мѣстопробываніемъ болгарскаго патріархата, и многіе уѣзды Юго-Западной Болгаріи, которые хотятъ оторвать отъ создаваемой нами Болгаріи, входятъ уже нѣсколько лѣтъ въ составъ болгарскаго экзархата, составляющаго минимумъ той территоріи, которая признается болгарскою».

¹⁾ Что и привело насъ, естественно, неизбѣжно къ рѣшеніямъ Берлинскаго конгресса, гдѣ намъ, послѣ уступокъ, сдѣланныхъ предварительно въ Лондонѣ, уже почти нечего было и уступать существеннаго.

Какъ бы въ подтвержденіе мнѣнія моего о ложности пути, на который вступила наша дипломатія съ 1874 года и продолжала идти даже послѣ войны, я получилъ отъ Константина Петровича Побѣдоносцева слѣдующую записку, доставленную ему частнымъ лицомъ въ 1877 году предъ войною:

«Всѣ извѣстія изъ Вѣны упорно держатся слуха о состоявшемся уже соглашеніи отдать въ распоряженіе Австріи Боснію, Герцеговину, Старую Сербію или Турецкую Кroatію. Этотъ послѣдній клочокъ католическій и тянется къ Кroatіи съ ея епископомъ Штротмайеромъ. Но Боснія, Герцеговина и Старая Сербія большею частью православныя и безъ нихъ ни Сербія, ни Черногорія не имѣютъ никакой будущности и изъ вассальства турецкаго перейдутъ въ худшее, въ моральное вассальство Австріи и папы.

«Многіе говорятъ: «Австрія на свою голову присоединитъ столько славянъ». Можетъ быть, со временемъ, но навѣрное теперь же на нашу голову.

«Всего драгоцѣннѣе для Россіи ея полное, несокрушимое единство съ своимъ государемъ, ея совершеннѣйшее довѣріе къ его правительству въ важныхъ кризисахъ народной жизни. Это единственное довѣріе никогда не было болѣе полнымъ, болѣе совершеннымъ, чѣмъ въ Кремлѣ при поднесеніи адресовъ и отвѣтъ на нихъ.

«Какія были побужденія къ тому великолѣпному движенію всей русской націи прошлаго лѣта?

«Въ народѣ и въ среднихъ классахъ чисто религіозное, т.-е. за православіе, Крестъ Господень. Въ интеллигенціи, въ военной молодежи—за единоплеменниковъ, борющихся за свою независимость противъ угнетателей. Это съ высоты Кремля было названо «историческою задачею Россіи». За эту задачу лилась русская кровь, отдавались милліоны, и теперь готовы проливать свою кровь опять, опять отдавать послѣднюю копейку, если объявлена будетъ война противъ Турціи для защиты христіанъ православныхъ.

«Положимъ, что война эта будетъ самая успѣшная, самая блистательная, съ искреннимъ даже содѣйствіемъ Австріи. Если точно такое соглашеніе есть, которое связываетъ намъ руки, а эти единовѣрцы и единоплеменники спасены отъ турокъ и переданы въ подданство Австріи и въ возвращеніе всевозможныхъ латинскихъ монаховъ и монахинь, которые и теперь уже тамъ свили гнѣзда,—какой будетъ результатъ всѣхъ жертвъ Россіи?

«Русская кровь, русскія деньги, весь безкорыстный подвигъ Россіи будетъ совершенъ для интересовъ Австріи, для того, чтобы ей присоединить къ себѣ и римской куріи три православныя славянскія провинціи и уничтожить всю будущность тѣхъ православныхъ княжествъ, которыя начали кровавую борьбу.

«Стоитъ вспомнить венгерскую кампанію и ея горькіе плоды; стоитъ посмотрѣть, какую выгоду получили славяне, защищавшіе

Австрію противъ мадьяръ, чтобы понять, какая это будетъ роковая ошибка нашей политики.

«Но, что важнѣе въ тысячу разъ, что неизмѣримо важно,— это стыдъ, горе и упреки Россіи самой за такія жертвы въ пользу Австріи; ибо возстановленіе какого-нибудь порядка сноснаго въ Болгаріи не замѣнить для Россіи потерю довѣрія не только славянъ, но и самой Россіи къ своему призванію, къ своему правительству.

«Это такъ важно, что если, къ несчастію, такое соглашеніе существуетъ, то одно возможно теперь—отказаться отъ войны (покуда) и объявить, что мы развязались со всякими соглашениями.

«Это необходимо для всей будущности Россіи, и хотя, конечно, на это не будутъ смотрѣть какъ на успѣхъ, но дѣла денежныя и торговыя такъ тяжелы, что такое замиреніе съ достоинствомъ въ тонѣ и свободою дѣйствій на будущее все же будетъ принято недурно, какъ нѣчто въ родѣ перемирія и въ ожиданіи, что при первомъ удобномъ случаѣ не трудно двинуть армію, мы и теперь видимъ, какъ это хорошо устроено и легко.

«Безъ содѣйствія Австріи только и можно вести войну по восточному славянскому вопросу; съ ея содѣйствіемъ дѣло пропрано заранѣе, а еслибъ она пожелала противодѣйствовать, то она парализована Русскою Галиціей, Румынскою Трансильваніей, Сербскою Воеводиной и Далмаціею и даже большей половиною Гуситской Богеміи. Чего же бояться? Она пригрозитъ Польшей; но въ нашихъ западныхъ губерніяхъ простой народъ постоитъ за православаго царя и очень мало нужно войска для занятія Галиціи, если оттуда пойдутъ шайки.

«Надобно это все знать только, и никакой предатель, никакой мнимый союзникъ не можетъ вредить.

«Въ 1849 году, по крайней мѣрѣ, поддерживали принципъ монархическій противъ возставшихъ венгровъ, и за этотъ принципъ стояли всѣ славяне въ Австріи.

«Нынѣ же кого и что защищать стануть, если Россія должна проливать кровь за выгоду худшихъ враговъ славянства и своихъ собственныхъ—Австро-Венгрии и папы римскаго?»

Нелидовъ, въ отвѣтъ на мои настоянія, написалъ мнѣ слѣдующее: «Я получилъ ваше официальное письмо отъ 27-го марта, написанное отъ имени канцлера, и отвѣчаю сему послѣднему въ предупрежденіе тѣхъ обвиненій, которыя могли бы пасть на посольство за неисполненіе тѣхъ требованій, которыя вы мнѣ предъявили и которыя, при измѣнившихся нынѣ обстоятельствахъ, почти неисполнимы. Что касается меня лично,—я человѣкъ конченный, нахожусь въ постели уже десять дней и не могу поправиться

иначе, какъ отказавшись совершенно отъ занятій, меня убивающихъ. Я настаивалъ еще сегодня на дарованіи мнѣ нынѣ немедленнаго отпуска, предупредивъ министерство о моемъ болѣзненномъ состояніи, продолжающемся уже мѣсяцъ¹⁾. Я надѣюсь, что вы употребите ваше вліяніе въ министерствѣ, чтобы содѣйствовать моему освобожденію. Клянусь, что я не могу приносить никакой практической пользы, находясь въ невозможности исправлять обязанности, на меня возложенныя; у меня разстроена нервная система и голова. Сознаюсь, что я очень жалѣлъ, что вы не помѣшали назначенію моему, лишь временному, и не доставили мнѣ по крайней мѣрѣ титулъ чрезвычайнаго посланника.

«Это было бы мнѣ полезно для будущаго. Никакъ не ожидалъ я, что послѣ тяжелаго похода, усиленной работы и всего моего прошедшаго меня возвратятъ въ прежнее положеніе и сообщать мнѣ это неофициальное распоряженіе въ сухихъ и даже почти грубыхъ выраженіяхъ делеси канцлера. А однако же изъ всего министерства мнѣ пришлось болѣе всѣхъ лично претерпѣть въ продолженіе минувшаго кризиса; я выполнилъ добросовѣстно мой долгъ и приобрѣлъ право на особенное вниманіе, или, по крайней мѣрѣ, на соблюденіе приличной и надлежащей формы въ сообщеніяхъ. Теперь я покопченный человѣкъ, вынужденный уйти со сцены. Меня, вѣроятно, забудутъ и будутъ недовольны тѣмъ, что я не имѣлъ достаточно силъ, или же не истощилъ ихъ вполне. По совѣсти убѣжденъ, что старался быть полезнымъ и пойду умирать съ голода съ спокойнымъ сердцемъ. Пока я владѣю руками и моими глазами, дѣти мои не умрутъ съ голода, но, сознаюсь, я ожидалъ большаго...

«Здѣсь положеніе невыносимо. Турки чувствуютъ наше одиночество, нашу слабость, и ничего съ ними не подѣлаемъ. Ихъ поддерживаютъ и даютъ имъ хорошіе совѣты и ничѣмъ ихъ не поведешь. Они чувствуютъ, что мы зарвались».

3-го же апрѣля, въ отвѣтъ на приказаніе, данное, по моему настоянію, канцлеромъ, настаивать на исполненіи обѣщанія чрезвычайнаго оттоманскаго посла Реуфа-паши ускорить очищеніе крѣпостей: Варны, Шумлы и Батума, согласно обязательству Санъ-Стефанскаго договора, Нелидовъ отвѣтилъ канцлеру телеграммою, что «на настоянія Ону касательно сего и намекъ великаго

¹⁾ При такомъ разслабленномъ состояніи и притомъ сознаваемомъ имъ самимъ неудовольствіи на то, что, по окончаніи войны и послѣ участія его въ заключеніи мирнаго договора, онъ оставленъ лишь повѣреннымъ въ дѣлахъ и директоромъ канцеляріи, а не повышенъ въ дипломатическомъ званіи, нельзя было ожидать, чтобы Нелидовъ явился убѣжденнымъ и ревностнымъ защитникомъ Санъ-Стефанскаго договора и не поддался непріязненному чувству къ автору его, тѣмъ болѣе, что, оскорбленный въ своемъ тщеславіи, онъ приписывалъ сему послѣднему неосновательно преобладающее вліяніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

князя, что онъ самъ назначить срокъ окончательнаго выхода турецкихъ войскъ, если Порты не распорядится, турецкіе министры, утверждая, что очищеніе дѣятельно выполняется, ссылаются на то, что въ договорѣ не значится срока ¹⁾. Они, придираясь къ тому, что окончательный договоръ не заключенъ еще, и живо указывая на то, что будто бы Санъ-Стефанскій договоръ предвидитъ, что исполненіе нѣкоторыхъ статей поставлено въ зависимость отъ окончательнаго замиренія, намекаютъ, что очищенію крѣпостей должно предшествовать заключеніе окончательнаго мира. Нелидовъ предвидѣлъ, что если мы будемъ угрожать занять силою три крѣпости, уступленныя по договору, турки будутъ протестовать, съ поддержкою нѣкоторыхъ державъ²⁾.

Главномандующему нечего этимъ было озабочиваться, а надо было настаивать на статьѣ восьмой договора и ввести русскія войска въ крѣпости, заставляя турокъ приводить въ исполненіе обязательный для нихъ договоръ ²⁾.

При такомъ плачевномъ настроеніи главной квартиры побѣдоносной арміи, стоящей подъ стѣнами Константинополя, нельзя было ничего хорошаго ожидать. Надлежащаго отпора туркамъ и ихъ вдохновителямъ не могло быть. Враждебная намъ интрига могла свободно развиваться, и неудивительно, что Санъ-Стефанскій договоръ остался безъ исполненія, когда у завѣдывающаго всею дипломатическою частью въ Константинополѣ и въ главной квартирѣ опустились руки и, отражая взгляды среды, его окружавшей, онъ считалъ, что мы «зарвались» и что положеніе наше безпомощное. Въ это время канцлеръ лежалъ въ постели, а товарищъ его Гирсъ также захворалъ, какъ свидѣлствуетъ письмо его ко мнѣ отъ 29-го апрѣля:

«Пришла и моя очередь хворать. Я такъ сильно простудился, что долженъ былъ оставить министерство около трехъ часовъ, чего со мною еще не случалось».

«Государь нѣсколько озабоченъ дурнымъ отвѣтомъ Андраши и немного надѣется на извѣстія изъ Лондона, ожидаемыя завтра, съ Шуваловымъ. До его приѣзда нельзя, конечно, принять никакого рѣшенія относительно переговоровъ съ Австріею...»

¹⁾ Именно потому-то очищеніе и было обязательно для Порты съ минуты ратификаціи султаномъ договора. Турецкіе уполномоченные просили отсрочки на двѣ недѣли, ссылаясь на затрудненія вывоза вооруженія и матеріальныхъ запасовъ, но имъ было отказано въ срокъ вывода войскъ, а касательно военныхъ припасовъ оговорено въ договорѣ, что они могутъ ими располагать. Авт.

²⁾ Статья двадцать пятая, на которую желали сослаться турки, и затруднившая главную квартиру, касалась исключительно русскихъ войскъ, окончательный выходъ коихъ изъ турецкихъ владѣній былъ поставленъ въ зависимость отъ заключенія окончательнаго мира. До турокъ въ Болгаріи и Батумѣ это не относилось нисколько. Авт.

VII.

Двѣнадцатаго апрѣля баронъ Жomini написалъ мнѣ слѣдующее официальное письмо:

«Князь канцлеръ поручаетъ мнѣ передать вамъ, что такъ какъ ему предстоитъ высказать свое мнѣніе въ виду переговоровъ, начатыхъ съ Вѣною и имѣющихъ, можетъ быть, начаться съ Лондономъ, то ему необходимо всесторонне изучить вопросъ, чтобы выйти изъ неопредѣленности ¹⁾, въ которой мы до сихъ поръ находимся. Вслѣдствіе сего онъ проситъ васъ:

«1. Представить письменное ясное и отчетливое мнѣніе ваше относительно уступокъ (съ обозначеніемъ максимума и минимума), которыя мы могли бы сдѣлать Австріи въ настоящемъ фазисѣ переговоровъ или вполне отказавшись отъ приобрѣтеннаго, или условно, или же при обмѣнѣ на соотвѣтствующее условіе.

«2. Подобнымъ же образомъ въ особой запискѣ изложить тѣ измѣненія, которыя мы могли бы допустить въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, точно также указавъ на наибольшія и наименьшія уступки безусловныя, условныя, или съ замѣною на другія условія.

«Мы просимъ васъ ускорить по возможности этотъ трудъ въ виду положенія, вамъ извѣстнаго, и желанія избѣгнуть войны, если возможно этого достигнуть безъ потери существенныхъ интересовъ или нашего достоинства».

Князь Горчаковъ былъ въ то время боленъ и принималъ лишь барона Жomini, лежа въ постели. Даже родственникъ его и товарищъ по министерству Гирсъ не всегда успѣвалъ съ нимъ переговаривать, на что онъ мнѣ и жаловался, выставляя затруднительность личнаго своего положенія въ отношеніи къ дипломатическому корпусу при приѣмѣ пословъ и посланниковъ, обращавшихся къ нему.

Въ отвѣтъ на письмо барона Жomini я ему тотчасъ же (14-го апрѣля) отвѣтилъ:

«Благоволите сказать князю канцлеру отъ моего имени, что я никогда не отказывался высказать свое мнѣніе ясно и опредѣлительно, въ чемъ онъ имѣлъ неоднократно случай убѣдиться, но мнѣ претитъ приняться нынѣ за эту работу, которой отъ меня его свѣтлость требуетъ. Вотъ причины, заставляющія меня уклониться на этотъ разъ:

¹⁾ Сознаніе, что министерство иностранныхъ дѣлъ, во главѣ съ канцлеромъ, не составило себѣ до апрѣля 1878 года яснаго и опредѣленнаго понятія объ условіяхъ мира съ Турціею и способа разрѣшенія европейскихъ затрудненій, приводитъ въ недоумѣніе всякаго здравомыслящаго человѣка. Непонятныя легкомысліе, невѣжество и недобросовѣстность.

«1. Будучи лицомъ, подписавшимъ Санъ-Стефанскій договоръ, я призванъ скорѣе защищать постановленія онаго, но не считаю приличнымъ заниматься указаніемъ средствъ разорвать его въ клочки. Было бы недостойно съ моей стороны дѣлать предложенія въ этомъ смыслѣ.

«2. Мнѣ противно видѣть, что, испросивъ высочайшую ратификацію договора, мы даже въ Константинополѣ не настаиваемъ на приведеніи его въ исполненіе. Заставивъ меня пѣшкомъ перейти Балканы въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, чтобы заключить мирныя условія съ турками, меня какъ будто упрекаютъ въ томъ, что я слишкомъ добросовѣстно выполнилъ инструкціи, мнѣ данныя, и достигнулъ блестящаго договора ¹⁾.

«3. Я прошу лишь одной милости: избавить меня совершенно отъ всякаго участія въ иностранныхъ дѣлахъ при такомъ веденіи ихъ и дать мнѣ двухмѣсячный отпускъ, необходимый мнѣ для того, чтобы вылечить мои глаза.

«4. Мое письменное и подробное мнѣніе касательно уступокъ (меньшихъ и большихъ), которыя мы могли бы сдѣлать Австро-Венгріи, чтобы избѣгнуть войны, было представлено канцлеру. Было бы бесполезно къ этому возвращаться, тѣмъ болѣе, что Андраши намъ ничего не уступаетъ и что Новиковъ еще не исчерпалъ данныя ему инструкціи въ переговорахъ своихъ съ Андраши.

«5. Чтобы дать ясное и опредѣлительное мнѣніе объ уступкахъ, которыя можно сдѣлать Англіи, надо начать съ того, чтобы узнать въ точности, — какъ я это сдѣлалъ въ трое сутокъ въ Вѣнѣ, — чего именно добиваются отъ насъ Виконсфильдъ и Салисбюри (т.-е. наибольшія и наименьшія ихъ требованія). Шуваловъ долженъ доставить намъ положительныя свѣдѣнія по этому предмету. Мы уже намѣтили въ приложеніи къ отвѣту князя Горчакова на циркуляръ Салисбюри облегченія, могущія быть допущенными. Прежде всего слѣдовало бы удостовѣриться: дѣйствительно ли Англія непремѣнно желаетъ и готова воевать съ нами, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ — чѣмъ болѣе мы будемъ отступаться отъ Санъ-Стефанскаго договора, тѣмъ настойчивѣе и требовательнѣе относительно насъ будутъ въ Лондонѣ. Согласитесь, любезный баронъ, что я не могъ быть довольнымъ поведеніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ отношеніи ко мнѣ въ различныхъ случаяхъ. Мнѣ предоставляли лишь выносить трудности, непріятности и опасности, стараясь въ то же время возлагать на меня отвѣтственность за дѣйствія, предпринятые совсѣмъ не по моей инициативѣ и тогда, когда я выдерживалъ враждебный натискъ, оставаясь на своемъ посту лишь изъ чистаго патріотическаго самопожертвования»

¹⁾ Выраженіе Бисмарка, помѣщенное въ дописаніи Убри и сообщенное мнѣ княземъ Горчаковымъ,

нія. Такіе поступки въ отношеніи ко мнѣ не поощряютъ меня предаться несомнѣнно неблагодарному труду и допустить, чтобы со мною продолжали прежнюю игру. Мы съ вами переговоримъ объ этомъ при первомъ свиданіи».

Когда мы свидѣлись на другой день, я повторилъ, что остаюсь при прежнемъ мнѣніи, а именно: что если государь рѣшился идти на уступки и измѣнить выговоренныя отъ турокъ условія Санъ-Стефанскаго договора для избѣжанія войны, то слѣдуетъ избрать одинъ изъ слѣдующихъ двухъ путей, не принимая на себя инициативы унижительныхъ, по моему мнѣнію, предложеній, тѣмъ болѣе, что я не вѣрю въ готовность Англіи начать съ нами войну, ни въ способность разноплеменной Австро-Венгріи вступить съ нами въ серьезную борьбу иначе, какъ посредствомъ интриги и дипломатическихъ подвоховъ:

1) Послать довѣренное лицо въ Берлинъ съ письмомъ государя къ императору Вильгельму, въ которомъ, взывая къ его родственнымъ чувствамъ, напомнить, что онъ ручался за честность отношеній къ Россіи Австро-Венгріи въ союзѣ трехъ императоровъ, и просить его посредничества въ возникшихъ между Вѣною и Петербургомъ недоразумѣніяхъ, произнеся третейскій судъ на основаніи условій конвенціи, заключенной въ Вѣнѣ 3-го января 1877 года, по которой мы были совершенно правы въ выговоренныхъ отъ Турціи уступкахъ въ пользу христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ. Разъ что соглашеніе между тремя имперіями будетъ установлено, не обращать вниманія на притязанія Великобританіи и, вступивъ въ дружественныя объясненія съ Италіею и Франціею, предложить имъ присоединиться на конгрессѣ къ мнѣнію континентальныхъ державъ. Затѣмъ уже вести переговоры съ англійскимъ правительствомъ, приготовившись, въ случаѣ его упорства и продолженія воинственнаго расположенія, угрожать индійскимъ владѣніямъ со стороны Туркестана въ отвѣтъ на босфорскую демонстрацію англійскаго флота.

Или же: 2) Воспользоваться личными пріятельскими отношеніями, существующими между Салисбюри и графомъ Корти ¹⁾, вновь назначеннымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Италіи, и желаніемъ послѣдняго обновить свою политическую дѣятельность блестящимъ выступленіемъ въ роли министра иностранныхъ дѣлъ, давъ ему возможность быть посредствующимъ звеномъ въ согла-

¹⁾ Графъ Корти, итальянскій дипломатъ, родился въ Пьемонтѣ въ 1823 году, состоялъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Туринѣ съ 1846 по 1848 годъ; былъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ въ 1850 г.; полномочнымъ министромъ въ Стокгольмѣ въ 1866 г., затѣмъ—въ Мадридѣ, Гаагѣ, Вашингтонѣ, Константинополѣ (1875 годъ). Въ 1878 году графъ Корти былъ назначенъ итальянскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; въ 1886 году былъ посломъ въ Лондонѣ; скончался въ Римѣ въ 1888 году.

шеніи между Англією и Россією. Для этого намъ не слѣдуетъ выступать съ непосредственными предложеніями, а предоставить мнѣ вызвать графа Корти, пользуясь моими прежними дружескими съ нимъ отношеніями въ Константинополѣ, на то, чтобы онъ предложилъ намъ свои услуги и, вступивъ въ довѣрительныя сношенія съ Салисбюри, постарался вывѣдать дѣйствительныя намѣренія Биконсфильда, минимальныя требованія англійскаго правительства и подготовить почву къ благопріятному соглашенію. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ пренебрегать такимъ способомъ дипломатическаго воздѣйствія, не нарушающимъ достоинства Россіи въ той мѣрѣ, какъ непосредственные переговоры, преждевременныя отступленія отъ условій Санъ-Стефанскаго договора безъ соотвѣствующихъ вознагражденій и двойныя уступки Австро-Венгрии и Великобританіи, способствующія образованію противъ насъ европейской коалиціи».

Князь Горчаковъ, которому вторично доложены были мои предложенія, отвергъ оба способа. Къ посредничеству императора Вильгельма онъ не хотѣлъ обратиться по чувству зависти къ Бисмарку, отозвавшись, что онъ не желаетъ предстать предъ нимъ въ качествѣ подсудимаго ¹⁾, «тѣмъ болѣе, что можно разсчитывать на дружественное отношеніе графа Андранш, съ которымъ я легче полажу непосредственно при личномъ свиданіи, нежели при посредствѣ Бисмарка, возмечтавшаго быть рѣшителемъ судьбы Европы».

Вслѣдствіе разговора съ княземъ Горчаковымъ и барономъ Жомини, когда сей послѣдній увѣдомилъ меня, что канцлеръ раздѣляетъ мнѣніе графа Шувалова о необходимости удовлетворить Англію, отступившись отъ многихъ условій Санъ-Стефанскаго договора, и сдѣлать всевозможныя уступки для избѣжанія войны, которую нашъ посолъ считалъ неминуемою, я согласился составить записку. Предложенія, шедшія изъ Лондона, нашелъ я чрезмѣрными, унижательными для Россіи и въ своей запискѣ старался лишь умалить тѣ уступки, которыя предвидѣлъ князь Горчаковъ, равно какъ и выгоды, получаемыя нашими противниками. Вотъ она:

«Возможныя уступки Англии.

«(16-го апрѣля 1878 года).

«1) Граничная черта новыхъ нашихъ пріобрѣтеній въ Азіи, опредѣленная въ 19 статьѣ (§ в) Санъ-Стефанскаго договора, могла быть измѣнена такъ, чтобы оставить въ предѣлахъ Турціи городъ Баязетъ и Алашкертскую долину. Такимъ образомъ, Велико-

¹⁾ Третейскій судъ дружественный не могъ сравниться съ рискомъ осужденія на конгрессѣ, предпочтеннымъ канцлеромъ.

британія получила бы полное удовлетвореніе уступкою Россією торговаго пути въ Персію, проходящаго чрезъ Баязетъ. Но такъ какъ лѣвый флангъ нашей новой границы былъ бы совершенно открытъ, то было бы справедливо взаимно обязать Порту скрыть всѣ укрѣпленія въ Баязетѣ и Эрзерумѣ.

«2) Если бы не представилось никакой возможности сохранить въ нынѣшней формѣ полное возвращеніе намъ южной части Бессарабіи, оговоренное въ той же 19-ой статьѣ договора (§ а), мы могли бы ограничиться возвращеніемъ намъ Болграда, Кишиня и Измаила съ прилежащею и прибрежною мѣстностью Килійскаго дунайскаго рукава, оставивъ Румыніи остальную часть территорій, отторгнутой у насъ въ 1856 году. Но въ такомъ случаѣ Добруджу не слѣдуетъ уже отдавать Румыніи, но передать Болгаріи, которая обязалась бы, съ своей стороны, выплатить Румыніи денежное вознагражденіе за убытки, опредѣленные ежегодными взносами ¹⁾. Такой исходъ согласовался бы съ заявленіемъ румынскаго правительства, предпочитающаго денежное вознагражденіе земельнымъ приобрѣтеніямъ.

«3) Въ крайности мы могли бы согласиться на раздѣленіе Болгаріи, по мысли, проведенной константинопольскою конференціею въ 1877 году, сохраняя въ то же время неизмѣнною внѣшнюю граничную черту, опредѣленную въ Санъ-Стефано. Болгарія раздѣлилась бы на двѣ части—западную и восточную, но при непремѣнномъ условіи, чтобы были приняты въ расчетъ совершившіеся въ ней факты и чтобы туземное населеніе сохранило бы право создать себѣ самостоятельное управленіе, наиболѣе соотвѣтствующее мѣстнымъ интересамъ.

«4) Державы будутъ, вѣроятно, домогаться участія европейскихъ комиссаровъ въ трудахъ по устройству Болгаріи, которые, по договору нашему, предоставлены русскому комиссару. Желательно, по возможности, отклонить это предложеніе, такъ какъ принятіе онаго неизбѣжно породило бы затрудненія и препирательства между кабинетами. Но, по всей вѣроятности, намъ придется въ концѣ концовъ согласиться на слѣдующее: а) чтобы очищеніе Болгаріи нашими войсками и отозваніе русскихъ чиновниковъ послѣдовали тотчасъ послѣ водворенія новыхъ властей и учрежденій, сформированія народныхъ милиціи и полиціи и проч., б) чтобы послѣ выхода русскаго войска изъ Болгаріи европейская коммиссія пользовалась правами, предоставленными седьмою статьею договора императорскому комиссару.

«5) Придется замѣнить европейскою коммиссіею ту русско-ту-

¹⁾ Согласно моему предложенію, неизмѣнно выставлявшемуся вмѣсто простого обмѣна Бессарабіи и Добруджи, заявленнаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

рецкую комиссію, которая обязана была на основаніи шестой статьи нашего договора опредѣлить окончательныя границы Болгаріи.

«6) Новое разграниченіе Сербіи, которое, по Санъ-Стефанскому договору, должно было быть произведено турецко-сербскою комиссіею, при содѣйствіи русскаго комиссара, можетъ быть также предоставлено европейской комиссіи, подобно тому, какъ это оговорено въ договорѣ касательно Черногоріи.

«7) Коллективная гарантія великихъ державъ, установленная для Молдо-Валахіи и Сербіи Парижскимъ договоромъ 1856 года, могла бы быть замѣнена, послѣ признанія ихъ независимости, примѣненіемъ къ нимъ постановленій, заключающихся въ седьмой и восьмой статьяхъ Парижскаго договора въ пользу Турціи, а именно: оба княжества были бы допущены пользоваться выгодами общаго государственнаго международнаго права и европейскаго концерта, а державы обязались бы «признать ихъ независимость и цѣлость территоріи», сообщая гарантируя точное соблюденіе этого обязательства, и, въ случаѣ надобности, предоставили бы имъ свое посредничество при столкновеніи съ Портою или какою-либо другою державою ¹⁾.

«8) Съ другой стороны, права и преимущества, предоставляемые Болгаріи, могли бы быть поставлены подъ коллективную гарантію всѣхъ державъ,—подобно тому, какъ статьи 22-я и 28-я Парижскаго договора постановили въ пользу Молдо-Валахіи и Сербіи, и, примѣнительно къ статьямъ 27-ой и 29-ой того же договора, если внутреннее спокойствіе было бы нарушено въ одномъ изъ двухъ болгарскихъ княжествъ, Порты обязана была бы войти въ соглашеніе съ другими державами насчетъ мѣръ для поддержанія или восстановленія законнаго порядка, но военное вмѣшательство не могло бы имѣть мѣста безъ предварительнаго согласія державъ.

«9) Постановленія 15-ой статьи Санъ-Стефанскаго договора относительно учрежденій, которыя слѣдуетъ предоставить областямъ Европейской Турціи, оставшимся въ непосредственномъ вѣдѣніи Порты, могли бы быть измѣнены въ томъ смыслѣ, что выработка новыхъ уставовъ будетъ произведена подъ надзоромъ европейскихъ комиссаровъ, на подобіе того, что было опредѣлено въ конференціи 1877 года для выполненія реформы въ Босніи и Герцеговинѣ. Результатъ этихъ работъ могъ бы быть предоставленъ усмотрѣнію представителей державъ въ Константинополѣ, которые

¹⁾ Эти постановленія созданы въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія для огражденія Румыніи и Сербіи отъ посягательствъ Россіи, но въ сущности были бы не вредны намъ, предохраняя княжества и въ особенности Сербію отъ непріязненныхъ поплзновеній Австро-Венгріи и обезпечивая независимость нашихъ единовѣрцевъ.
Авт.

собрались бы для окончательнаго рѣшенія въ составѣ конференціи.

«10) Если бы присоединеніе о. Крита, Эпира и Фессаліи къ Греческому королевству было потребовано державами, мы бы могли выполнѣть съ этимъ согласиться, но съ условіемъ, что въ такомъ случаѣ державы откажутся отъ мысли о раздѣленіи Болгаріи на двѣ части.

«11) Уплата должнаго намъ Портою денежнаго военнаго вознагражденія сверхъ того, что возмѣщено территоріальными уступками, могла бы быть намъ произведена европейскимъ синдикатомъ, въ которомъ участвовали бы, разумѣется, русскіе делегаты. Синдикату этому было бы предоставлено взимать и распредѣлять тѣ доходы Оттоманской имперіи, которые были бы опредѣлены на уплату какъ старыхъ долговъ Порты, уменьшенныхъ въ соотвѣтствующемъ финансовому состоянію Турціи размѣрѣ, такъ и процентовъ на облигаціи займа, имѣющаго быть заключеннымъ синдикатомъ для уплаты денежной контрибуціи, слѣдующей Россіи по Санъ-Стефанскому договору.

«12) Если бы Великобританія, не удовольствовавшись вышеизложеннымъ, потребовала, въ воздаяніе за наши земельныя приобрѣтенія, уступки себѣ Митилены или Хиоса¹⁾, мы не должны бы этому безусловно противиться. Но занятіе англичанами пункта въ Дарданельскомъ проливѣ могло бы быть допущено нами лишь въ такомъ случаѣ, если бы мы одновременно получили право занять позиціи на обоихъ берегахъ Босфорскаго пролива, на которыхъ могли бы быть сооружены русскія укрѣпленія».

Баронъ Жомини мнѣ отвѣтилъ на другой день:

«Я прочелъ князю вашу работу относительно возможныхъ для васъ уступокъ Англіи. Онъ нашелъ вашу записку весьма замѣчательною и желаетъ, при первомъ случаѣ, представить ее государю императору. Этотъ вопросъ требуетъ тщательнаго изученія, но въ запискѣ вашей заключаются практическія основанія для соглашенія. Что же касается Корти²⁾, то князь проситъ васъ ничего не предпринимать, въ особенности чрезъ Нигру³⁾, который любитъ придавать себѣ важность. Такъ какъ Салисбюри, повидимому, рас-

«¹⁾ О чемъ упоминалъ Биконсфильдъ въ разговорѣ со мною въ мартѣ 1877 года, въ Лондонѣ.

Авт.

²⁾ Итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Авт.

³⁾ Константинъ Нигра—итальянскій дипломатъ, родился въ 1827 году и выдвинулся на сардинской службѣ при Кавурѣ, который взялъ его съ собою на Парижскій конгрессъ 1856 года. Въ 1860 году онъ былъ итальянскимъ полномочнымъ министромъ въ Парижѣ; затѣмъ посломъ въ Петроградѣ (съ 1876 года), въ Лондонѣ (1882 г.), наконецъ въ Вѣнѣ (1885 г.).

А. Б.

положенъ къ непосредственнымъ переговорамъ ¹⁾, то надо прежде всего посмотрѣть, какой оборотъ примутъ они безъ вмѣшательства иностранцевъ».

Что уплата нами сполна выговореннаго въ Санъ-Стефано денежнаго вознагражденія посредствомъ синдиката европейскаго была возможна и способствовала бы умиротворенію западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, лучше всего доказываютъ сообщенія, которыя я получилъ изъ Франціи отъ герцога Деказа (бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ) ²⁾ и финансистовъ маркиза де-Плека (бывшаго директора Оттоманскаго банка и директора Французскаго банка во время коммуны) и банкира Броэ, вліявшаго на капиталы Орлеанскаго дома. Основная мысль была: связать интересы всѣхъ кредиторовъ Турецкой имперіи (большинство во Франціи и Англіи, но есть и въ Германіи) съ новымъ кредиторомъ—Россією, предоставивъ ей и соотвѣтственное вліяніе и право вмѣшательства въ финансы Турціи. По расчету банкировъ, Россія дѣлалась обладательницею, на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, $\frac{4}{5}$ оттоманскаго государственнаго долга, и ей причиталось ежегоднаго платежа 84 милліона франковъ изъ турецкихъ доходовъ, которыми бы завѣдывалъ финансовый синдикатъ. Оттоманскій банкъ былъ убѣжденъ, что эти суммы придется Турціи намъ выплачивать и что мы предпочтемъ обезпечить себѣ ихъ полученіе, согласившись на заключеніе въ Европѣ особаго турецкаго займа для этой дѣли и на назначеніе особаго русскаго представителя въ дирекцію Оттоманскаго банка и въ синдикатъ. Мнѣ эта мысль улыбалась по тому несомнѣнно преобладающему вліянію, которое Россія себѣ обезпечитъ на прочной экономической почвѣ на весь ходъ дѣлъ въ Турціи. До сихъ поръ этой именно почвы матеріальныхъ интересовъ, которою обладали Франція и Англія и отчасти Германія и Австро-Венгрія, даже Италія и Греція, недоставало у русскаго посольства въ Турціи. Сверхъ того, мнѣ хотѣлось непременно обезпечить русской казнѣ полученіе опредѣленнаго ежегоднаго дохода въ Турціи для вѣрнаго покрытія части понесенныхъ нами военныхъ расхо-

¹⁾ Ни канцлеръ, ни баронъ Жомини не хотѣли понять, что попытка, косвенно проведенная чрезъ Корти, какъ личнаго пріятеля Салисбюри, насъ ни къ чему не обязывала и не компрометировала достоинства Россіи, тогда какъ дѣло представлялось совершенно иначе, разъ что русскій посоль сталъ вести переговоры съ англійскимъ министромъ о радикальномъ измѣненіи Санъ-Стефанскаго договора. А в т.

²⁾ Герцогъ Деказъ, сынъ бывшаго министра Людовика XVIII, родился въ Парижѣ въ 1819 году и былъ во время царствованія Людовика-Филиппа французскимъ полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ и Лиссабонѣ. Послѣ франко-прусской войны онъ былъ короткое время народнымъ представителемъ въ національномъ собраніи Жиронды (1871 г.); затѣмъ послѣдовали его назначенія: сначала посломъ въ Лондонѣ (1873 г.), затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (съ 1873 г. по 1877 г.). Онъ умеръ въ 1886 году. А. Б.

довъ, а въ Оттоманскомъ банкѣ принимали участіе всѣ выдающіяся финансовыя силы Франціи и Англіи. Герцогъ Деказъ, ссылаясь на прежнія личныя сношенія свои со мною, напиралъ въ особенности на то, что денежный интересъ сблизить финансовую сферу Франціи и Англіи съ русскою политикою въ Турціи и будетъ содѣйствовать прекращенію недовѣрія къ ней и раздраженія по случаю достигнутого нами успѣха въ Санъ-Стефано. По расчету банкировъ, слѣдовало для уплаты военного вознагражденія Россіи выпустить заемъ въ формѣ пятипроцентныхъ облигацій, гарантированныхъ Россіею, но взимаемыхъ съ доходовъ Турціи по надписи, которая будетъ на этихъ облигаціяхъ и въ условіяхъ займа. Сумма займа предполагалась въ два милліарда четыреста милліоновъ франковъ (2.400.000.000 франковъ). Прежніе кредиторы турокъ обязывались подписаться на 1.200 милліоновъ золотомъ, а остальная половина займа выпускалась въ видѣ пятипроцентной ренты или облигацій шестипроцентныхъ по курсу 33 франка за 100. Предполагалось, что такимъ образомъ Россія получитъ золотомъ, въ счетъ долга съ Турціи, въ теченіе года или самое позднее 18 мѣсяцевъ, одинъ милліардъ двѣсти милліоновъ, что покрыло бы расходы наши, произведенные до 19-го февраля.

Нѣкоторые христіане (преимущественно армяне) адресовались ко мнѣ въ теченіе марта изъ Константинополя съ просьбами убѣдить императорское правительство, по поводу предстоящей уплаты военной контрибуціи, согласиться принять отъ турецкаго правительства часть фондовъ отъ прежнихъ займовъ, оставшихся въ распоряженіи турецкаго казначейства, и, по тому поводу, взять въ руки турецкіе финансы, выставляя на видъ, что долгъ Россіи можетъ быть выплаченъ при введеніи порядка въ управленіи и правильномъ взиманіи податей и налоговъ. Послѣдній проектъ, присланный мнѣ изъ Франціи, выставлялъ на видъ выгоду для Россіи получить сразу милліардъ франковъ на покрытіе своихъ военныхъ расходовъ заключеніемъ турецко-болгарскаго шестипроцентнаго займа, названнаго займомъ освобожденія, который взялись бы провести крупныя банкиры вмѣстѣ съ Оттоманскимъ банкомъ и по которому платежъ процентовъ падалъ бы исключительно на Турцію, Болгарію и Египетъ.

Наконецъ, проживавшій въ Парижѣ бывшій посланникъ нашъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки Катакази¹⁾, знакомый съ восточными дѣлами, написалъ мнѣ два письма. Въ первомъ онъ развивалъ ту же мысль, что французскіе финансисты и герцогъ Деказъ, объ образованіи европейскаго синдиката, въ которомъ Россія приняла бы участіе для полученія съ Турціи военной контрибуціи. Содержаніе второго письма касалось того же проекта.

¹⁾ Константинъ Гавриловичъ Катакази былъ императорскимъ русскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ съ 9-го іюня 1869 г. по 18-ое января 1872 года. А. Б.

Катакази ¹⁾ выставлялъ на видъ, что это единственное средство отвратить передачу «половины славянъ» Балканскаго полуострова во враждебныя и корыстныя руки Австро-Венгрии и предупредить затрудненія со стороны Греціи. Финансовое соглашеніе со старыми кредиторами Турціи «было бы, несомнѣнно, менѣе тягостно, нежели подчиненіе австро-англійскимъ требованіямъ. Франція нынѣшняя дурно расположена. Италія колеблется. Учрежденіе финансоваго синдиката съ участіемъ Россіи могло бы измѣнить ихъ воззрѣнія и приблизить къ намъ ²⁾. Даже Англія, хотя счита

¹⁾ Вѣрная мысль, высказанная въ письмѣ Катакази въ 1878 году, оказалась пророческой. Въ послѣдующія десятилѣтія австро-венгерскій нажимъ на балканскихъ славянъ выразился главнымъ образомъ въ экономической формѣ. Относящаяся къ этому вопросу настоящія страницы записокъ гр. Игнатъева заслуживаютъ поэтому полнаго вниманія. За время своего долгаго пребыванія на константинопольскомъ посту (1864—1877 гг.) графъ Н. П. Игнатъевъ могъ убѣдиться въ томъ, что финансовая сила, пригнѣваемая къ захвату всѣхъ жизненныхъ соковъ государства восточнаго типа, каковымъ была Турція, представляла изъ себя самый могучій видъ политическаго вліянія, использование котораго могло дать значительные плоды даже внѣ области денежной жизни, т. е., другими словами, въ области тѣхъ національно-религіозныхъ интересовъ, которые всегда были на первомъ планѣ въ исторіи русско-турецкихъ отношеній. Самое назрѣваніе вопроса о необходимости поставитъ Турцію подъ финансовый контроль ея европейскихъ кредиторовъ происходило при Н. П. Игнатъевѣ и не безъ его косвеннаго вліянія, когда постъ великаго визиря занималъ чужъ ли не его ставленникъ Махмудъ-паша (1875 г.). Естественно, должна была сложиться у графа Игнатъева мысль о необходимости отвести Россіи подобающее мѣсто въ рядахъ государственныхъ кредиторовъ Турціи. Въ «Запискахъ» сказано, что эта мысль была отвергнута Рейтерномъ и княземъ Горчаковымъ даже безъ разсмотрѣнія. Едва ли, однако, историческая отвѣтственность за столь легкомысленное отношеніе къ важному проекту должна пасть на Рейтерна. Онъ могъ подойти къ вопросу съ узкой точки зрѣнія чиновника и главы финансоваго вѣдомства и, подъ этимъ угломъ зрѣнія, дозволено было ему не понять глубокаго значенія этой идеи. Но съ точки зрѣнія общей политики и цѣлей русскаго народа и государства на Ближнемъ Востоке такая слѣпота была непростительна. И въ этой долѣ вся отвѣтственность падаетъ на князя Горчакова. А. Б.

²⁾ Весною 1878 года, когда французскіе государственные дѣятели и финансисты совѣтовали графу Игнатъеву учредить финансовый контроль надъ Турціею не только при участіи Россіи, но даже съ предоставленіемъ ей четырехъ пятыхъ всей суммы оттоманскаго государственнаго долга, обстоятельства въ высшей степени благопріятствовали осуществленію этого плана. Организация контроля кредиторовъ только еще намѣчалась; она осуществилась лишь три года спустя. Для ясности въ пониманіи того плана, который былъ предложенъ графомъ Игнатъевымъ, необходимо дать краткій очеркъ развитія и упорядоченія этого вопроса.

Государственные займы Оттоманской Порты, начавшіеся послѣ крымской кампаніи, достигли въ царствованіе Абдуль-Азиса характера безумнаго мотовства, результатомъ коего явилось государственное банкротство, открыто признанное турецкимъ правительствомъ черезъ декларацию, опубликованную 7-го октября 1875 года. Сумма иностранныхъ займовъ достигла къ тому времени почти пяти милліардовъ франковъ. Въ упомянутой правительственной деклараціи говорилось, что: «Блестательная Порта, изъ соображеній самой щепетильной честности, желая предоставить своимъ кредиторамъ настоящее и солидное обезпеченіе, уступаетъ отнынѣ синдикатамъ доходы съ таможенъ, съ соли, съ табака, съ египетской дами и, въ случаѣ надобности,

съ пути и напуганная Биконсфильдомъ, находится въ нерѣшительности и недоумѣваетъ. Проектъ учрежденія европейскаго синдиката въ Турціи, пущенный въ ходъ въ эту психологическую минуту, могъ бы быть благопріятно принятъ въ Англіи. Предложеніе это могло быть основано на единственной общей почвѣ, существующей между нами и лондонскимъ кабинетомъ, а именно на отрицательномъ выводѣ изъ происшедшихъ событій, что возвращеніе къ старому порядку въ христіанскихъ областяхъ Турціи невозможно, что признавалъ Салисбюри въ своемъ циркулярѣ и что допускаетъ даже самъ Биконсфильдъ».

съ налога на овецъ. А для восстановленія равновѣсія бюджета Порты объявляетъ, что въ теченіе пяти лѣтъ она будетъ уплачивать только половину слѣдующихъ по займамъ купоновъ. (См. книгу Charles Morawitz «Les Finances de la Turquie», Paris, 1902», стр. 50).

Отдача Турціею ряда перечисленныхъ государственныхъ доходовъ какъ бы подъ залогъ ея кредиторовъ («бондгольдеровъ») не могло никого успокоить, пока самое управленіе турецкимъ податнымъ дѣломъ не было взято подъ европейскую опеку. Въ этомъ направленіи заинтересованные круги населенія въ Англіи (черезъ посредство совѣта «Council of foreign Bondholders» въ Лондонѣ), во Франціи, въ Италіи и въ Австріи (черезъ англо-австрійскій банкъ въ Вѣнѣ) произвели давленіе на политическія сферы. Результатомъ получилась декларация, прочтенная 11-го іюля 1878 года на Берлинскомъ конгрессѣ, въ которой высказывалось пожеланіе, «чтобы Блистательная Порта согласилась на учрежденіе въ Константинополѣ финансовой комиссіи въ составѣ специалистовъ по назначенію отъ каждого правительства, каковая комиссія была бы уполномочена къ разсмотрѣнію всѣхъ требованій государственныхъ кредиторовъ Турціи и къ указанію необходимыхъ средствъ къ ихъ удовлетворенію». Предложеніе это, внесенное на конгрессъ отъ имени Франціи, Англіи и Италіи, было единогласно одобрено всѣми уполномоченными, кромѣ турецкаго, который ограничился общими фразами о добрыхъ намѣреніяхъ Блистательной Порты. (См. протоколъ № 18 въ актахъ Берлинскаго конгресса: «Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie» 1878, стр. 557 и 558).

Хотя единодушная эта декларация не шла дальше платоническаго пожеланія, однако предлагаемая система была сама по себѣ государственною опекою европейскаго концерта надъ финансами Турціи. Этого было достаточно, чтобы Порта, въ страхѣ передъ такою перспективою, поспѣшила войти въ договорныя отношенія съ «бондгольдерами», т. е. съ держателями титуловъ государственныхъ займовъ. Эта система была мягче и ближе всего подходила къ режиму такъ называемой «торговой администратіи». Она и объявлена была въ султанскомъ указѣ отъ 28-го мухаррема 1299 г. (т. е. 8—20 декабря 1881 года).

Подъ исключительное распоряженіе особаго совѣта делегатовъ отъ кредиторовъ, именуемаго «Administration de la Dette Publique» (управленіе государственнаго долга) отдавалось впредь взиманіе слѣдующихъ налоговъ: соляного, табачнаго, гербоваго, питейнаго, съ рыбныхъ промысловъ, съ шелководства, избытокъ свыше опредѣленной нормы съ таможенъ и нѣкоторые другіе. (Ср. Morawitz, стр. 59—61, 230—233 и 272—339).

Этому особому управленію, стоящему внѣ всякой зависимости отъ турецкаго министерства финансовъ, подчинено 720 агентовъ, въ составѣ 5.000 служащихъ (ср. Morawitz, стр. 235).

Въ этой организаціи пмѣются представители всѣхъ интересовъ европейскихъ кредиторовъ: французскихъ, англійскихъ, голландскихъ, бельгійскихъ, германскихъ,

«... Инициативу этого предложѣнія должна бы, по моему убѣжденію, принять на себя Италія».

Ни князь Горчаковъ, ни министръ финансовъ Рейтернъ не захотѣли даже войти въ разсмотрѣніе этого предложѣнія, которое было ими безусловно отвергнуто, какъ не соотвѣтствующее «достоинству Россіи».

австро-венгерскихъ, итальянскихъ и оттоманскихъ (частныхъ). Только нѣтъ представительства и защиты русскихъ интересовъ, несмотря на то, что уже въ 1878 году русскія претензіи составляли три четверти общей суммы долговыхъ требованій.

По этому поводу специальный изслѣдователь турецкихъ финансовъ Шарль Моравицъ говоритъ, что «исключеніе Россіи изъ представительства въ совѣтъ государственнаго долга (*«Conseil de la Dette»*) естественно вытекаетъ изъ того, что не было турецкихъ заграничныхъ займовъ, которые были бы выпущены въ Россіи». По его же свѣдѣніямъ, «оттоманское правительство желало включенія въ совѣтъ русскаго делегата; это желаніе было высказано передъ изданіемъ султанскаго указа 8-го декабря 1881 года; но европейскіе делегаты высказались тогда передъ Портой противъ допущенія Россіи къ этому участию». Сопоставляя эти свѣдѣнія съ тѣмъ, что мы теперь узнаемъ изъ записокъ графа Игнатьева, мы видимъ, что, съ одной стороны: а) по не-дальновидности князя Горчакова, идея Игнатьева объ участіи Россіи въ совѣтъ Турецкаго Государственнаго Долга—была въ самомъ зародышѣ уничтожена и не дошла даже до свѣдѣнія ни Блистательной Порты, ни европейскихъ «бондгольдеровъ»; б) тѣмъ не менѣе, турецкіе государственные люди до такой степени были проникнуты сознаниемъ, что въ этомъ дѣлѣ была солидарность интересовъ между Россіею и Турціею, что они даже безъ вѣдома Россіи возбудили вопросъ о допущеніи русскаго делегата; в) но это предложеніе было отклонено европейскими финансистами подъ тѣмъ весьма сомнительнымъ предлогомъ, что титулъ русскихъ претензій основанъ на военной контрибуціи, а не на финансовомъ займѣ.

Однако въ этомъ дѣлѣ наступилъ весьма пикантный поворотъ въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Большой страхъ обуялъ представителей европейскихъ синдикатовъ, когда вспыхнула греко-турецкая война и оказалось, что въ распоряженіи управленія Оттоманскаго Долга были значительныя сбереженія, тогда какъ турецкая казна была совершенно пуста. Возникли опасенія, какъ бы Турція не рѣшалась объявить захватъ всѣхъ сбереженій «*Dette Publique*», и тогда европейскіе делегаты стали горько раскисаться и находить, что было бы хорошо, если бы русскій престоицъ стоялъ гарантіей на ихъ сторонѣ. Не слѣдуетъ забывать, что тогда вліяніе Россіи на Ближнемъ Востокѣ стояло еще высоко. Желанія европейскихъ делегатовъ «*Dette Publique*» были поддержаны нами, благодаря посредничеству нашей союзницы Франціи. 23-го декабря 1896 года русскій посолъ въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ предъявилъ Турціи ноту, въ которой онъ предупредилъ Блистательную Портъ о томъ, что «нарушеніе съ ея стороны правъ европейскихъ бондгольдеровъ естественно выдвинетъ необходимость той международной финансовой комиссіи для опеки надъ турецкими финансами, о которой была рѣчь въ протоколѣ № 18 Берлинскаго конгресса». Турція приняла совѣтъ къ исполненію и не посмѣла обидѣть европейскихъ финансистовъ (Ср. Morawitz, стр. 227). Логически, конечно, разсужденіе нашего посла было совершенно безупречно и вытекало изъ смысла протокола № 18. Но все несчастіе въ томъ, что наша дипломатія, стремясь къ стройности въ изложеніи своихъ нотъ, совершенно не считается съ реальнымъ міромъ русскихъ интересовъ. Въ общемъ выводѣ получилось только: выгребаніе русскими руками ядра для тѣхъ самыхъ европейскихъ синдикатовъ, которые не захотѣли даже видѣть въ своихъ рядахъ делегата отъ Россіи, несмотря на то, что ей принадлежали три четверти всего оттоманскаго долга.

А. Б.

6*

VIII.

Предполагалось первоначально назначить меня вторымъ уполномоченнымъ на конгрессѣ и послать, прежде созыва, въ Берлинъ, чтобы сговориться по возможности съ княземъ Бисмаркомъ. Канцлеръ бесѣдовалъ, равно какъ отчасти и государь, о томъ, что предстоитъ русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ. Лишь во второй половинѣ апрѣля, вслѣдствіе письма графа Шувалова о нерасположеніи ко мнѣ Биконсфильда и объ опасеніи нашего посла столкновения между мною и англійскимъ уполномоченнымъ, а также указаніе на то, что Бисмаркъ, пріятельски расположенный къ графу Шувалову, приглашаетъ его къ себѣ въ Фридрихсруэ, побудили государя предпочесть назначеніе нашего посла въ Лондонъ вторымъ уполномоченнымъ, въ надеждѣ, что ему удастся скорѣе, нежели мнѣ, достигнуть снисходительной сговорчивости нашихъ противниковъ. Когда еще не было рѣши въ Петербургѣ о замѣнѣ меня графомъ Шуваловымъ, то я высказалъ князю Горчакову, что не намѣренъ поступиться границами Болгаріи, ни уступать Боснію и Герцеговину во владѣніе Австро-Венгріи, допуская лишь временную оккупацию, долженствующую прекратиться съ выходомъ нашихъ войскъ изъ Болгаріи. вмѣстѣ съ тѣмъ я ему представилъ краткую программу того, что наши уполномоченные должны имѣть въ виду на конгрессѣ:

1) Касательно Румыніи была приготовлена особая записка для доказательства правъ Россіи на возвращеніе части Бессарабіи, отторгнутой въ 1856 году не въ пользу Румыніи, а въ пользу Турецкой имперіи, въ составъ которой входило нынѣ уже не существующее княжество Молдавіи. Можно предъявить собранныя мною жалобы бессарабцевъ и румынъ и прошенія населенія о возвращеніи въ составъ Россійской имперіи.

2) Отдѣленіе Западной Болгаріи безсмысленно. Слѣдуетъ потребовать, чтобы Австро-Венгрія высказала достаточныя основанія для такого раздѣла, и необходимо ввести делегатовъ болгаръ въ засѣданія конгресса, чтобы они могли защищать права своей народности на существованіе. Если сами болгары не хотятъ этого раздѣленія (можно допустить опросъ населенія, какъ въ Ниццѣ и Савойѣ), то вынудить у нихъ согласіе, пользуясь русскою силою, мы не согласны. Милиція болгарская нами сформирована, и она будетъ защищаться отъ насилія иностранцевъ.

3) Если нельзя будетъ предупредить раздѣленіе Болгаріи на двѣ части, то надо отстоять непремѣнно единство учреждений, правъ и въ особенности духовнаго управленія экзарха, чтобы впослѣдствіи достигнуть примиренія болгаръ съ патріархатомъ. При раздѣленіи Болгаріи слѣдуетъ измѣнить статью о военномъ пути со-

общенія для турокъ чрезъ Болгарію, для сохраненія сообщенія съ Боснією и Герцеговиною.

4) Уполномоченнымъ слѣдуетъ имѣть при себѣ, для соображенія, при защитѣ статей Санъ-Стефанскаго договора и для правильной мотивировки ихъ, подробную объяснительную записку, представленную мною канцлеру одновременно съ текстомъ договора.

5) Надо дополнить статью XV, согласивъ редакцію съ послѣдними требованіями, формулированными критянами (опредѣленная дань, выборный князь и т. д.). Для Эпира и Фессалии учредить европейскую комиссію для выработки реформы управления.

6) При разсмотрѣніи статьи XVI потребовать отъ Порты указа на тѣ реформы, которыя она введетъ въ Азіи для огражденія армянскаго населенія отъ неистовствъ курдовъ, черкесовъ и проч. и для доставленія личной безопасности христіанскому населенію.

7) При разсмотрѣніи статьи XIX заявить, что, въ виду уклоненія Румыніи отъ предложеннаго обмѣна, мы присоединяемъ Добруджу къ Болгаріи, которая обязается выплатить Румыніи условленное денежное вознагражденіе.

8) Если и измѣнить, согласно требованію Австро-Венгріи, редакцію статьи о Босніи и Герцеговинѣ, то ни въ какомъ случаѣ не соглашаться на уменьшеніе доли Черногоріи и на отдачу Австро-Венгріи юго-восточной части Герцеговины и сѣверной части Старой Сербіи.

Для облегченія нашимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ переговоровъ по вопросу о Бессарабіи я вручилъ канцлеру слѣдующую записку:

«При переговорахъ касательно заключенія Санъ-Стефанскаго договора русскіе уполномоченные приняли въ серьезное соображеніе просьбы, которыя заявило румынское правительство, и старались ихъ, по возможности, удовлетворить.

«Румынское правительство желало:

«1) Занятія румынскими войсками до заключенія окончательнаго мира крѣпостей: Никополя, Рахова, Ломъ-Паланки и Виддина и всего дунайскаго берега между этими укрѣпленными пунктами ¹⁾).

«Ничто не оправдывало бы включенія подобной статьи въ мирный нашъ договоръ съ Турцією. Дѣйствительно, на основаніи этого договора русская армія сохраняетъ всѣ завоеванныя позиціи до заключенія окончательнаго мира, и сверхъ того постановлено,

¹⁾ Надо предполагать, что такого рода притязаніе было внушено Австро-Венгрією, желавшею поставить нашу армію на Балканскомъ полуостровѣ въ опасное положеніе, т. е. въ зависимость отъ Румыніи, которую поддерживали бы въ случаѣ надобности австро-венгерскія войска.

что корпусъ русскихъ войскъ останется въ Болгаріи въ теченіе двухъ лѣтъ. А такъ какъ румынскія войска дѣйствовали во время войны по высшимъ распоряженіямъ его высочества главнокомандующаго, занятіе ими вышеупомянутыхъ укрѣпленій могло быть лишь вопросомъ военнаго расквартированія, зависящаго отъ воли великаго князя, и не представлялось никакой надобности входить въ соглашеніе по этому предмету съ Портою. Его императорское высочество при заключеніи перемирія объявилъ, чтобы Виддинъ былъ отданъ румынамъ, и, продолживъ занятіе княжескими войсками Никополя, Рахова и Ломъ-Паланки, пригласилъ ихъ вступить въ Виддинъ, предназначивъ имъ обширную полосу земли для продовольствія. Но такъ какъ румынское правительство находило расходы военнаго занятія слишкомъ обременительными, великій князь согласился отмѣнить свое распоряженіе касательно четырехъ крѣпостей и приказалъ румынскимъ войскамъ возвратиться въ Румынію.

«2) Формальнаго и полнаго признанія Портою независимости Румыніи. Это признаніе обезпечило бы за Румыніею какъ относительно Оттоманской имперіи, такъ и въ отношеніи къ державамъ положеніе самостоятельнаго государства. До заключенія специальныхъ договоровъ румынскіе подданные должны пользоваться въ Турціи всѣми правами подданныхъ другихъ государствъ.

«Независимость Румыніи признана самымъ положительнымъ образомъ V статьею Санъ-Стефанскаго договора. Редакція обязательства касательно новыхъ правъ румынскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Турціи, буквально воспроизведена въ договорѣ.

«3) Скрытія всѣхъ крѣпостей на Дунаѣ, начиная съ Ада-Кале.

«Статья XII постановляетъ, что всѣ дунайскія крѣпости будутъ скрыты и что отнынѣ не будетъ укрѣпленныхъ пунктовъ на берегахъ этой рѣки.

«4) Возвращенія Румыніи устьевъ Дуная до Георгіевскаго канала включительно, согласно съ старыми правами принадлежности этой мѣстности Румыніи.

«Порта не признаетъ никому неизвѣстныхъ старыхъ правъ собственности, на которыя ссылается Румынія. Дунайская дельта, равно какъ и вся Тульчинская область, уступлена Россіи взаимнѣ части военной контрибуціи. Намѣреніе Россіи обмѣнять часть этихъ земель на часть Бессарабіи, отнятой у насъ въ 1856 году, упомянуто въ договорѣ, и будетъ зависѣть отъ княжества вступить по этому предмету въ соглашеніе съ императорскимъ правительствомъ.

«5) Уплаты Портою Румыніи суммы въ сто милліоновъ франковъ вознагражденія.

«Румынскому правительству слѣдовало бы болѣе основательно и ясно формулировать свое притязаніе. Ни Братіано, ни Котальничано ничего не заявляли относительно денежнаго вознагражде-

нія. Одинъ только военный агентъ Румыніи при главной квартирѣ, который при самомъ началѣ адріанопольскихъ мирныхъ переговоровъ былъ отозванъ въ Бухарестъ, оставилъ при отъѣздѣ записку, въ которой, перечисляя предметы вознагражденія, выразился самымъ смутнымъ образомъ, не выставляя цифръ и не подкрѣпляя своего заявленія никакими документами. Такъ какъ румынское правительство не имѣло въ главной квартирѣ своего представителя, у котораго можно было бы освѣдомиться, и такъ какъ, съ другой стороны, правительство показывало видъ, что желаетъ вести переговоры непосредственно съ Портою, безъ вмѣшательства Россіи, то уполномоченные русскіе не считали себя въ правѣ сдѣлать больше, чѣмъ было достигнуто, а именно заставить Турцію признать въ договорѣ принципъ денежнаго вознагражденія, предоставляя обѣимъ сторонамъ условиться непосредственно впослѣдствіи въ размѣрѣ слѣдуемой суммы. Будетъ зависѣть отъ румынскаго правительства прибѣгнуть во время этихъ переговоровъ къ содѣйствію Россіи, чтобы основательныя требованія его были приняты оттоманскимъ правительствомъ. Румынское правительство протестуетъ нынѣ противъ выраженія, употребленнаго въ восьмой статьѣ договора, въ которой постановлено, что русскія войска, занимающія Болгарію, сохранять свои сообщенія съ Россіею не только чрезъ Румынію, но и чрезъ черноморскіе порты и проч.

«О Румыніи тутъ упоминается лишь мимоходомъ, исключительно для того, чтобы оговорить, что право пользоваться черноморскими портами не лишаетъ насъ права сохранить сухопутныя сообщенія чрезъ Дунай. Очевидно, что императорское правительство имѣло намѣреніе заключить съ Румыніею конвенцію для пропуска войскъ, предполагая въ то же время вести переговоры объ обмѣнѣ южной Бессарабіи на Добруджу, съ тѣмъ, можетъ быть, чтобы ограничиться установленіемъ права на военное сообщеніе чрезъ эту область, безъ пользованія остальною частью Румыніи послѣ возвращенія въ Россію главныхъ силъ, а также когда склады продовольствія и военныхъ припасовъ, находящіеся въ княжествѣ, будутъ вывезены или употреблены.

«Въ теченіе переговоровъ въ Санъ-Стефано оттоманскіе уполномоченные возбудили вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ, преклоненныхъ Святымъ мѣстамъ и принадлежащихъ церковнымъ приходамъ въ оттоманскихъ владѣніяхъ, и предложили договорную статью, въ которой оговорено было, что при переговорахъ о денежныхъ притязаніяхъ Румыніи Порта будетъ имѣть право предъявить свои требованія относительно вознагражденія за эти имуществъ. Большихъ усилій стоило русскимъ уполномоченнымъ, чтобы отклонить помѣщеніе этой статьи въ договорѣ. Но послѣ подписанія онаго турецкіе уполномоченные адресовали ноту, заключаю-

щую признаніе и сохраненіе правъ православныхъ общинъ въ Турціи на монастырскія имѣнія, о коихъ права предъявить Порты при разсмотрѣніи притязаній княжества къ оттоманскому правительству».

Въ бытность мою въ Вѣнѣ я освѣдомился, что передъ тѣмъ были въ Вѣнѣ и Пештѣ румыны Іонъ Гика и Димитрій Стурдза ¹⁾, стремясь воспользоваться ненавистью къ Россіи венгровъ, чтобы произвести враждебныя намъ демонстраціи и повліять на австро-венгерское правительство въ Пештѣ; отвѣчая на привѣтъ венгерской депутаціи, Гика публично произнесъ зажигательную рѣчь, преисполненную ругательствъ и лживыхъ обвиненій на Россію, заявивъ, что румыны готовы съ оружіемъ въ рукахъ защищать неприкосновенность ихъ территоріи и не уступать Бессарабію. Я не преминулъ обратить вниманіе графа Андраши на опасность для Австріи подобныхъ венгро-румынскихъ демонстрацій, замѣтивъ, что славяне могли бы воспользоваться этимъ примѣромъ въ другихъ областяхъ Австріи для возбужденія умовъ противъ вѣнскаго правительства. Графъ Андраши призналъ основательность моего замѣчанія и на другой день сдѣлалъ замѣчаніе Тиссъ (венгерскому министру), но оказалось, что Гика и Стурдза уже уѣхали изъ Пешта. Донося канцлеру о выходкѣ румынъ (23-го марта), я выразилъ мнѣніе, что въ виду нахождения враждебной Россіи партіи въ Румыніи, слѣдовало бы послать въ Бухарестъ, подъ предлогомъ отвращенія неизбежныхъ недоразумѣній при прохожденіи возвращающихся въ Россію чрезъ княжество войскъ и ликвидаціи военныхъ принадлежностей, довѣренное лицо, могущее повліять на правительство и на различныя партіи въ странѣ и настоятельными усиліями стараться отвратить Румынію отъ пагубнаго пути, на который она вступаетъ. Канцлеръ не нашелъ надобности послѣдовать этому совѣту, и послѣдствія бездѣйствія министерства иностранныхъ дѣлъ были весьма прискорбны.

«Изъ послѣднихъ донесеній нашего посла въ Вѣнѣ оказывалось, что графъ Андраши уже не довольствуется даже тѣми уступками, которыя императорскій кабинетъ готовъ былъ сдѣлать, а именно:

«1) Занятіемъ Австро-Венгріею Босніи и Герцеговины до Вышеграда.

«2) Улаженіемъ въ пользу Австро-Венгріи вопросовъ экономическихъ и желѣзнодорожныхъ въ Сербіи.

¹⁾ Бывшій впоследствии неоднократно министромъ въ Бухарестѣ, а Іонъ Гика всегдашній противникъ Россіи и преданный Англіи агитаторъ. Оба сдѣлались орудіями иностранныхъ, враждебныхъ намъ интригъ.

«3) Передачею Австро-Венгріи острова и крѣпостцы Ада-Кале.

«4) Отреченіемъ отъ граничной линіи по р. Лиму для Черногоріи и значительнымъ уменьшеніемъ уступленной по Санъ-Стефанскому договору княжеству территоріи въ этомъ направленіи.

«5) Уменьшеніемъ герцеговинской территоріи, присоединенія которой давно желала Черногорія.

«6) Принятіемъ въ принципѣ пересмотра южной турецко-сербской границы.

«Графъ Андраши сверхъ всего этого требуетъ:

«1) Образованія македонской области, выдѣленной изъ Болгаріи, но при этомъ не представляетъ никакого ручательства, что Македоніи будутъ дарованы тѣ же права и преимущества, что Болгарскому княжеству.

«2) Не довольствуясь желаніемъ присоединить къ Австро-Венгріи мѣстность, раздѣляющую Сербію отъ Черногоріи, онъ стремится пріобрѣсти еще все пространство до Новаго Базара и Митровицы.

«3) Отнимая у Черногоріи большую часть пріобрѣтеннаго ею морского побережья, онъ соглашается уступить княжеству лишь городъ Антивари; предоставляя, такимъ образомъ, морской портъ, онъ обуславливаетъ пріобрѣтеніе онаго такими ограниченіями, которыя лишаютъ обладаніе портомъ существеннаго значенія.

«Касательно послѣдняго пункта мы должны настаивать безусловно на пріобрѣтеніи Черногоріею морского побережья по причинамъ, которыя были уже мною прежде изложены. Все, что мы могли бы уступить изъ предназначавшагося нами для Черногоріи морского побережья, это портъ Дульциньо, если князь Николай согласится.

«Что же касается промежуточной между Сербіею и Черногоріею мѣстности, то хотя она не обширна, но представляетъ очень значительное пріобрѣтеніе въ нравственномъ отношеніи; пока этотъ участокъ оставался въ рукахъ турокъ, оба княжества могли терпѣливо выждать благоприятной минуты, не теряя надежды въ будущемъ, въ увѣренности, что имъ удастся овладѣть имъ и соединиться на р. Лимѣ. Эта мѣстность была оставлена, впрочемъ, Портѣ по Санъ-Стефанскому договору, единственно потому, что Боснія и Герцеговина продолжали принадлежать Турціи. Но какъ только эта мѣстность сдѣлается принадлежностью Австро-Венгріи, такъ тотчасъ оба княжества будутъ ею замкнуты со всѣхъ сторонъ. Не входя въ разбирательство, до какихъ предѣловъ должны простираться тѣ уступки, которыя императорскій кабинетъ можетъ сдѣлать для избѣжанія войны, я вынужденъ заявить, что съ пріобрѣтеніемъ означенной территоріи Австро-Венгрія достигаетъ не только непосредственнаго доступа къ Эгейскому морю посредствомъ желѣзной дороги, которою она будетъ вполне располагать,

но будет прикасаться къ Македоніи, которую предстоит организовать; это значитъ, что означенная часть Болгаріи будетъ находиться подъ исключительнымъ и господствующимъ вліяніемъ Австро-Венгріи, настоящее воздѣйствіе которой, несомнѣнно, совладеетъ съ попытками независимости автономной области со смѣшаннымъ населеніемъ.

«Что касается перваго пункта—раздѣленія Болгаріи на два княжества—мы не можемъ пройти молчаніемъ неудобства и невыгоды подобнаго мѣропріятія. Уже на константинопольской конференціи мы доказали необходимость образованія единой области, несравненно болѣе соотвѣтствующей интересамъ и желаніямъ населенія, равно какъ географическимъ и этнографическимъ условіямъ края. Тогда встрѣтились затрудненія установить двойную администрацію при недостаткѣ образованныхъ и подготовленныхъ начальниковъ областей, чиновниковъ и проч.; отсутствие ихъ еще болѣе будетъ ощутительно, когда рѣчь будетъ о сформированіи двухъ княжествъ вмѣсто двухъ генералъ-губернаторствъ, предполагавшихся конференціею. Наконецъ, послѣднія событія въ краѣ объединили Болгарію, и разьединеніе нынѣ было бы гораздо чувствительнѣе для жителей и зародило бы въ нихъ, съ первыхъ дней существованія Болгаріи, желаніе измѣнить созданный строй для объединенія народа, т.-е. создало бы источникъ смуты и безпорядковъ.

«Впрочемъ, если бы силою обстоятельствъ явилась совершенная невозможность отстоять существованіе Болгаріи въ тѣхъ предѣлахъ, которые назначены въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, слѣдовало бы подвергнуть тщательному обсужденію вопросъ, что было бы выгоднѣе: принять ли проектъ, предложенный княземъ Бисмаркомъ нашему послу въ Берлинѣ, т.-е. созданіе отдѣльной Македоніи, ограниченной долиною Вардара, или же вернуться къ образованію двухъ областей, предполагаемыхъ конференціею? Въ первомъ случаѣ въ ограниченной Македоніи болгарское населеніе, хотя самое многочисленное, было бы вскорѣ нравственно подавлено интригами и настойчивыми усиліями безпокойнаго греческаго элемента, тамъ находящагося. А если бы присоединить къ созданной Македоніи часть Старой Сербіи, то къ этому источнику внутреннихъ смутъ и раздоровъ присоединилось бы еще противоѣйствіе сербскаго элемента, дѣятельность агентовъ изъ Сербіи сверхъ пропаганды католической, стремящейся совратить православныхъ. Внутреннія смуты, поддержанныя австро-венгерскими агентами, подготовятъ установленіе фактическаго господства Австро-Венгріи, и македонскіе болгары будутъ потеряны для княжества Болгарскаго. Единственная выгода этого проекта заключается въ томъ, что княжество Болгарское будетъ избавлено отъ присутствія разлагающихъ иноплеменныхъ элементовъ; борьба

съ греками будетъ предотвращена, ибо существующее греческое населеніе въ санджакахъ Сересскомъ и Филиппопольскомъ будетъ легко подавлено громаднымъ большинствомъ болгарскимъ.

«Второе предположеніе—раздѣленіе Болгаріи на двое, по мысли конференціи,—представляетъ то значительное преимущество, что ничего не предрѣшаетъ въ будущемъ: внѣшняя граничная черта, опредѣленная Санъ-Стефанскимъ договоромъ, осталась бы неизмѣнною цѣною внутренняго раздѣленія, которое не ослабило бы существованія болгарскаго народа. Сверхъ того, возможность соединенія въ будущемъ разрозненныхъ двухъ областей въ концѣ концовъ зависѣла бы отъ самихъ болгаръ. Правда, что отдѣленная Западная Болгарія доставитъ Австро-Венгріи болѣе обширное поприще для ея тайнаго воздѣйствія, но эти интриги встрѣтятся уже не съ смѣшаннымъ разнороднымъ населеніемъ, не имѣющимъ ни внутренней связи, ни историческаго прошлаго, но съ сильнымъ болгарскимъ элементомъ, опирающимся на софійскій центръ и одареннымъ достаточными матеріальною и нравственною силами, чтобы претворить въ себѣ люмпенникоу или же, по крайней мѣрѣ, бороться, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ на успѣхъ, съ чужимъ вліяніемъ.

«На случай, что мы вынуждены будемъ уступить требованію всей Европы, согласившейся на раздвоеніе Болгаріи, границы, опредѣленныя константинопольскою конференціею, должны быть измѣнены, въ частности, чтобы согласить ихъ съ границами Санъ-Стефанскаго договора, а равно и съ произведенными перемѣнами: потерю Болгаріею, съ одной стороны, Ниша, Лесковаца и проч., съ другой же—Добруджи, что значительно умалило размѣры Болгаріи, опредѣленной конференціею. Столицею Восточной Болгаріи, вѣроятно, былъ бы Филиппополь (Пловдивъ), и западная ея граница проведена была бы отъ горы Св. Николая по Балканскому хребту до окрестностей Слатицы, гдѣ она совпала бы съ прежнею граничною чертою Софійской губерніи (санджака), слѣдуя которой, она бы достигла граничной черты Сересскаго санджака, по продолженію которой дошла бы до р. Кара-су и затѣмъ вдоль этой рѣки до моря. Такимъ образомъ, потеря Добруджи была бы отчасти вознаграждена присоединеніемъ Драмскаго и Сересскаго санджаковъ. Западная Болгарія, съ столицею въ Софій, заключала бы всю остальную часть Санъ-Стефанской Болгаріи, съ присоединеніемъ города Салоникъ. Населеніе обѣихъ областей пользовалось бы одинаковыми правами, преимуществами и управленіемъ. Съ точки зрѣнія исключительно болгарскихъ интересовъ, такому разрѣшенію вопроса, кажется, надо оказать предпочтеніе въ сравненіи съ созданіемъ самостоятельной Македоніи. Съ нашей точки зрѣнія, единственною опасностью такого похода представляется, что Западная Болгарія можетъ подпасть подъ

исключительное вліяніе Австро-Венгріи, но мы имѣемъ возможность этому противодѣйствовать. Нѣтъ сомнѣній, что оба способа разрѣшенія возникшихъ затрудненій касательно образованія Болгарскаго княжества возбуждаютъ неудовольствіе болгаръ, которые непрестанно стремились бы къ единству своей народности, цѣною даже пожертвованія нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ политическихъ».

Записки эти, представленныя мною князю Горчакову до 15-го апрѣля, были послѣдними трудами моими по министерству иностранныхъ дѣлъ. Уже съ 15-го апрѣля нашли болѣе удобнымъ не только не совѣтоваться со мною, но и не показывать мнѣ дипломатической переписки, хотя эта эпоха была самою важною для осмысленнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, затронутаго въ корень переговорами, которые тогда велись въ Вѣнѣ и Лондонѣ въ виду предстоявшаго конгресса. По ходу событій и вслѣдствіе желанія сохранить миръ во что бы то ни стало, нѣкоторые уступки сдѣлались, къ сожалѣнію, необходимыми, но надо было идти по этому пути съ величайшею осторожностію, осмотрительностію, разборчивостію и твердою выдержкою, постепенно оставляя за собою въ запасъ достаточно простора для отступленія и не уступая ни малѣйшаго шага, ни строки Санъ-Стефанскаго договора безъ неуклонной надобности, не убѣдившись въ томъ, что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства нашего, новая война сдѣлается неизбѣжною. Вотъ этой обязанности своей не сумѣли выполнить наши дипломаты, имѣвшіе дѣло съ ловкими игроками, которыми они съ изумительною безпечною, непредусмотрительностію и незнаніемъ восточныхъ дѣлъ показывали заранѣе всѣ свои карты.

Вскорѣ послѣдовало назначеніе князя Лобанова посломъ въ Константинополь.

Вслѣдъ за тѣмъ выяснилось, что графу Шувалову, Новикову и министру иностранныхъ дѣлъ удалось уговорить государя идти на уступки не только Англіи, но и Австро-Венгріи и согласиться на существенное измѣненіе ратификованнаго его величествомъ Санъ-Стефанскаго договора, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было назначить графа Шувалова въ число уполномоченныхъ на Берлинскій конгрессъ вмѣсто меня; «на податливость Игнатьева нельзя было рассчитывать», какъ выразился баронъ Жомини.

26-го апрѣля я заболѣлъ возвратомъ сильной лихорадки, захваченной мною въ Болгаріи и преслѣдовавшей меня почти цѣлый годъ. Я просился въ отпускъ до излеченія болѣзни и, какъ только приступы лихорадки меня оставили, поѣхалъ во дворецъ 11-го мая откланяться государю. Наканунѣ, 10-го мая, въ отвѣтъ на мое письмо къ графу Адлербергу съ просьбою объ отпускѣ, я получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Поспѣшаю увѣдомить васъ, что госу-

даръ разрѣшаетъ вамъ, согласно выраженному вашему желанію, отправиться къ вашему семейству въ Кіевъ, чтобы возстановить ваше здоровье, столь сильно поколебленное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лучший климатъ и нѣкоторое время отдыха, вполне и тяжкимъ трудомъ заслуженнаго, вамъ необходимы. Я надѣюсь, что послѣдствія не замедлятъ сказаться. Прошу васъ сообщить мнѣ, могу ли я васъ навѣстить. Я бы давно это сдѣлалъ, если бы мнѣ не передали, что доктора это безусловно запрещаютъ».

«Искренно преданный вамъ графъ Адлербергъ».

Министерство иностранныхъ дѣлъ тщательно избѣгало сообщать мнѣ какіе-либо документы или свѣдѣнія, игнорировало мое существованіе ¹⁾ и ревниво запрещало всѣмъ своимъ подчиненнымъ, моимъ старымъ сослуживцамъ и сотрудникамъ, имѣть со мною общеніе, даже преслѣдуя тѣхъ изъ нихъ, которые, не опасаясь опалы, продолжали оставаться въ личныхъ пріязненныхъ со мною сношеніяхъ.

4-го мая я получилъ отъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирса слѣдующее письмо:

«Дай Богъ вамъ скорѣе поправиться ²⁾. О состояніи здоровья канцлера не знаю, право, что и сказать. Онъ все въ постели».

«...Положеніе наше не измѣнилось за послѣдніе дни. Посмотримъ, что скажутъ донесенія Новикова, ожидаемыя, если не ошибаюсь, завтра. Шуваловъ ³⁾ полагаетъ пуститься въ обратный путь послѣзавтра. Изъ сообщеній его, которыя держатся въ большомъ секретѣ ⁴⁾, нельзя вывести положительнаго заключе-

¹⁾ Хотя, по высочайшему повелѣнію, при назначеніи меня членомъ государственнаго совѣта я оставленъ по генеральному штабу и по министерству иностранныхъ дѣлъ, какъ было мнѣ сообщено графомъ Адлербергомъ.

А в т.

²⁾ Игнатьевъ, подъ вліяніемъ непріятностей и простуды на варшавской станціи желѣзной дороги, заболѣлъ 26-го апрѣля возвратною лихорадкою и долженъ былъ лечь въ постель въ самое то время, когда ему нужно было бы бороться съ вреднымъ вліяніемъ прибывшаго изъ Лондона на пятый день послѣ того, т.-е. 30-го апрѣля, графа Шувалова, требовавшаго полномочія для уступокъ Англіи и Австро-Венгріи, подъ угрозою войны съ Великобританіею, съ перспективою коалиціи; военный министръ Милютинъ очень желалъ присутствія Игнатьева на совѣтѣ, подъ предѣлательствомъ государя, собранномъ по пріѣздѣ Шувалова, и пріѣзжалъ навѣстить Игнатьева въ постели и лично удостовѣриться въ невозможности призванія его въ совѣтъ.

А в т.

³⁾ Шуваловъ въ союзѣ съ министромъ финансовъ и высшимъ петербургскимъ обществомъ такъ напугалъ государя и министра послѣдствіями отставанія Санъ-Стефанскаго договора, негоднаго Виконсфильду, Андраши и Бисмарку, что получилъ желаемое разрѣшеніе сдѣлать уступки англійскому правительству.

А в т.

⁴⁾ Держали въ секретѣ замышляемое искалѣченіе Санъ-Стефанскаго договора отъ автора его и отъ русскихъ патріотовъ, опасаясь опроверженій доводовъ иностранныхъ и нашихъ обынностраившихся дипломатовъ, могущихъ помѣшать мирному обобранію славянъ и Россіи.

А в т.

нія. Я вижу, что всѣ военные здѣсь надѣли большіе сапоги, изъ чего заключаю, что всѣ войска мобилизованы. Дай Богъ, чтобы лихорадка васъ скорѣе покинула... Самъ я продолжаю страдать гриппомъ. Канцлеру, кажется, лучше, но онъ все еще въ постели».

IX.

Въ продолженіе Берлинскаго конгресса ¹⁾ я держался въ отдаленіи отъ дѣлъ, пребывая въ Кіевской губерніи и за границу. Въ теченіе этого тяжелаго времени я получилъ слѣдующія письма отъ Н. К. Гирса и А. И. Нелидова. Первый управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а второй былъ призванъ канцлеромъ въ Берлинъ, въ качествѣ совѣтника-эксперта, въ помощь уполномоченнымъ.

Письмо Гирса. 6-го іюня (Царское Село):

«Я понимаю, что при настоящихъ столь грустныхъ, обстоятельствахъ, жизнь въ деревнѣ пріятнѣе, чѣмъ присутствіе въ центрѣ всѣхъ политическихъ передрягъ. Вамъ въ особенности тяжело было бы переносить тѣ неудачи, которыя испытывали мы на Берлинскомъ конгрессѣ; но, видно, того требуетъ историческій ходъ дѣла, и великіе результаты достигаются не вдругъ. Шуваловъ привезъ третьяго дня трактатъ, которымъ похвастать нельзя, но помириться съ нимъ еще можно было бы, если бы мы имѣли увѣренность, что онъ будетъ вполне приведенъ въ исполненіе. Канцлеръ возвратился сегодня; здоровье его, говорятъ, поправилось...».

Письмо Нелидова изъ Берлина 9-го (21-го) іюня:

«Мы здѣсь въ полномъ болгарскомъ кризисѣ. Вы, вѣроятно, знаете сущность основаній, на которыхъ должно было состояться наше соглашеніе съ Европою, подъ защитою англичанъ. Къ несчастью, тонъ и даже музыка совершенно здѣсь измѣнились. Нескромность одной газеты ²⁾ значительно повредила ходу дѣлъ. Партія тори была оскорблена тѣмъ, что Биконсфильдъ и Салисбюри отправились на конгрессъ, связавъ себѣ руки предварительными

¹⁾ Представителями европейскихъ державъ были на Берлинскомъ конгрессѣ слѣдующія лица: отъ Австро-Венгріи: графъ Андраши, графъ Кароли и баронъ Геймерле; отъ Великобританіи: лордъ Биконсфильдъ (онъ же Дизраэли), маркизъ Салисбюри и лордъ Рессель; отъ Германіи: князь Бисмаркъ, Бюловъ, князь Гогенлоз; отъ Италіи: графъ Корти и графъ Лона; отъ Россіи: князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ и Павелъ Петровичъ Убри; отъ Турціи: Садуллахъ-бей, отъ Франціи: Ваддингтонъ, графъ Сень-Валлье и Депре.

А. Б.

²⁾ Газета добыла секретный протоколъ соглашенія, заключеннаго между Салисбюри и графомъ Шуваловымъ касательно измѣненій въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Оппозиція ухватила за этотъ фактъ, чтобы обличить англійскихъ министровъ въ двуличіи и въ слабости, прикрытой воинственною хвастливостью.

А в т.

соглашеніями, и вотъ причина, что оба англичанина сѣются добыть отъ насъ больше, нежели предполагали прежде, придираясь въ подробностяхъ сварливымъ образомъ и чрезмѣрно распространяя значеніе уступокъ, уже сдѣланныхъ. Ихъ поддерживаетъ Андранш, съ которымъ, мнѣ кажется, они стоворились здѣсь на крайніе случаи, и который, съ своей стороны, требуетъ и настаиваетъ на полученіи участка юго-восточной Герцеговины и сѣверо-западной Старой Сербіи, лежащей между Черногорією и Сербією, заявляя, что въ случаѣ несогласія нашего на это приобрѣтеніе онъ выпужденъ и рѣшился намъ противорѣчить по всѣмъ пунктамъ. Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, конгрессъ не подвигается потому, что каждый вопросъ обостряется, грозитъ разрывомъ и требуетъ изпрошенія высочайшихъ повелѣній, которыя, должно быть, очень трудно издавать бѣдному императору, такъ какъ всякій разъ приходится ему соглашаться на новыя жертвы, неизмѣнно добавляемыя ко всѣмъ тѣмъ, которыя онъ уже привнесъ, чтобы избѣгнуть войны. Я до сихъ поръ не вѣрилъ, что англичане къ ней неуклонно стремятся. Я думаю, что австрійцы желаютъ еще менѣе войны. Но дерзость, которую выказываютъ и тѣ, и другіе въ Берлинѣ, заставляла бы предположить, что они во что бы то ни стало хотятъ насъ вывести изъ терпѣнія въ убѣжденіи, что, не будучи въ состояніи продолжать войну, мы примемъ одно за другимъ всѣ ихъ требованія. Тѣмъ не менѣе, мнѣ смутно кажется, и я не одинъ имѣю это чувство, что если бы мы когда-нибудь показали твердость, если бы мы рѣшились показать зубы и кулаки, наши противники могли бы быть озадачены и сбавили бы свое высокомеріе. Я думаю, что въ этомъ отношеніи обнародованіе въ газетѣ протокола можетъ быть намъ полезно, ибо, когда увидятъ, что мы согласились уступить¹⁾, и сравнятъ съ тѣмъ, что хотѣли еще отъ насъ вытребовать народы, принужденные нести военные расходы, тогда поймутъ, что войну умышленно, предвзято вызываютъ безъ достаточнаго основанія. А пока европейскій миръ и судьба Россіи висятъ все время на волоскѣ, и это положеніе становится до крайности невыносимымъ, въ особенности для тѣхъ лицъ, которыя, какъ я, уже два года выносятъ военные тягости...»

Я жалѣлъ, что тотчасъ послѣ ратификаціи Санъ-Стефанскаго договора и даже прежде не назначали посла въ Константинополь. Простой повѣренный въ дѣлахъ²⁾, полумертвый, назначенный чрезъ мѣсяцъ, не можетъ уже ничего вытребовать; это было ясно, я это предчувствовалъ и настаивалъ на немедленномъ назначеніи. Упрямство Горчакова тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, нанесло вредъ нашимъ интересамъ. Здѣсь онъ разыгрываетъ по-

¹⁾ Прежде созванія конгресса.

²⁾ Нелидовъ.

истинѣ недостойную роль. Не будучи въ состояніи ходить, потерявъ память, не схватывая уже смысла новыхъ для него предложеній и не различая оттѣнковъ, онъ говоритъ вкось и вкривъ, горячится, важничаетъ и путаетъ, добавляя, такимъ образомъ, предлогъ къ насмѣшкамъ и уже тяжкому нашему положенію. Къ тому же ни одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ никогда не видѣлъ Востока и никакого понятія не имѣетъ, что до него касается. Такимъ образомъ многое, что могло бы устроиться въ нашу пользу, въ подробностяхъ обращается въ ущербъ намъ вслѣдствіе того, что не представляются своевременно и кстати надлежащіе доводы въ нашу пользу. Наконецъ Шуваловъ, который, несомнѣнно, уменъ и одаренъ быстрою соображеніемъ, находится, какъ мнѣ кажется, слишкомъ подтѣвляемъ впечатлѣніемъ могущества Великобританіи и недостаточно сопротивляется нахальному высокомѣрію Биконсфильда, полагая постоянно видѣть пугало войны въ концѣ спора... Я предлагаю уладить дѣло о мѣстности между Сербіею и Черногоріею, предложивъ Андраши обязательства въ виду обезпеченія торговаго пути, о которомъ онъ постоянно говоритъ, въ томъ, что, пока Турція существуетъ, эта мѣстность не будетъ принадлежать ни Сербіи, ни Черногоріи и что мы воспротивимся нарушенію этого условія, если будутъ попытки его нарушить ¹⁾. Андраши во всемъ этомъ дѣлѣ показали себя очень скверно; что касается Салисбюри, это преестественный лицемѣръ и отмѣнно двуличный человѣкъ. Биконсфильдъ — воплощенный геній зла. Вотъ наши враги; сверхъ того, маленькая змѣя Геймерле ²⁾. Французы слишкомъ много нами пренебрегаютъ, точно такъ же, какъ и итальянцами, которые, однакоже, могли бы быть намъ чрезвычайно полезными ³⁾.

Письмо Нелидова изъ Берлина 29-го іюня (11-го іюля):

«Конгрессъ конченъ, Санъ-Стефанскій договоръ совершенно передѣланъ, Болгарія разрѣзана на двое Балканами ⁴⁾, съ предложеніемъ туркамъ права занять и укрѣпить южный склонъ съ условіемъ не расквартировываться у жителей, ни позволять войскамъ, посылаемымъ для занятія гарнизоновъ въ пограничныхъ укрѣпленіяхъ, останавливаться въ пути. Выдѣлили Македонію.

¹⁾ По мысли Нелидова, пришлось бы Россіи выступить противъ Сербіи, или даже Черногоріи, въ оградненіе интересовъ Австро-Венгріи. Ав т.

²⁾ Геймерле былъ совѣтникомъ австрійскаго посольства при баронѣ Прокешѣ и казался мнѣ всегда фальшивымъ и намъ враждебнымъ, тогда какъ секретари посольства и совѣтники, будучи съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, увѣряли меня, что я напрасно предубѣжденъ противъ проницательнаго австрійца. Ав т.

³⁾ Это мнѣніе раздѣлялъ я вполне и былъ радъ, что Нелидовъ подтвердилъ его при личномъ наблюденіи за ходомъ дѣла. Ав т.

⁴⁾ Нелидовъ ошибался: Болгарія не только была разрѣзана на двое, но раздѣлена на пять частей, изъ которыхъ двѣ части возвращены подъ власть турокъ, тогда какъ онѣ уже были освобождены Россіею. Ав т.

Предоставили право австрійцамъ занять и управлять Босніею и Герцеговиною и содержать гарнизоны въ мѣстности до Митровицы; измѣнили черногорскую границу, уменьшивъ присоединяемую территорию; у насъ вырѣзали часть отходившихъ къ намъ азіатскихъ владѣній; Змѣиный островъ передали Румыніи; консула-делегаты европейскіе будутъ помогать въ управленіи нашимъ комиссаромъ Сѣверной Болгаріи и наблюдать за нимъ. Въ Восточной Румелии поручено европейской комиссіи разработать и ввести новый уставъ. Это отрицательная сторона рѣшеній конгресса; а положительная наша прибыль заключается въ признаніи Европою нашихъ собственныхъ приобрѣтеній и въ созданіи почти независимаго болгарскаго центра, который будетъ служить основою для этой несчастной народности. Но въ особенности это миръ, или, во всякомъ случаѣ, вѣроятность мира вмѣсто этой ужасающей, предстоявшей войны, которая могла быть только гибельная для насъ ¹⁾».

«Въ этомъ я убѣдился еще болѣе на прошедшей недѣлѣ, когда я былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ, или, лучше сказать, въ Царское Село, чтобы дать словесный отчетъ его величеству о положеніи, которое создано намъ здѣсь.

Письмо Нелидова изъ Берлина 1-го (13-го) іюля:

«Сегодня подписываютъ трактатъ и тотчасъ послѣ того всѣ разѣзжаются. Горчаковъ и Шуваловъ уѣзжаютъ въ Петербургъ, и старикъ уже говоритъ, что, если государь будетъ настаивать, онъ согласится сохранить должность до октября. Но въ настоящую минуту необходимъ болѣе, нежели когда-либо, новый руководитель, молодой, дѣятельный, предприимчивый, который бы основалъ на новомъ положеніи новую систему дипломатической дѣятельности... ²⁾

«Мнѣ кажется, что самый серьезный кандидатъ на министра иностранныхъ дѣлъ Лобановъ, и я полагаю, что въ настоящую минуту онъ тамъ былъ бы на мѣстѣ. Но вѣнское правительство требуетъ перемѣны личности. Наша тѣсная связь съ Австріею привела

¹⁾ Это убѣжденіе, къ сожалѣнію, проникло не только дипломатовъ нашихъ, но и главную квартиру арміи. Иностранцы воспользовались такимъ плачевнымъ настроеніемъ, которое я не умѣли скрыть. Когда мнѣ выставляли на видъ, что Берлинскій договоръ упрочилъ европейскій миръ, я отвѣчалъ (въ 1878 г.): я желалъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ покончить всѣ расчеты наши съ Портою и упрочить миръ на Востокѣ, но въ Берлинѣ не миръ водворили, а европейскій и восточный разладъ на многіе годы. Берлинскій договоръ, основанный на невѣжествѣ географическомъ и этнографическомъ и на удовлетвореніи зависти и корыстолюбивыхъ вождѣній Австро-Венгріи и Англіи, дастъ не миръ прочный, а поселитъ взаимное недовѣріе между правительствами, создастъ нескончаемыя вооруженія, раздоры и приведетъ къ усложненію восточнаго вопроса и къ войнѣ.

Авт.

²⁾ А. М. Горчаковъ родился 16-го іюля 1798 года. Поэтому въ эпоху Берлинскаго конгресса ему было восемьдесятъ лѣтъ. Всѣ его противники въ заграничной дипломатіи были моложе. Биконсфильду было 74 года; Бисмарку—63 года; Андраши—55 лѣтъ. Нашему же Игнатьеву было всего 50 лѣтъ.

А. Б.

насть, какъ и слѣдовало ожидать, лишь къ разочарованію ¹⁾. Теперь, когда занятіе Австрією Востокъ и Герцеговины, а Кипра Англією возбудить страсти ²⁾ въ Италіи и Франціи, не слѣдовало бы держаться старой системы. А Новиковъ не можетъ слѣдовать иной. Даже Андраши говорилъ здѣсь, что нашъ посолъ такъ боялся передавать ему непріятное сообщеніе, что необходимо было употребить усилія, чтобы принудить его выговорить то, что ему было поручено сказать. Вообще австрійцы были самые враждебные къ намъ. Геймерле ³⁾ возбуждалъ всего болѣе затрудненій намъ въ подробностяхъ и выказалъ себя до крайности лукавымъ смутникомъ».

Въ Берлинѣ во время конгресса и предварительныхъ переговоровъ въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ забыли, отдавая обратно территоріи, переданныя Турцією Россіи по Санъ-Стефанскому договору, что земельныя уступки замѣнили признанное въ принципѣ денежное вознагражденіе и что справедливость требовала не только не умялять трехсотмилліонной денежной контрибуціи, но увеличить сумму соотвѣтственно уменьшенію территоріальнаго вознагражденія. Вообще не только основная мысль Санъ-Стефанскаго договора была извращена, но цѣльность его была совершенно нарушена: выгодныя для Россіи стороны выбросили или умилили, а невыгодныя оставили, усугубили и ввели новыя добавленія, прямо во вредъ русскимъ интересамъ. Остались лишь обломки заданія, созданнаго въ Санъ-Стефано.

Болгарію не только раздѣлили пополамъ, но раздѣлили на шесть ключковъ: оставивъ княжеству лишь третью округовъ (нахій), входившихъ въ составъ его по договору, дали шесть изъ нихъ Сербіи, одиннадцать—Румыніи, шесть возвратили Турціи безусловно, 29 отдѣлили въ западный участокъ (Македонія) и 22 въ

¹⁾ И это все время, съ 1873 года, предсказывалъ, но меня не хотѣли слушать, извѣрившіеся графу Андраши. Впрочемъ, Непидовъ прежде также вѣрилъ соглашенію съ Вѣною.

Авт.

²⁾ Графъ Шуваловъ, поддерживаемый болѣею частью высшаго петербургскаго общества, вѣми нѣмцами и англичанами, во главѣ съ Бисмаркомъ и графомъ Андраши, надѣялся быть замѣстителемъ князя Горчакова и съ этой цѣлью старался повредить какъ можно болѣе Игнатьеву, котораго онъ считалъ соперникомъ, тогда какъ министерство иностранныхъ дѣлъ полагало, что настѣдѣ князя Горчакова перейдетъ къ Лобанову.

Авт.

³⁾ Графъ Геймерле, австрійскій дипломатъ, родился въ 1828 году въ Вѣнѣ, происходилъ изъ Богеміи. Онъ изучалъ восточные языки въ 1848 году въ Вѣнѣ и увлекся возстаніемъ такъ, что попалъ въ списки подлежащихъ разстрѣлу по приказанію Виллишгреца, но былъ спасенъ по ходатайству барона Гюбнера. Въ 1850 году онъ поступилъ на дипломатическую службу въ константинопольское австрійское посольство въ качествѣ переводчика. Въ 1864 году онъ занялъ въ Копенгагенѣ посольскій постъ; въ 1869 году—таковой же постъ въ Амстердамѣ; въ 1872 году—въ Гаагѣ; въ 1877 году назначенъ австрійскимъ посломъ въ Римъ. Постъ его участія въ Берлинскомъ конгрессѣ онъ въ 1879 году былъ назначенъ преемникомъ Андраши во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ умеръ въ 1881 году.

А. Б.

Восточную Румелию. Однимъ словомъ, отдали двѣ трети Болгаріи въ эксплуатацію туркамъ, румынамъ, сербамъ, грекамъ, австро-венграмъ и англичанамъ. Добруджу можно было рискнуть отдѣлить отъ Болгаріи, лишь когда образовалось бы цѣльное, сильное княжество Болгарское и Россія вернула бы себѣ всю Бессарабію съ дунайскими рукавами. Въ Берлинѣ же, уменьшивъ Болгарію до неузнаваемости и согласившись на отдачу намъ лишь части Бессарабіи, все-таки отдали Добруджу Румыніи, да еще ее чрезмѣрно увеличили. Исходъ Берлинскаго конгресса подтвердилъ то, что я предвидѣлъ и предсказалъ со времени поѣздки моеѣ въ Вѣну: измѣненіе границъ Болгаріи и уступки наши нужны были Австріи и Англіи преимущественно для уничтоженія нашего преобладанія на Балканскомъ полуостровѣ и для того, чтобы легче вытребовать отъ Турціи, въ видѣ вознагражденія за зашту ея мнимыхъ интересовъ, Боснію и Герцеговину Австріи, а Кипръ и право хозяйничанья въ областяхъ съ армянскимъ населеніемъ Великобританіи.

Порта признала, по Санъ-Стефанскому договору, что она должна выплатить Россіи триста милліоновъ рублей деньгами. Оставалось послѣдующими переговорами посольства обезпечить исправный платежъ суммъ серьезными гарантіями и для сего изыскать тѣ доходныя статьи, которыя могли бы быть на сіе опредѣлены. Не принявъ французскаго предложенія, поддержаннаго мною, учрежденія синдиката, чтобы согласить наши интересы съ европейскими кредиторами Порты, наша дипломатія, при рѣшеніи вопроса о платежѣ Россіи турецкаго долга, озабочивалась болѣе объ огражденіи выгодъ послѣднихъ въ угоду кабинетамъ, нежели старалась обезпечить уплату долга Турціею Россіи. Вслѣдствіе сего права европейскихъ кредиторовъ были вполнѣ обезпечены, тогда какъ уступки, сдѣланныя русскими представителями, не только въ способѣ уплаты, но и въ суммѣ долга, были чрезмѣрны. Въмѣсто капитальнаго долга, подлежавшаго взысканію по усмотрѣнію русскаго правительства, мы, уменьшивъ сумму, согласились разсрочить оную на сто лѣтъ и замѣнили взносъ капитала ежегоднымъ, весьма скромнымъ платежомъ. Сверхъ того, платежи эти ничѣмъ существеннымъ не обезпечены—не такъ, какъ взносы турецкой казны по старымъ долгамъ европейскимъ. Подобную сдѣлку нельзя считать выгодною и не унижительною для побѣдоносной Россіи, великодушіемъ которой злоупотребили.

Не только болгары и славяне вообще выражали мнѣ свое сочувствіе, благодарность и сожалѣніе, что я не принималъ участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ, но и армяне вторили нашимъ единоплеменникамъ. Архіепископъ Хоренъ, одинъ изъ уполномоченныхъ армянскихъ депутатовъ, прислалъ мнѣ въ деревню изъ Петербурга 24-го мая горячее письмо, въ которомъ выразился, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Болѣзнь ваша вдвойнѣ для насъ прискорбна,

совпадая съ такою рѣшительною минутою, когда вы такъ намъ были нужны на конгрессѣ. Лучше всякаго другого вы могли бы насъ защитить и описать наше несчастное положеніе. Вы были бы на конгрессѣ нашимъ лучшимъ покровителемъ и защитникомъ предъ Европою, самымъ способнымъ закончить наше освобожденіе, такъ хорошо начатое вашими усиліями. Что бы ни случилось и хотя ваше краснорѣчіе не будетъ имѣть случая проявиться въ пользу нашу въ Берлинѣ, я никогда не забуду, и наша страна также не забудетъ того, что вы сдѣлали для нашего спасенія. Будущій историкъ скажетъ, что генералу Игнатьеву принадлежитъ честь впервые вписать армянъ въ европейскій договоръ и принудить турокъ-угнетателей официально признать, въ торжественномъ актѣ, существованіе забытаго христіанскаго народа, несправедливо страждущаго. Вы приобрѣли незабвенныя права на признательность всего нашего народа».

Иностранцы, въ особенности же славяне и дипломаты, сталкивавшіеся со мною въ теченіе многихъ лѣтъ и привыкшіе считать меня политическимъ дѣятелемъ, не скоро освоились съ мыслью, что я не принимаю уже никакого участія въ восточной политикѣ Россіи и продолжали ко мнѣ обращаться, несмотря на мое молчаніе и на оставленіе мною писемъ безъ отвѣта. Старый мой сотоварищъ и пріятель графъ Корти, засѣдавшій на Берлинскомъ конгрессѣ въ качествѣ итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ, узнавъ, что я съ семьею провожу зиму 1878—1879 годовъ въ Ниццѣ, нарочно пріѣхалъ туда въ январѣ, чтобы съ нами свидѣться и провести вмѣстѣ двое сутокъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Корти былъ близкимъ мнѣ человекомъ и нерѣдко союзникомъ въ дипломатическихъ моихъ дѣйствіяхъ въ Константинополѣ и въ особенности во время конференціи 1876 года, гдѣ онъ первоначально служилъ посредникомъ между Салисбюри и мною, пока не установились дружественныя личныя отношенія между англійскимъ посломъ и его семействомъ и мною и моею женою. Зная его слабость къ Англіи и старыя дружественныя отношенія къ Салисбюри, я предлагалъ канцлеру тотчасъ послѣ появленія циркуляра (мартовскаго) Салисбюри, направленного противъ Санъ-Стефанскаго договора, предоста- вить Корти, только что назначенному на постъ министра иностранныхъ дѣлъ и весьма естественно искавшему случая отличиться, приобрести значеніе въ глазахъ кабинетовъ и выставиться въ благопріятномъ свѣтѣ предъ своими соотчичами, возможность быть довѣрительнымъ посредникомъ сближенія между нами и англійскимъ правительствомъ. Графъ Корти взялся бы вывѣдать отъ Салисбюри тѣ крайнія уступки, которыхъ Англія отъ насъ требуетъ, и подготовить почву для общаго соглашенія. Во всякомъ случаѣ, такимъ путемъ могли бы мы достигнуть желаемой канцлеромъ цѣли удобнѣе, безъ риска и съ большимъ сохраненіемъ нашего достоинства и русскихъ интере-

совѣ. Я очень хорошо сознавалъ, что стоило только разъ показать видъ Англіи и Австріи, что мы готовы поступиться выгодами Санъ-Стефанскаго договора, только что ратификованнаго государемъ, чтобъ притязанія противниковъ нашихъ возросли до чрезвычайныхъ размѣровъ и чтобы всѣ отъ насъ отступились, завлекая насъ на опасный и недостойный Россіи путь постоянныхъ уступокъ и жертвъ для мнимаго сохраненія европейскаго мира. Лучше было предоставить личному другу англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ нимъ предварительно объясниться и отыскать, на собственный страхъ, средства соглашенія, могущія быть нами принятыми, съ сохраненіемъ главнѣйшихъ интересовъ нашихъ и достоинства, чѣмъ предоставить нашему послу въ Лондонѣ, чуждому традицій нашей политики на Востокъ, входить въ непосредственныя сношенія съ англійскими министрами на основаніи предвзятаго принципа, рѣшеннаго между ними, но недостойнаго Россіи,—полнаго отступленія нашего предъ Великобританією и даже Австро-Венгрією и измѣненія, согласно ихъ желанію, Санъ-Стефанскаго договора, ратификованнаго государемъ императоромъ и султаномъ.

Разговоръ, который я имѣлъ съ итальянскимъ посломъ въ Петербургѣ Нигра около 23-го апрѣля, и знаніе личнаго характера и положенія графа Корти убѣждали меня въ готовности и желаніи итальянскаго правительства способствовать сохраненію мира и отстраненію всѣхъ возникшихъ тогда недоразумѣній между Россією и Англією. Я передалъ больному тогда канцлеру и совѣтнику его Жомини впечатлѣніе это, предлагая или имъ самимъ поговорить о томъ съ Нигрою, или же предоставить мнѣ, какъ личному пріятелю Корти, внушить ему мысль о тайномъ посредничествѣ, на собственный страхъ. Баронъ Жомини увѣдомилъ меня письменно въ субботу 25-го марта, что канцлеръ не желаетъ предоставить Нигрѣ и графу Корти случай вмѣшаться, предпочитая ожидать послѣдствій разговоровъ между графомъ Шуваловымъ и Салисбюри. Первый опасный и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшающій шагъ въ направленіи непосредственнаго соглашенія съ Англією цѣною пожертвованія Санъ-Стефанскимъ договоромъ былъ сдѣланъ, къ сожалѣнію, нашимъ посломъ въ Лондонѣ. Нензбѣжныя послѣдствія его не могли быть иными, какъ тѣ, которыя выразились Берлинскимъ договоромъ. Бесѣда съ графомъ Корти въ Ниццѣ подтвердила основательность моихъ предположеній и опасеній. Когда я ему откровенно высказалъ дружескіе, но горькіе упреки относительно перехода его въ лагерь противниковъ Россіи и назвалъ дѣйствія его на Берлинскомъ конгрессѣ измѣною относительно той политики, которой мы вмѣстѣ слѣдовали на Константинопольской конференціи въ 1876 г., графъ Корти сталъ горячо увѣрять меня, что онъ попрежнему вовсе не былъ расположенъ поддерживать виды Австро-Венгрии на Балканскомъ полуостровѣ и притязанія ея на Боснію и Герце-

говину и что, какъ юный министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ желаетъ прежде всего разыграть на конгрессѣ достойную роль миротворца, содѣйствующаго сглаживанію взаимныхъ неудовольствій и затрудненій между Россіею, Англіею и Австро-Венгріею. Для этой цѣли онъ хотѣлъ предложить свои услуги и свое довѣрительное посредничество князю Горчакову и графу Шувалову, жалѣя, что онъ не былъ призванъ къ этому ранѣе конгресса для подготовленія почвы, которая уже была значительно испорчена, когда уполномоченные съѣхались въ Берлинъ. «Русскіе уполномоченные приняли меня очень холодно,—сказалъ Корти:—давъ мнѣ понять, что они не нуждаются ни въ какомъ содѣйствіи моемъ и что они уже непосредственно согласились прежде начала конференціи не только съ Англіею, но и съ Австро-Венгріею». Такой неожиданный отзывъ былъ обиденъ для Италіи и ставилъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ въ щекотливое положеніе. Чтобы выйти изъ него, ему не оставалось ничего болѣе, какъ войти въ полное и исключительное соглашеніе съ Салисбюри, тѣмъ болѣе, что это было тѣмъ легче и удобнѣе для него лично, что онъ уже былъ, «какъ вамъ извѣстно»,—замѣтилъ Корти, —«соединенъ съ англійскимъ уполномоченнымъ узамъ давнишней дружбы». Чтобы не компрометировать своего личнаго положенія предъ итальянскимъ парламентомъ, графъ Корти съ этой минуты подчинился вліянію Англіи и примкнулъ на конгрессѣ къ ея уполномоченнымъ. Очевидно, что если бы князь Горчаковъ, вмѣсто непосредственныхъ предварительныхъ переговоровъ въ апрѣлѣ между графомъ Шуваловымъ, недостаточно знакомымъ съ восточными дѣлами, и Салисбюри, вооруженнымъ всѣми нужными свѣдѣніями и приобретенною опытностію по азіатскимъ дѣламъ вообще и на Константинопольской конференціи въ особенности, разрѣшилъ бы мнѣ дать ходъ дружественному посредничеству графа Корти, то исходъ былъ бы, вѣроятно, болѣе благопріятный, и мы вступили бы въ конгрессъ не будучи связаны тѣмъ пагубнымъ соглашеніемъ, которое было заключено въ Лондонѣ между графомъ Шуваловымъ и англійскимъ министромъ.

Въ Парижѣ осенью въ 1878 году видѣлся я, между прочимъ, съ Ваддингтономъ, который, не будучи мною къ тому вызванъ, разсыпался въ извиненіяхъ и объясненіяхъ своего страннаго образа дѣйствій на Берлинскомъ конгрессѣ, ссылаясь на то, что состоявшееся между графомъ Шуваловымъ и Салисбюри предварительное соглашеніе относительно измѣненія Санъ-Стефанскаго договора и путешествіе нашего посла въ Фридрихсруэ для того, чтобы условиться во всемъ также и съ княземъ Бисмаркомъ, поставило Францію въ совершенную необходимость сблизиться съ Англіею и содѣйствовать ея видамъ, чтобы не очутиться на конгрессѣ въ затруднительномъ и изолированномъ положеніи.

Встрѣтившійся со мною на выставкѣ въ Парижѣ осенью же 1878 г.

германскій посоль, князь Гогенлоэ, упрекнулъ меня въ томъ, что я его, какъ стараго знакомаго, еще не посѣтилъ. Я отвѣтилъ, что избегаю встрѣчаться съ дипломатами, даже съ такими моими старыми коллегами и личными пріятелями, какъ лордъ Лайонсъ, и не намѣренъ посѣщать посольства, чтобы не подумали, что я желаю продолжать дипломатическія занятія, отъ которыхъ я нынѣ служебно отрѣшился. Виды правительства теперь мнѣ неизвѣстны, и такъ какъ я сдѣлался совершенно частнымъ человѣкомъ, а убѣжденія свои не имѣлъ причины измѣнить, то личные взгляды мои, основанные на долгомъ изученіи Востока, могутъ быть не только различны, но находиться въ прямомъ противорѣчій съ господствующими нынѣ взглядами въ Петербургѣ; по положенію же моему мнѣ неприлично выступать за границу оппозиціонно противъ политики, проводимой министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Тогда князь Гогенлоэ, желавшій имѣть со мною откровенный разговоръ для оправданія въ глазахъ моихъ, какъ русскаго патріота, способа дѣйствій германскаго правительства въ послѣднемъ фазисѣ восточнаго вопроса, устроилъ такъ, что мы встрѣтились за обѣдомъ у княгини Маріи Сергѣевны Урусовой ¹⁾, моей родственницы и его пріятельницы. Обѣдали мы втроемъ, и разговоръ принялъ характеръ самой искренней непринужденности. Князь Гогенлоэ старался мнѣ доказать, что въ Россіи напрасно сваливаютъ на отвѣтственность германской политики и въ особенности лично на князя Бисмарка тѣ измѣненія, неблагопріятныя для Россіи, которымъ подвергнулся въ Берлинѣ Санъ-Стефанскій договоръ. Германскіе уполномоченные имѣли въ виду поддержать Россію на конгрессѣ и старались быть намъ полезными, но они были поражены легкомысліемъ и незнаніемъ дѣла русскіхъ уполномоченныхъ, которые «незнакомы были даже съ выгодными намъ протоколами Константинопольской конференціи и первые снѣжили отречься отъ благопріятныхъ Россіи постановленій Санъ-Стефанскаго договора».

Германскіе уполномоченные, очевидно, не могли и не должны были показывать большее рвеніе въ отстаиваніи русско-турецкаго договора и чистоту русскіхъ воззрѣній, нежели представители Россіи. Если бы эти послѣдніе не отказались съ самаго начала и прежде самаго открытія конгресса отъ Санъ-Стефанскаго договора, предавъ его на разграбленіе Англіи и Австро-Венгріи; если бы они выказали болѣе энергіи, усердія, дѣятельности, упорства и настойчивости, если бы они заблаговременно и надлежащимъ образомъ вооружились свѣдѣніями и доводами по предметамъ, подлежащимъ обсужденію конгресса.—результаты европейскаго рѣшенія были бы совершенно иные, несравненно благопріятнѣе для

¹⁾ Княгиня М. С. Урусова, дочь Сергія Павловича Мальцова, лядя графа П. П. Игнатьева.

Россіи, нежели тѣ, которые выразились въ Берлинскомъ договорѣ. Князь Бисмаркъ не могъ и не долженъ былъ выказываться неблагопріятнымъ не только въ отношеніи къ Австро-Венгріи, но и къ Англіи, «разъ что вы сочли нужнымъ помимо его сговориться съ обѣими державами относительно признанныхъ вами возможными отступленій отъ Санъ-Стефанскаго договора, даже прежде съѣзда уполномоченныхъ въ Берлинѣ». Хотя я пытался выставить, что требованія Австро-Венгріи и Англіи были бы умѣреннѣе, если бы державы эти знали, что Германія ни въ какомъ случаѣ поддерживать ихъ не будетъ, а станетъ на нашу сторону; но объясненія князя Гогенлоэ открывали такія слабыя стороны нашей дипломатіи, которыя мнѣ, къ сожалѣнію, были слишкомъ близко извѣстны, чтобы я могъ чѣмъ-либо ихъ опровергнуть, тѣмъ болѣе, что съ непонятною податливостью предъ Австро-Венгріею и Англіею нашего министра иностранныхъ дѣлъ, невѣжествомъ нашихъ представителей въ восточныхъ дѣлахъ и личными интересами, направленными противъ меня, приходилось мнѣ столько лѣтъ бороться, вынося на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія вреднаго для русскихъ интересовъ направленія нашего дипломатическаго вѣдомства ¹⁾).

Повидному, въ Петербургѣ не давали себѣ хорошенько отчета въ степени пораженія, претерпѣннаго Россіею на Берлинскомъ конгрессѣ. Отъ государя старались скрыть неудовлетворительность результатовъ завѣреніемъ, что лишь «нѣкоторыя статьи ратификованнаго имъ договора подверглись измѣненію для предупрежде-

¹⁾ Приведенные здѣсь графомъ Игнатьевымъ въ заключеніе своихъ значительныхъ записокъ грустные факты представляются такимъ грознымъ передъ потомствомъ обвинительнымъ актомъ, что всякое слово отъ посторонняго пера блѣднѣетъ передъ краснорѣчіемъ этихъ прямо ужасныхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, передъ судомъ исторіи пройдетъ не одна только вина посылки на Берлинскій конгрессъ неспособныхъ представителей Россіи, съ совершенно размягченнымъ отъ старческаго слабоумія Горчаковымъ во главѣ. И не въ одной только преступно-безсмысленной ихъ уступчивости врагамъ Россіи ихъ ничѣмъ незамолимый грѣхъ; и даже не въ томъ, что ихъ поведение принуждало возможныхъ союзниковъ (Италію, Францію, даже Пруссію) спѣшить подчиненіемъ нашимъ врагамъ, дабы не остаться самими въ опасной изолированности. Мы скажемъ: даже не въ этомъ—главное зло. А въ томъ, что не въ лицахъ и не въ случайныхъ катастрофахъ и проигрышахъ подводили Россію, но на цѣлыя поколѣнія возводили это политическое банкротство въ систему и традицію. Ученики и преемники Бисмарка и Гогенлоэ, будучи уже въ 1878 году превосходно осведомлены о мельчайшихъ чертахъ нашего дипломатическаго рамолисмента, возведеннаго въ непреложную систему, не могли впослѣдствіи не положить этого обстоятельства въ основаніе всѣхъ своихъ расчетовъ, направленныхъ къ разрушенію національной Россіи. Они даже преувеличили этотъ расчетъ. И когда наступилъ грозный 1914 годъ, они исключительно видѣли этотъ давно извѣстный имъ некрозъ, зная, что наша дипломатія осталась въ тѣхъ же традиціяхъ, несмотря на иное разслоеніе въ Европѣ народныхъ интересовъ со времени франко-русскаго союза; они одного только не предвидѣли: возрожденія національнаго духа русскаго народа и его оздоравливающаго вліянія на эти Авгіевы столы. А вѣдь Игнатьевъ предвидѣлъ и эту грядущую зарю русской народной души.

нія войны съ коалиціею европейскихъ державъ», которую графъ Шуваловъ и Новиковъ выставляли неминуемою. Когда въ августѣ 1878 года я прибылъ въ Петербургъ, чтобы отдать въ Пажескій корпусъ старшаго своего сына, то я представился государю въ Царскомъ Селѣ въ самый день убійства Мезенцева на Михайловской площади въ Петербургѣ. Разстроенный государь принялъ меня милостиво и обратился ко мнѣ между прочимъ съ вопросомъ: «Не правда ли, хорошо меня угостили въ Берлинѣ: Санъ-Стефанскій договоръ порядочно обрѣзали. Что ты мнѣ скажешь въ утѣшеніе?»

Озадаченный такимъ вопросомъ, я отвѣтилъ государю: «Ничего почти не осталось отъ моего договора. Весь смыслъ или вкусъ утраченъ, ибо Санъ-Стефанскій договоръ былъ сдѣланъ подъ русскимъ соусомъ, а Берлинскій подъ австро-венгерскимъ. Вкусъ получился совсѣмъ другой».

Такъ какъ это было сказано при другихъ представлявшихся, то государь приказалъ мнѣ остаться до окончанія докладовъ министровъ и затѣмъ, призвавъ въ кабинетъ и приказавъ сѣсть, сталъ обстоятельно рассказывать, показывая телеграммы, которыя сложены были въ порядкѣ въ картонѣ, стоявшемъ на столѣ, справа отъ кресла, на которомъ сидѣлъ царь, какъ его «обманивали и пугали», грозя постоянно войною съ Англіею, и какъ Шуваловъ вымаливалъ, «вымогалъ» у него постепенно, шагъ за шагомъ, уступки, пользуясь тѣмъ, что ему было извѣстно, до какой степени государь не желаетъ войны и опасается разоренія Россіи. Меня глубоко тронуло и потрясло зрѣлище добраго самодержца, старающагося объяснить своему подданному причину своей громадной уступчивости и, такъ сказать, оправдать себя въ глазахъ русскаго патріота. Государь показалъ, что онъ очень недоволенъ графомъ Шуваловымъ, и, обвиняя его въ недобросовѣстности и потворствѣ Англіи, прочелъ мнѣ нѣсколько телеграммъ уполномоченныхъ нашихъ и свои отвѣты, для выясненія своей податливости и доказательства, что его постоянно старались «обобратить врасплохъ». Подъ конецъ продолжительнаго разговора государь спросилъ меня: могу ли я составить ему объяснительную записку съ указаніемъ на разницу между Берлинскимъ и Санъ-Стефанскимъ договорами? Я отвѣчалъ государю, что, будучи вполне знакомымъ съ нашими интересами въ Турціи, мнѣ ничего не стоитъ, по внимательномъ прочтеніи Берлинскаго договора, сдѣлать сопоставленіе между его постановленіями и статьями моего договора.

По приказанію государя я уже на слѣдующій день привезъ его величеству прилагаемое сравненіе Берлинскаго договора съ Санъ-Стефанскимъ. Государь благодарилъ за быстро исполненное порученіе, но по прочтеніи былъ сильно взволнованъ и со слезами мнѣ сказалъ, что онъ никакъ не ожидалъ, что наши мнимые пріатели до такой степени унизили результаты войны. Записку эту государь

передалъ послѣднику цесаревичу. Въ бытность мою министромъ внутреннихъ дѣлъ государь Александръ Александровичъ сказалъ мнѣ, что эта записка хранится у него въ ящикѣ, какъ предостереженіе противъ ухищреній нашихъ враговъ на Востокѣ и податливости нашихъ дипломатовъ передъ Европою ¹⁾.

Дѣйствительно, всѣ невзгоды, постигшія Россію въ эпоху Крымской и Восточной войны, пропеваютъ главнѣйше отъ нашей гонимости за европейскими союзами и угодливаго преклоненія предъ Европою. Министерство иностранныхъ дѣлъ воображало, что мы можемъ быть солидарны на Востокѣ съ европейскими интересами, что мы обязаны ихъ охранять, дѣйствуя великодушно и безкорыстно равнодушно, теряя изъ виду свою собственную историческую задачу и пренебрегая собственными кровными интересами. Послѣ Берлинскаго договора я высказалъ князю Горчакову, что вижу лишь ту одну пользу изъ нашей войны и послѣдующихъ затрудненій, что положеніе наше въ Европѣ и дѣйствительныя отношенія къ различнымъ государствамъ окончательно выяснились даже для тѣхъ, которые наиболѣе заблуждались на этотъ счетъ, увлекаясь личными симпатіями, впечатлѣніями и поддаваясь живымъ увѣреніямъ въ дружбѣ или благорасположеніи. Связь наша съ тройственнымъ союзомъ императоровъ и въ особенности съ коварною Австро-Венгерією порвана мнимыми союзниками.

Намъ не слѣдуетъ ни на кого разсчитывать, но и не соглашаться нести тягостныя европейскія обязательства сверхъ такихъ, которыя уже возложены на Россію точною буквою существующихъ договоровъ. Мы хорошо знаемъ, къ чему насъ привели тройственные союзы: «Священный»—къ затрудненіямъ 1839—1840 г.г. и къ Крымской войнѣ и новѣйшій—къ невозможности осуществить Санъ-Стефанскій договоръ, добытый русскою кровью, и къ положенію подсудимаго на Берлинскомъ конгрессѣ.

Бывшій нашъ посолъ въ Вѣнѣ (Головкинъ) еще во время Меттерниха писалъ министру: «Только одни мы остались стражами и вѣрными исполнителями началъ, положенныхъ въ основу союза; Отъ союза сохранилась только форма, а содержанію былъ придаваемъ вѣнскимъ дворомъ смыслъ, соотвѣтствующій его собственнымъ интересамъ и цѣлямъ, наперекоръ нашимъ интересамъ и даже съ пренебреженіемъ нашего достоинства». То же можно сказать и

¹⁾ Это свидѣтельство знаменательно. Оно указываетъ, что ударъ, нанесенный намъ въ Берлинѣ, глубоко отразился въ душахъ двухъ царей: у престарѣлаго Александра II онъ вызвалъ слезы, но ему поздно было вырваться изъ нѣмецкихъ тисковъ; а на молодого Александра III разрушеніе Санъ-Стефанскаго договора подѣйствовало воспитательно, какъ великолѣпный урокъ исторіи. Этотъ царственный ученикъ не забылъ испосланныя отъ Провидѣнія урока. Все царствованіе Александра III можетъ быть охарактеризовано этимъ короткимъ надсловіемъ: «Послѣ Санъ-Стефанъ».

о тройственномъ союзѣ новой формаціи, съ тою лишь разницею, что графъ Андраши не стѣснялся даже наружную форму не собности и отъ буквы договора отступиться. Замѣчательно, что еще въ сороковыхъ годахъ русское правительство уже убѣдилось въ недобросовѣстности и коварствѣ Австріи въ отношеніи къ намъ. По доносенію нашего посла въ Вѣнѣ: «Вѣнскій кабинетъ видитъ въ Мюнхенгредской конвенціи скорѣе средство привязать Россію къ себѣ¹⁾, чѣмъ быть привязаннымъ обязательствомъ къ намъ». Развѣ не совершенно то же самое можно сказать о Рейхштадтскомъ и Берлинскомъ соглашеніяхъ, а равно и объ андрашевской нотѣ, переданной державами Портѣ?

То, что претитъ Австро-Венгрии и страшитъ ее, то, что, по мнѣнію Европы, составляетъ предметъ незаконнаго честолюбія Россіи, т. е. господство Россіи въ Царьградѣ и въ особенности въ провинціяхъ, независимость славянъ въ союзѣ и подъ покровительствомъ Россіи,—по мнѣнію каждаго истиннаго патріота,—выражаетъ необходимое требованіе историческаго призванія и развитія Россіи. Можно медлить разрѣшеніемъ грознаго вопроса²⁾, отдавать по тѣмъ или другимъ соображеніямъ окончательную борьбу, но она не можетъ быть отвлечена иначе, какъ если Европа почувствуетъ и признаетъ необходимость добровольно удовлетворить законное стремленіе Россіи владѣть выходомъ изъ Чернаго моря и сознаетъ справедливость желанія славянъ быть независимыми отъ Австро-Венгрии и

¹⁾ Мюнхенгредъ (по-чешски «Мнихово-Градище») — маленькій городъ въ Сѣверной Богеміи. Здѣсь произошла конференція между императорами русскимъ и австрійскимъ, при участіи прусскаго наслѣдника престола, съ 10-го по 20-ое сентября 1833 года, послѣдствіемъ чего явилась крайне стѣснительная для насъ, въ дѣлахъ Востока, Мюнхенгредская конвенція. Этотъ договоръ явился мастерски выполненнымъ планомъ Меттерниха, коему удалось, къ величайшему удовольствію Англіи, Франціи и самой Австріи, лишить насъ дальнѣйшаго использованія исключительныхъ выгодъ Ункіаръ-Скепесскаго договора, заключеннаго въ іюнѣ 1833 года. А. Б.

²⁾ Высказанная здѣсь въ запискахъ Игнатіева мысль есть несомнѣнный выводъ изъ долгаго наблюденія надъ одной изъ самыхъ мертвящихъ сторонъ нашей дипломатіи. «Можно медлить разрѣшеніемъ грознаго вопроса... но медлить не значитъ дѣйствовать наперекоръ». Европейскіе писатели перѣдко смѣшиваютъ въ одной общей похвалѣ «московитскихъ» дипломатовъ прежнихъ вѣковъ съ новѣйшими и приписываютъ намъ удивительную мудрость и умѣніе откладывать на одно, на два поколѣнія то, что сейчасъ не дается намъ въ руки, подобно тому, какъ Азовъ мы сначала отказались брать преждевременно (при Михаилѣ Осодоровичѣ); потомъ взяли (при Петрѣ); затѣмъ его вернули въ 1711 году, опять взяли при Анніѣ Іоанновнѣ, еще разъ вернули въ 1739 году и, наконецъ, присоединили при Екатеринѣ въ 1774 году. Эта черта русскихъ неуспѣшныхъ и вѣковыхъ приращеній удивляетъ и неимоверно подавляетъ умъ западныхъ людей; но они плохо разбираются въ причинахъ этого явленія и незаслуженно приписываютъ нашей дипломатіи такія традиціи и такую мудрость, въ коихъ она неповинна. Они, во-первыхъ, смѣшиваютъ «государевыхъ слугъ» типа «думнаго дьяка Емельяна Украинцева» (XVII и начала XVIII в.в.) съ «инсесельродовскимъ ефменемъ» XIX столѣтія, а, во-вторыхъ, никогда не составили себѣ даже приблизительнаго понятія о реальныхъ факторахъ въ русской исторіи, иноземные писатели

Турціи. Впрочемъ, на такое мирное разрѣшеніе восточнаго вопроса весьма мало надежды.

Если бы враги наши могли достигнуть, чтобы русское правительство,—какъ они желаютъ,—отказалось отъ своихъ вѣковыхъ преданій, перестало внимать не только голосу народной чести, но и побужденіямъ инстинкта самосохраненія, забывъ славянскій и восточный вопросы, то едва ли союзники наши почтутъ себя вполне удовлетворенными и оставятъ насъ въ покоѣ; наше униженіе казалось бы слишкомъ невѣроятнымъ, неестественнымъ, нашему самозабвенію не повѣрили бы и заподозрѣли бы насъ во временномъ притворствѣ; но, конечно, они не замедлили бы воспользоваться нашею уступчивостію и пассивнымъ положеніемъ, чтобы систематически отнять у насъ всякую почву на Востокѣ, умалить для будущаго наши нравственные средства воздѣйствія на единокровныя и единовѣрныя народности, разрознить насъ съ ними такъ, чтобы впослѣдствіи борьба на Балканскомъ полуостровѣ намъ уже была не по силамъ.

Несомнѣнно, война большое зло, однакоже не самое большое въ исторической жизни народа. Можно безъ войны потерпѣть рядъ пораженій политическихъ и нравственныхъ, которые отзовутся на

не подозрѣваютъ существованія этого вѣчнаго парадокса русской земли: народъ-исполнѣ, творящій исторію вопреки слоямъ, видимо, призваннымъ къ защитѣ его интересовъ. Этотъ парадоксъ пронизываетъ почти всѣ отрасли жизни, но нигдѣ онъ не царствуетъ такъ сокрушительно и гибельно, какъ въ такъ называемыхъ нашихъ «иностранцахъ» дѣлахъ, въ особенности за періодъ послѣ наполеоновскихъ войнъ. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть корень того, почему всѣ освобождаемые нами на Ближнемъ Востокѣ православные народы постепенно отстраняются отъ насъ и превращаются во враждебно-настроенныхъ и разочарованныхъ, зачастую жалуясь, что ихъ «обманули» въ роковые моменты ихъ исторіи. Это странное явленіе становится весьма понятнымъ (въ особенности въ поучительныя мгновенія 1914—1916 гг.), если сообразить, что этихъ естественныхъ союзниковъ нашихъ заманиваетъ и зачаровываетъ русскій народъ-исполнѣ, увлекая ихъ вихремъ общихъ интересовъ и общаго историческаго русла, но обманываютъ тѣ, которые подводятъ итоги событіямъ, ибо они принадлежатъ великимъ роковымъ силамъ, находящимся внѣ Россіи. И вотъ, для оправданія этого разлада, они намъ говорятъ: «Подождемъ. Время не настало. Все великое дѣлается не сразу». И на это прозорливый Игнатъевъ отвѣчаетъ: «Хорошо, можно медлить разрѣшеніемъ грознаго вопроса. Но, откладывая, надо все же твердой традиціей накоплять средства и никогда не забывать великихъ народныхъ цѣлей». Иначе, подъ видомъ временнаго откладыванія, совершается историческій обманъ, обезоруживаніе страны передъ сознательно надвигающимся врагомъ тысячелѣтній и облегченіе, наконецъ, ихъ глубоко задуманнаго дѣла руками тѣхъ же «государевыхъ слугъ земли русской», какъ это случилось на Берлинскомъ конгрессѣ.

Вотъ то поученіе, которое оставилъ намъ Игнатъевъ для имѣющей, несомнѣнно, возродиться «Игнатевской школы дипломатіи». Это его загробные завѣты. Оно могло быть по плечу лишь тому сильному творцу «Санъ-Стефанскаго договора», который былъ преступно стертъ со сцены въ эпоху Горчаковыхъ и Шуваловыхъ. Его голосъ смолкъ, но подобенъ зерну, которое уходитъ въ черноземную могилу, дабы выйти изъ нея золотистымъ урожаемъ.

А. Б.

будущности и укладъ государства самымъ тягостнымъ образомъ. Всякое увлеченіе европейскими соображеніями, не провѣренными съ точки зрѣнія исключительно русскихъ интересовъ, всякое безкорыстное великодушничанье въ политикѣ можетъ нанести неисправимый вредъ Россіи.

Возмутительно, что Салисбюри могъ заявить въ парламентѣ, что онъ оказалъ на Берлинскомъ конгрессѣ услугу какой-то государственной, благоразумной партіи въ Россіи, давъ ей опору и напугавъ противниковъ ея гнѣвомъ Англіи. А Виконесильдъ, оправдывая англійскую политику въ отношеніи къ Греціи, высказалъ мысль, что «Греція, оставаясь нейтральною, по совѣту Англіи, получитъ больше, нежели славянскія княжества, жертвовавшія всѣмъ для войны, совместно съ Россіею противъ Турціи».

Для успѣха нашей политики не только на Востокѣ, но и вообще въ Европѣ, всего важнѣе уяснить себѣ и установить цѣль, къ которой мы должны неизмѣнно и единодушно стремиться, придерживаясь неуклонно опредѣленнаго образа дѣйствій и оставаясь равнодушными къ европейскимъ событіямъ, не имѣющимъ соотношенія къ нашимъ прямымъ интересамъ. Большая часть европейскихъ государствъ не случайно, а существенно враждебна Россіи по разнымъ побужденіямъ. Слѣдовательно, Европа только тогда для насъ безопасна, когда политическое равновѣсіе и согласіе между западно-европейскими державами нарушено. Ясно сознавая цѣль и правильная оцѣнка дѣла съ русской точки зрѣнія позволять намъ воспользоваться всѣми случайными обстоятельствами, всѣми счастливыми событіями въ Европѣ, чтобы неуклонно приблизиться къ желаемому результату. Безкорыстіе въ политикѣ въ сущности не что иное, какъ самовольное пожертвованіе ввѣренными намъ общенародными, дѣйствительными интересами (которые должны быть для дипломатовъ священными) легкомысленному тщеславію нашему или страху, недостойному великаго народа.

Россіею много потеряно благопріятныхъ случаевъ для огражденія своихъ неизмѣнныхъ интересовъ на Востокѣ, много упущено времени и понесено напрасныхъ жертвъ, но лишь бы была у насъ осмысленная политика и твердое руководство, новые случаи, несомнѣнно, представятся. Нашимъ союзникомъ и другомъ въ Европѣ можетъ считаться лишь тотъ, котораго существенные интересы намъ не противорѣчатъ, который можетъ въ данную минуту намъ содѣйствовать сознательно или даже безсознательно приблизиться къ благополучному разрѣшенію нашей исторической задачи: къ обладанію проливами, преобладанію въ Царьградѣ и освобожденію и объединенію, подъ руководствомъ Россіи, славянъ на развалинахъ Турціи и Австріи.